

ГЕОРГ
ГЕЙМ

Небесная трагедия

· B I L I N G U A ·

АЗБУКА-КЛАССИКА

Georg
HEYM
1887 – 1912

Georg
HEYM

*Der Himmel
Trauerspiel*

Sankt Peterburg
Azbuka-Klassika Verlag
2005

Георг
ГЕЙМ

*Небесная
трагедия*

Санкт-Петербург
Издательство «Азбука-классика»
2005

УДК 82/89
ББК 84.4 Г
Г 27

Вступительная статья Н. Павловой
Составление и комментарии А. Маркина
Перевод с немецкого М. Гаспарова

Гейм Г.

Г 27 Небесная трагедия: Стихотворения / Пер.
с нем. М. Гаспарова. — СПб.: Азбука-классика,
2004. — 448 с.

ISBN 5-352-01275-1

В настоящую книгу немецкого поэта-экспрессиониста **Георга Гейма** включены стихотворения из сборников «Вечный день», «Umbra vitae», «Небесная трагедия». Трагическая гибель молодого поэта в водах реки Хафель наложила особый «посмертный» отпечаток на все его творчество. Настоящее издание — билингва. Стихи даны в переводе Михаила Гаспарова. Издание предваряет статья Н. Павловой о жизни и творчестве Г. Гейма, и завершают комментарии А. Маркина.

- © М. Гаспаров, перевод, 2005
- © Н. Павлова, статья, 2005
- © А. Маркин, состав, комментарии, 2005
- © В. Пожндаев, оформление серии, 1996
- © «Азбука-классика», 2005

ISBN 5-352-01275-1

ПОЭЗИЯ ГЕОРГА ГЕЙМА

Десятые годы прошлого века ознаменовались в литературе Германии и Австрии недолгим торжеством экспрессионизма. Громче всего экспрессионизм заявил о себе в политической поэзии и позже в драматургии. Но начинался он с творчества трех рано погибших больших поэтов — Георга Гейма, Георга Тракля, Эрнста Штадлера, значение которых выходит далеко за границы этого направления. Все трое были поэтами пророческого склада, видели, как и большинство экспрессионистов, назревавшие в жизни сдвиги. Но им не были свойственны та страсть к самовыражению и пафос, которые отличали, например, Франца Верфеля или Иоганнеса Бехера.

Творчество Георга Гейма (Heut Georg, 1887—1912) представляет в немецкой поэзии особые возможности. В тяготевшем к абстрактности экспрессионизме («Не падающий камень, а закон тяготения» — так определили впоследствии один из главных его эстетических принципов) поэзию Гейма выделяет главенство предметности. Поэт разворачивает за картиной картину. Голос его не слышен. Откликаясь на первый стихотворный сборник Гейма, Эрнст Штадлер писал о нем еще в 1911 году как о крупнейшем даровании, «совершенно поглощенном созерцанием своих образов, как будто оцепеневшем от их ужаса, но без осязательного резонанса души, лирической взволнованности, полностью отдавшемся предметной мощи своих картин». Именно в этом смысле поэзию Гейма называли «молчащей». Однако молчание это не абсолютно. Особый характер и у его предметности. Жизнь не воспринимается больше непосредственно — она предстает как предмет истолкования, трудной рефлексии художника. Его стихи дали впечатляющий вариант тех

Названия стихотворений Г. Гейма, стихи и цитаты из них даны (кроме оговоренных случаев) в подстрочном переводе автора статьи.

новых отношений между лирическим Я и миром, которые по-своему решались всей мировой поэзией XX века.

1

Творчество Гейма, оборвавшееся трагической гибелью (он утонул, катаясь на коньках, подо льдом реки Хафель), укладывается в недолгие тринадцать лет. Он начинал с малоудачных трагедий, писал новеллы. Но славу принесли ему стихи, создававшиеся с 1910 года: в единственный изданный при его жизни сборник («Вечный день» (далее ВД) — «Der ewige Tag», 1911) он включил лишь одно из написанных до этого стихотворений.

Некоторое представление о поэзии Гейма могут дать уже названия его стихов: «Города», «Новые дома», «Мельницы», «Арестанты»... Заголовки конкретны, говорят как будто сами за себя, представлены наиболее «основательной» частью речи — существительными. Примечательно и то, что существительные, как часто бывает в его поэзии, поставлены во множественном числе. В отличие от поэзии Тракля, сохранявшей камерность и при разлете пространства и времени, Гейм, как и большинство экспрессионистов, видит жизнь крупно, большим массивом, в блоках. Сурово потеснено все единичное, частное, мир души. По общему признаку в группы соединяются в его стихах люди: мельники, угольщики, самоубийцы (они «ходят толпами» — стихотворение «Люди стоят впереди на улицах...»), слепые, наконец, самая обширная группа — мертвые. В подобном укрупнении они более заметны — «реальны», хотя о прямом отражении реальности в его поэзии не может идти речи. Предвосхищая массовые сцены в пьесах экспрессионистов (Э. Толлер, Г. Кайзер), поэт подчеркивал общие реакции, отчетливость общего жеста. В этих стихах упоминаются миллионы. Речь в них заходит об умирающих народах. Гейм писал о больших городах, упавших на колени. Написал, как людские толпы неподвижно стоят на улицах и с ужасом смотрят в небо. Но видел он и дальше, шире: моря, острова, леса, землю с ее глубинами, небо, заоблачные пределы. Вода, твердь, воздух, огонь — все стихии, так же как свет и тьма, — участники его поэзии.

Мир Гейма огромен. В этом своем качестве его поэзия, казалось, близка поэзии У. Уитмена и Э. Верхарна. Еще одно возможное сопоставление — несомненно, близкий Гейму Гёльдерлин, заново открытый как раз в это время. Но его собственный мир построен по иным законам, в нем другие пространство и время.

Исследователи писали об отсутствии границ в его ландшафтах. Границей не является даже горизонт. За горизонт уплывает в конце гаснущего дня утопленница Офелия в одноименном стихотворении.

Стихотворение было навеяно «Офелией» Рембо, которого Гейм почитал в числе главных поэтических авторитетов. Но существенны не только параллели (миф о странствии утопленницы), но и расхождения. У Рембо сказано, что странствие мертвой длится тысячелетия, но природа, ей сочувствующая, в стихотворении одна и та же. У Гейма вслед за одним пространством открывается другое. После первобытного состояния мира (лесная топь, папоротники, летучие мыши, утөр) открывается другая картина (в стихотворении она выделена новой цифрой), и видны посевы, поля, потом города, мосты, слышен шум толпы, грохот машин. А потом — бескрайность: Офелия плывет «Через многих зим печальные гавани // Вниз по времени. Прочь чрез вечности». Огромный размах времени представлен меняющимся пространством. Пространство прерывно: между его кусками, как не однажды у Гейма, провалы. Разные пространства не соприкасаются друг с другом. Более того, сама Офелия обведена непроницаемым контуром: если у Рембо мир отвечал сочувствием бедной утопленнице, если сама она тут «подобна цветку», то есть и мертвая включена в жизнь, то у Гейма Офелия — иная субстанция существования, мир не принимает ее, «невидимую», и лишь темная тень покрывает людские толпы там, где она проплывет — «Мимо, мимо!..» («Vorbei, vorbei!..») вместо гетевского «Туда, туда...» («Dahin, dahin...»).

Те картины, которые рисовал Гейм, не соответствовали традиционным представлениям науки о пространстве как гомогенной протяженности. Он видел жизнь в разрывах, уничтожавших континуальность, ощущал придвинувшимися друг к другу концы и начала. К этому времени Эйнштейн

уже создал теорию относительности, одним из положений которой стал вывод о пространстве и времени как единой форме существования материи. Нет данных о знакомстве Гейма с идеями Эйнштейна, он не посещал, как это было с Кафкой, его лекций. Но во всей европейской культуре оживился интерес к первоосновам мира, к онтологическим проблемам, к содержанию пространства и времени, к иным, неочевидным формам жизни. Время в «Офелии» Гейма длится с одного захода до следующего. Но это — «вечный день» (как и был назван включивший стихотворение сборник), он длится вечно — от начала начал, праистории до эпохи цивилизации и за ее пределы. Головокружительный разлет времен. Вот тут и проявляется парадоксальное свойство геймовского мира: заключив в себя все, время не нуждается больше в движении. Время стоит. Вместо движения — совмещение пространств, «ярусность».

Пространство у Гейма стеснено. В его бескрайности нет простора. Причина не только в перенасыщенности картины множеством лиц и предметов: суть в невозможности движения, в застопоренности, в невидимых препонах, возникающих на пути.

«Мертвыми городами земля покрыта» («Von toten Städten ist das Land bedeckt»), — говорится в одноименном стихотворении 1911 года. Как венки, свисает плющ с городских стен, да иногда прозвучит колокол. В вечернем полусвете по голым дорогам идут печальные процессии, «цветы завядшие несут в руках». Но и это слабое движение прекращается.

Глаголы в большинстве стихотворений Гейма стоят в настоящем времени. Это время статики, прекратившегося развития. В литературе экспрессионизма поэзия Гейма выделяется отсутствием свободы. Вместо разряженной атмосферы экспрессионистических произведений, где и плотность воздуха не препятствовала порывам героев («Время — сегодня, место — мир», — гласила вводная ремарка к пьесе В. Газенклевера «Люди», 1918), в стихах Гейма господствует скованность. При этом с настойчивостью, редкой у других экспрессионистов, он ставит именно «темпоральные» слова — время дня, время года — в названия своих стихотворений: «День», «Вечер», «Ночь», «Зима», «Осен-

ний сад», «Середина зимы» и т. д., во множестве вариантов. Чаще всего встречается ночь, а из времен года осень и зима — это архаическое, актуализированное поэтикой барокко замещение смерти («O, Muster von dem Tod», — писал о зиме Андреас Грифиус). Зима — все мертво, ночь — все неподвижно хотя бы потому, что скрыто мраком. Но даже и там, где Гейм хочет обозначить активность, он ограничивает ее пределами настоящего времени и — бесперспективностью. В стихотворении «Зима» говорится о «равнине, растягивающей зиму»; «стрелки показывают // Друг другу вытянутой рукой // Молчание фиолетового горизонта» — все это действия, не подразумевающие движения.

Лишь у начинавшего в экспрессионизме Готфрида Бенна в его первом вышедшем через год после «Вечного дня» Гейма сборнике «Морг» (1912) заметно столь же упорное пристрастие к неподвижности. В отличие от «видений» Гейма образность у профессионального врача Бенна иная. Но у обоих поэтов статика до предела напряжена: она исполнена не приведенных к разрешению противоречий. Представлено иссохватывающее состояние мира: царит «застывший непокой» — формула почитавшегося Геймом Бодлера.

Показательно, что у Гейма неподвижно именно то, что таковым быть не может: «...Моря застывают. На их волнах // висят корабли...», деревья «не сменяют времен» (стихотворение «Люди стоят впереди на улицах...»). Движение не забыто, но насильственно прервано. В его замечательных любовных стихах все подвижно, но и эта подвижность прерывается. Вслед за строчками «Или мы встанем...», «Мы найдем с тобою...» в стихотворении «Твои ресницы, длиннее...» следует:

Мы отдохнем наверху,
Среди чахлых цветов на поляне...
Только с тополя стройного,
Вечной любимого синю,
Ржавый падает лист,
На твоём отдыхает плече.

Перевод Г. И. Ратгауза мягче оригинала: у Гейма тополь лишен определения «стройный» и «любви вечной сини»,

а ржавый лист лежит не «на твоём плече», а на затылке: поза — ничком на земле — гораздо более тревожна.

Мощно звучит геймовский «Гимн» («Нупле», 1911), свободный от риторики экспрессионизма: «Бесконечные воды катятся через горы, // Бесконечные моря увенчивают длящуюся землю... // Бесконечные органы трубят в тысячи труб...»

Все в этой космической картине доведено до наивысшего напряжения, все силы активны. Однако и этой активности поставлены ограничивающие пределы: ее гасят бесконечность процесса и беспредельность пространства. В самой бесконечности — тайный знак безнадежности.

Стихи Гейма лишены кричащих контрастов и диссонансов, обычных в экспрессионистической поэзии. В них нет форсированной веры в «нового человека», на плечи которого возлагалось спасение мира (И. Бехер, «Распад и торжество», 1913). Но в этих стихах есть иное скрытое напряжение — речь идет об уничтожении. Предметы отдают свои краски, теряют формы. Столетиями не сходили на землю корабельщики в стихотворении «Летучий Голландец», высохли их руки, как корни, вросли в гнилые борта корабля, из ушей торчит длинный мох. Все возвращается к несвойственному живому миру единообразию — единообразию пустоты (слова с корнями «пустой», «полюй» много раз повторяются в его стихах). Мир влечется к равенству разного. Варьируется библейский топос — пыль, прах, столь важный в европейской поэзии, начиная с Бодлера. Жизнь дана в состоянии, какой ее через десять лет представил Т. С. Элиот в поэме «Выжженная земля» (1921). Даже в любовном стихотворении «Твои ресницы, длинные...» говорится о «доме засохших цветов...». Предметов осталось немного. В стихах Гейма это представлено трагической картиной разреженного пространства.

Дом, город — центры обжитого мира — мертвы: как венки, свисает плющ с зубцов, да внутри иногда позовет колокол... Не к городам, а от них «по голым дорогам» движутся печальные процессии, облаченные в траурные одежды, — «цветы завядшие несут в руках». Традиционно-го положительного значения лишена дорога: у Гейма она обрывается, ведет в никуда или к могиле. Отсутствует пре-

одоление препятствий: речь у поэта идет о том, что за пределами сил человека.

Дом, город, дерево, цветок, горы — все это частые слова и в поэзии Гёльдерлина, смысловая опора его поэзии. Но речь у Гёльдерлина однажды заходит об «ангелах дома» («Возвращение на родину. К родным»). Дом — пространство оберегающее и сохраняющее. В обережении Гёльдерлин видит источник всякой радости. Этот источник представляется Гейму утраченным.

Сам процесс художественного познания стал принципиально другим. У Гёльдерлина это долгое странствие, постепенное приближение чрез зримую реальность к существу вещей. Поэт-экспрессионист недоверчив к этой реальности. Предметность в стихах Гейма представлена как исчезающая.

Если этим стихам все же свойственна мощь, если поэту была дана неистощимость выдумки, то полем ему служила не жизнь, а смерть и гибель как постоянные составляющие этой жизни.

Стихотворение 1910 года уподобляет облака душам мертвых («Облака» — «Wolken»). Разворачивается мощное шествие мертвецов всех возрастов и видов. Как на карнавале, не забыта ни одна «гильдия»: идут и дети, и нерожденные, и умершие недавно и почти истлевшие, и повешенные с обрывком веревки на шею. Процессия ужасная, но и гротескно-шутовская: движутся со штандартами, с барабанным боем по черепам, со зверьми, сошедшими с гербов. Но картина двойится: барабанный бой — гром, огонь факелов — молнии, белизна саванов — белизна облаков. Сферы жизни и смерти совмещаются. В 1911 году Гейм записал в дневнике: «Наверно, можно сказать, что моя поэзия — лучшее доказательство метафизической страны, протягивающей свои черные острова в наши быстротечные дни» (запись 15 сентября).

2

Одним из главных законов поэзии Гейма стала необходимая в таком случае «двойная оптика» (слово Ницше). Автор исключительно недоверчив к зримому. Во всем — с большей или меньшей отчетливостью — проявляется что-

то иное, привычному и понятному противоположное. Это качество Гейма рвет с классической поэтической традицией. Разрыв очевиден и в другом отношении. Кладется конец лирическому высказыванию, Erlebnislyrik. У Гейма прямого выражения чувств как будто и нет.

Еще более явно в его поэзии несоответствие натуралистическому канону. В его известных стихах о городах («Берлин I», «Берлин II», «Берлин III», «Бог города», «Демоны городов», «Городской праздник» и др.), вошедших во все экспрессионистические антологии, многократно упоминаются фабрики и omnibusы, грязные воды реки, давка, шум, танцы под лампами, выползающий из подвалов нищий люд — обычный набор натуралистических реалий. Но тотчас же — с отдельных слов и образов — начинает проявляться их иное значение. «Иное» присутствует не только в «фантастических» стихах о демонах городов — «фантастичны» по сути все стихи Гейма.

Просмоленные бочки покатались с порогов
Темных складов на высокие баржи.
Буксиры потянули. Грива дыма
С сажей висела низко над маслянистыми волнами.

Приблизились два парохода с музыкой,
Трубу им срезало дугой моста.
Дым, сажа, вонь лежали на грязных волнах
С кожевенного завода с коричневыми шкурами.

На всех мостах, под которыми нас баржа
Протянула, раздавались сигналы,
Как будто барабанами нарастая в тишине.

Мы отпустились, и нас погнало по каналу,
Медленно, вдоль садов. В идиллии
Мы видели испанских труб ночные маяки.

Стихотворение написано, как и большинство городских стихов Гейма, в форме сонета. В первом терцете — смысловом центре стихотворения — в конце средней строчки стоит слово «сигналы». Оно рифмуется с последним словом стихотворения — Nachtfanale — «ночные маяки», т. е. те же сигналы. «Сигналы» расставлены и по всему тексту стихотворения.

Автор оперирует предметами, взятыми в их множестве. Во множестве представлены бочки, баржи, тягачи, шкуры, мосты, сигналы. Но во множественном числе — «два» — стоят и пароходы с музыкой, которым мостом снесло трубу. До этих двух «обезглавленных» пароходов скопление предметов кажется естественным для сутолоки речных причалов. Но именно эта цифра — «два» — настораживает своей необоснованностью: почему пароходы с музыкой и с отсеченными у них трубами появляются также во множественном числе? Быть может, нечто совершается «в массовом порядке»?

Начинаясь игра с отсутствующими «предметами». Эти «предметы» встают за упомянутыми благодаря сходству по важным в контексте стихотворения свойствам. Просмоленные бочки покатались «с порогов» (в иное пространство) на «высокие баржи» (в оригинале выбрано слово «Kahn» — баржа, но и чели). Старые бочки круглые, потому и легко покатались (стоит заметить это их важное автору качество). У пароходов с музыкой (в немецком тексте тревожное столкновение двух «к» — «Musikkapellen», подчеркнутое в следующей строчке глаголом *karren* — «срезать», «сносить») мостом снесло трубы, то есть самую высокую их часть. Упоминание о кожевенном заводе и коричневых шкурах заставляет вспомнить о скотобойнях, столь частой метафоре человеческого существования в литературе XX века (Дос Пассос, Дёблин). За одной картиной постепенно проступает другая. В центральной, третьей строфе в тишине нарастают звуки сигналов, подобные барабанной дроби. Здесь впервые появляется местоимение первого лица, также поставленное во множественном числе — «мы», не столько субъект, сколько главный претерпевающий объект: «Нас протянуло» под всеми мостами под барабанный бой («гнать» — *ziehen* частое у Гейма обозначение несвободного, по принуждению, движения). Дальше следуют знаменательные слова — «мы отпустились» — единственное свободное действие в стихотворении. Движение приобретает другой характер: «по каналу, медленно, вдоль садов». Автор считает нужным подчеркнуть словом «идиллия» иное качество наступившего состояния — успокоение, рай? Но и эта успокоенность весьма сомнительна: «посреди идиллии» видны исполнинские («riesig») фабричные трубы, при-

чем слово «Schlotte» (фабричные трубы) значит еще и жерло вулкана (разверзшаяся поверхность земли). Огромные трубы уподоблены «ночным маякам», почпым сигнальным огням. Посреди «идиллии» видны, таким образом, огненные (иначе их не было бы видно) знаки.

От реальности города стихотворение уводит к иной, смутно проглядывающей панораме. Панорама эта не несет в себе утвердившихся в культуре символических смыслов. Устремленное к метафизическим основам бытия, стихотворение в то же время ситуативно: связано с современным состоянием жизни. Содержание выражено предметно (неслучайно Гейм страстно интересовался живописью). Предметы несут в себе не переносный, а буквальный смысл. Однако частая опора в этом письме — второе, не главное значение слова и, значит, образ иного предмета, проглядывающий в том же слове. Представления второго ряда сцепляются между собой. В сцеплении с соседними словами в предмете актуализируются его важные в данном случае свойства. Предметность создает представления, более укоренные в существовании, чем слова.

Второй, «тайный», план стихотворения представляет главное его содержание. В других случаях оно может быть выведено на поверхность. Тогда в городских стихах Гейма, таких как «Берлин III», «Бог города», «Демоны городов», рядом с вполне бытовыми деталями неожиданно возникают вытянувшие шеи демоны и младенец без головы. Фантазмагорией может быть занят весь текст стихотворения. Именно такие стихи составляют основной массив его поэзии. Реальный и «иной» план меняются тогда местами — «иная действительность» занимает главное место. Но его картины всегда претендуют на то, чтобы, не отказываясь от особым образом обработанной конкретности, представить не меньшее, чем состояние мира.

3

Пространство у Гейма — это наглядное выражение его мысли о мире. Две важнейшие для него фигуры — вертикаль и круг. Вертикальная протяженность разделена в его поэзии согласно архаическим представлениям на «этажи»,

что отчетливо видно, например, в стихотворении «Дерево»: на среднем уровне живут люди и звери, выше — птицы, под землей, у корней дерева (несомненно, понимаемого в этом стихотворении как «мировое»), змеи. Но в целом в его поэзии стирается разграничение верха и низа, жизни и смерти, космоса и хаоса. Солнце часто враждебно человеку. Погруженные в колодез, шахту, морскую глубину оказывается прибежищем (правда, далеко не всегда спасительным). Круг также меняет свое древнее значение: не воплощение единства, бесконечности и законченности, а характерное для нового времени представление о замкнутости, безысходности, повторении одного и того же. Отчетливее всего геймовское понимание круга выражено в стихотворении «Арестанты I» (1910). Круг повторяется здесь с разной степенью очевидности несколько раз. Не только арестанты ходят по кругу: круг образуют черные следы их шагов. Середина двора — тоже круг, похожий, как сказано, на «тонзуру на черепе» (не на голове!) монаха. Выхода из этого тесного круга нет. Почти столь же упорно в стихотворении повторяется образ отпора, отскакивания (взгляд ищет поля, дерева, но отскакивает от белизны стен, упирается в окна, на которых «намордники»). Заключенных загоняют в дом, но оттуда обратным эхом раздается стук их башмаков. Стихотворение, как и многие другие стихи Гейма, имеет зрительный прообраз — на этот раз известную картину Ван Гога.

Меньшее внимание обращалось на значение круга в понимании Геймом истории. В этом отношении важно упомянутое стихотворение «Дерево» («Am Wassergraben...»).

Вековой дуб стоит у канавы, обрыва и, как сказано, «у края ночи». Он еще поднимается к небу, но жизнь в нем иссякла, он полый. Возникает пустота, столь характерная для пространства в его поэзии (слова *hohl* — полый, *leer* — пустой, *kahl* — лысый чередуются в этом стихотворении). Второе, а порой и первое значение слов подводит к тому, чтобы увидеть в старом дереве подобие огромного человеческого тела: *Naupf* — вершина, но и голова; *Arm* — сук, но и рука. Дуб «защипурован» в кольцо молний. Его окружают черной стеной крапива и колючки. Вокруг в низком полете вьются летучие мыши и ласточки. Торчит большой обгоревший сук.

В трех первых строфах стихотворения длится обычное для Гейма настоящее время. В четвертой строфе вопрос «О чем ты думаешь, дерево?» открывает другое пространство, но пока сохраняется грамматическое настоящее. Вершина года и дня — лето, полдень. Под деревом отдыхают косари. Но (знак предостережения) кружком лежат косы — орудие смерти.

В пятой и шестой строфах картина приобретает самые общие очертания. Только тут появляется грамматическое прошедшее время — знак обращения к давней эпохе. На черном суку, замеченном еще в третьей строфе, висит повешенный. Здесь, на ветру, в пустом пространстве совершается его шутовской танец с вывернутыми ногами. В третьей строфе отзывается кружение ласточек, которым, согласно греческому мифу, был вырезан язык. Синий язык свисает у повешенного. Само его тело, как «язык колокола, изъеденный ржавчиной» (по-немецки «молоточек колокола» — «Glockenklüppel, den Rost zerfraß»), ударяет в «оловянное небо» («zinnenfarbener Himmel»), непроницаемую внутреннюю поверхность неба. Немецкое слово «Glockenklüppel» доносит желание достучаться. Русское прямее ведет заявленный мотив «языка». Тело-язык ударяется в небо, но звук не фиксируется. Слово «язык» — Zunge означает по-немецки в устаревшем поэтическом употреблении, как и по-русски, не только часть тела, но и речь людей (Sprache). Беззвучно, стало быть, все, что могло бы звучать: «Молнии бесшумно вспыхивают в небе...» Мир безмолвен, мертв. Нарисованная Геймом картина апокалиптична, конец наступил.

Но стоит обратить внимание на черный, голый сук дерева. Этот сук, послуживший потом «рукавом виселицы», торчит, несмотря на зафиксированную в конце всеобщую гибель, и в начале стихотворения, то есть и до и после катастрофы. Конец совмещен с началом, образуя круг — фигуру, отчетливо повторяющуюся на всем протяжении стихотворения (крапива и колючки вокруг дерева; венок молний у его вершины; вьющийся рой ласточек; летучие мыши вокруг сука; кружка, обходящая косарей; косы, лежащие кружком).

Всю жизнь Гейм оставался бунтарски настроенным юношей, не принимавшим нестерпимую скованность буржуазной

жизни. Он жаждал перемен и записал в дневнике 6 июля 1910 года: «Ах, все ужасно... Хоть бы случилось что-нибудь, в чем не было бы этого пошлого привкуса повседневности... Хоть бы строили снова баррикады... Или даже началась юйша, пусть даже и несправедливая. Этот мир так лениво елеен, так грязен, как клейкая политура на старой мебели». Это занимала Французская революция, которой он посвятил новеллу «Пятое октября» (сборник «Вор», 1913), стихи о казнях Луи Капета, Дантона и Робеспьера и другие. Занимала его и Россия опять-таки в аспекте революционного брожения в стране (проза «Багров», 1911, стихотворение «Россия»).

Но главным в его поэзии было иное, куда как более глубокое мироощущение. Как и другие экспрессионисты, как Г. Трагль в стихотворении «Человечество» (1913), он, несомненно, предчувствовал масштабы надвигавшихся потрясений. И все же основой его мировосприятия было не это предчувствие, а ощущение соположенности разновременного. Именно соположенность разновременного Гейм считал открытием своей поэзии: «Мне кажется, — записал он в дневнике 21 июля 1910 года, — моя сила в том, что я увидел: не существует последовательности. Большинство вещей лежат в одной плоскости. Все рядом друг с другом».

История в восприятии Гейма — не движение к высшему (это может объяснить его пылкое юношеское неприятие Гегеля). Но она и не только бесконечное «возвращение подобного» (Ницше). Фигура круга в стихах Гейма — не только знак подобного возвращения (например, от апокалиптической картины в последней строфе стихотворения «Дерево» к мнимо благополучному началу). Обгорелый сук на древе жизни — знак катастрофы, едва прикрытой видимостью нормального. Все сохраняется всегда. Все есть во всем.

4

Широтой обзора Гейм напоминал Гёльдерлина. Но бескрайность его иного состава: в ней нет прозрачности, столь свойственной поэзии великого предшественника. Повсюду слои, ярусы, соположение явлений разного состава, разных миров и времен.

Среди важнейших приемов экспрессионистической лирики называют монтаж, или симультанный стиль. Монтаж вскоре стал восприниматься как завоевание кино (Грифит, Эйзенштейн), а в литературе нашел впечатляющее выражение в романах Дос Пассоса («Манхеттен», 1925). В экспрессионистической поэзии образцом подобной техники может служить известное стихотворение Якоба ван Годдиса «Конец мира»:

С голов остроконечных шляпы вдаль,
По воздуху, как крик — сверля виски.
Железо крыш летит, дробясь в куски.
Объявлено: «вздывается вода».

Вот ураган — и буйно скачут волны
На берег, разбивая тяжесть дамб.
Людей замучил насморк свосвольный.
Мосты разверзли пропасть поездам.

Пер. В. Нейштадта

Но предпочтение, отдаваемое симультанному стилю в экспрессионистической поэзии, на самом деле столь многообразно, что слово «монтаж», законное, если говорить о стихотворении ван Годдиса, оказывается неприложимым к творчеству многих больших поэтов.

Г. Тракль, отметив подобную технику в стихотворении поэта Ульмана, написал, что тут отсутствует «живой жар, который должна создавать эта форма»¹. «Живой жар» в собственной его поэзии держит целое искрой слабо намеченных соответствий. Именно эта живая подвижность, волшебство метаморфоз — главное свойство его поэзии.

Подобная подвижность невозможна для Гейма. Симультанный стиль несет в себе у него другой смысл и работает иначе.

Сонет «Берлин VIII» (в книге ВД — «Берлин III») (1910) начинается картиной берлинского предместья зимой. Высокие трубы подпирают черное небо. Тянется товарищ

¹ Цит. по кн.: *Fehmann F. Vor Feuerschlünden*. Rostock, 1982. S. 84.

поезд. Голые деревья, заборы, сараи. Но в третьей строфе следует слом: рассевшись у кладбищенской стены, на красный закат смотрят мертвецы. В заключительном терците упоминается Марсельеза. Но присутствие другой эпохи в «настоящем» стихотворения означено и другой чудовищно неуместной деталью — вязанием в руках мертвецов. Деталь ведет на этот раз от фантастики к реальности: именно так, со спицами в руках, смотрели на гильотину любопытствующие женщины-вязальщицы во времена Французской революции. В одном образе совмещены две разделенные более чем столетием эпохи. Сдвинуты начало и конец, событие и его исторический исход. Мертвецы смотрят «из своей дыры» на красный, «как крепкое вино», закат. Поэт выбирает высокое поэтическое слово «Untergang», обозначающее, в отличие от более обычного «Sonnenuntergang», также гибель, крушение, катастрофу. В одной плоскости расположено разносоставное и разновременное, в одном проступает другое. Взятые дальние точки пространства и времени и крайние состояния жизни.

При этом у Гейма иначе решалась кардинальная для европейского, и особенно немецкого, духа проблема — становление или состояние, выбор между *sein* и *werden*.

Большинство экспрессионистов, особенно на левом, политически радикальном крыле, исступленно верили в возможность пробуждения и преобразования человечества. Среди заголовки их сборников и стихотворений, такие как «Выступление», 1914-го, Э. Штадлера, «Распад и торжество» И. Бехера, 1913-го, «Друг мира», 1911-го, Верфеля, отражают ход времени — возможность изменения, соприкосновений, конфликтов, перемен. Для Гейма невозможен сам вышеобозначенный выбор, отсутствует перспектива изменения. «Fratze» — шутовская гримаса — такой видел он свою современность. Конфликты у него не разрешаются. По существу как Гейм, так и экспрессионисты видели крайнее положение человека и человечества — на пороге уничтожения. Большинство радикально настроенных экспрессионистов отвечали на это форсированной верой в преобразование человека и мира, в становление и развитие, в *werden*. Гейм фиксировал само состояние уничтожения. Развитие пред-

ставлялось ему поверхностным слоем жизни, прикрывающим более глубокие ее слои.

Как и другие экспрессионисты, Гейм почитал себя близким творцам «с разорванным сердцем» — Марло, Клейсту, Гёльдерлину, Габбе, Бюхнеру, Рембо. Но есть среди его кумиров и несколько неожиданный — Мережковский. Как следует из дневника, Гейм не раз перечитывал вторую часть трилогии «Христос и Антихрист» — «Воскресшие боги» (немецкий перевод которой вышел в 1903 году). На близком ему материале европейской культуры он находил у русского писателя то, что его занимало: сосуществование «здесь и теперь» христианства и языческого прошлого, Христа и Антихриста. В романе Мережковского неоднократно говорится о древних буквах, проступающих через средневековую латынь на пергаменте монаха-переписчика, или об изображении античных богов, угадывающихся на христианских иконах. В какой-то степени это соответствовало главному принципу поэзии Гейма — не существует последовательности, «все рядом друг с другом».

Гейм много писал об античной Греции, воплощавшей для него героизм и свободолюбие. Но не менее знаменателен его интерес к древнему Востоку, захвативший многих писателей экспрессионистического поколения (А. Кубин, Э. Ласкер-Шюлер, переводы Клабунда из древней персидской, японской и китайской поэзии). В 1911 году Гейм записался в Восточный семинар Берлинского университета, пожелав стать переводчиком с японского. Средоточием интереса была для него восточная древность (в его стихах мелькают пагоды и дервиши, высятся древние стены Ниневии и Вавилона).

Концы и начала сходились. Время отличалось во всех европейских странах вновь пробудившимся интересом к архаике, мифу, жизни первобытных народов. Гоген находит ее на Полинезийских островах, Пикассо в Африке. С 1870-х годов стали широко известны труды англичанина Э. Б. Тэйлора, в том числе его написанная для широкого читателя «Антропология» (1881). В 1910-х годах выходят первые книги Л. Леви-Брюля («Мыслительные функции в низших обществах», 1910). Соответствующий интерес Гейма под-

тверждают многочисленные упоминания в его дневниках и малой прозе о полинезийцах, о культе предков в Китае, о буддизме и Коране. Его фантастический рассказ «Дневник Шаклетона» (1911) описывает от лица знаменитого исследователя Южного полюса якобы обнаруженные там неведомые племена с их собственной цивилизацией.

Но в его поэзии интерес к арханке проявляется прежде всего в оживлении древнего сознания и мира, воспринятого по его законам. Как записал Гейм в 1912 году: «...Можно принять, что в нем (в человечестве. — *Н. П.*) еще достаточно неисчерпанного хаоса. Все лишь занесено и засыпано песком» (статья о «Гении и государстве»).

В стихах Гейма мерцают древние архетипические представления.

На их основании он создает свою собственную то созвучную, то полемичную по отношению к ним мифологию. Старый дуб в одноименном стихотворении предстает как Древо жизни, выстоявшее тысячелетия, но «старое и изодранное». Море — не столько воплощение полноты жизни («море жизни» — штамп ранних стихов Гейма), не только пугающая стихия, но воплощение «дурной бесконечности». Морю, как и тождественной с ним в этом отношении равнине, не свойственно кончаться и приводить к цели. Море — обиталище мертвых (стихотворения «Смерть любящих в море», «Мертвая в воде»). Но оно же — хранилище прошлого, состоявшихся и несостоявшихся судеб, мечтаний, грез, «некий, — по определению В. Н. Топорова, — огромный депозитарий, где размещено все и прежде всего — жизни, прошлые и будущие, но и настоящие жизни могут войти, в отмеченных ситуациях, в соприкосновение с этой усыпальницей и „родимым“ лоном одновременно»¹. Все как будто скользит у Гейма в конечном итоге вниз, кончается на дне моря даже тогда, когда это сны мертвеца, лежащего в лесу («Спящий в лесу»). Лес, в созвучии с

¹ Топоров В. Н. О «поэтическом» комплексе моря и его психофизиологических основах // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. М.: «Прогресс» — «Культура», 1995. С. 591.

фольклорной традицией, осознается в его стихах как «чужое» опасное пространство — пространство смерти.

Большие стихотворения 1911 года — «Люди стоят впереди на улицах...» и «Вдруг, однако, приходит великое умирание» — свободно соединяют представления и образы разных культурных эпох, знаменующие конец, разрушение, гибель: ветхозаветные (море огня, великая сушь, потоп, зимняя стужа), христианские («...маленькие часовни одиноки на зимней земле»), фольклорные (вороны) и образы собственной мифологии Гейма, связанные с темой исчерпанности и обрыва: пустота, сникшие цветы, «вдруг» лишившиеся запаха, гремящие флюгера (образ из стихотворения Гёльдерлина «Половина жизни»). Для обоих больших стихотворений Гейма характерна не только соположенность разных времен, но и отсутствие обоснования наступающей или уже наступившей катастрофы.

Поражает внутренняя близость поэзии Гейма законам первобытного мифологического мышления. Вместо временной последовательности причина и следствие здесь одно. Все отдельное — лишь маски, за которыми скрывается идентичная форма мироздания (законы тотема). Пространство может включать в себя разное — в нем легко уживается несовместимое. Соположенность вещей и явлений в пространстве достаточна, чтобы видеть в них общее содержание. Мир — кристалл, и если его разбить на осколки, в каждом обнаружится та же структура.

Все у Гейма подчинено одному закону. Если в стихотворении «Люди стоят впереди на улицах...» видны огромные знаки в небе (так отозвался Гейм на появление в 1909 году кометы Галлея), то в другом большом стихотворении того же года толчка нет — «великое умирание» начинается «вдруг»:

Но вдруг приходит великое умирание.
Деревья шумят, как море огня,
И отдают свои листья,
Которые слепо гибнут в пустом воздухе.

Звери кричат в холодном гнезде,
Вороны поднимаются в зареве заката,
И вдруг иссушаются до сухости ветки.

Все в процитированных строчках звучит в унисон. В перечислении гибнущего рождается какой-то общий лад: звери кричат в холодном гнезде, распадаются пустые, как гробы, города, больные должны умереть и испуганно скачут в пустых комнатах, дали ищут последние стаи птиц, и одиноки божницы у дороги на зимней земле. Образы вызывают друг друга, как по фольклорной кумулятивной цепочке. Ни один не противоречит другому, а, напротив, подтверждает и усиливает предыдущий.

Стихотворение «Люди стоят впереди на улицах...» включает в себя множество лиц, явлений и предметов: кометы, звездочеты, колдуны, мертвецы, люди, бегущие с катафалками, самоубийцы, звери, деревья, застывшие моря, корабли, повисшие на волнах, сны, тени. Но все это приведено к одному знаменателю, все — части целого, отражающие его закон. Стихотворение стоит в обычном для Гейма настоящем времени. В первых двух строчках можно еще заподозрить черты города Нового времени. Но дальше стихотворение соскальзывает к Средневековью: зубчатые башни, колдуны, звездочеты. И ниже — к некоему первобытному (или, напротив, конечному) хаосу — к состоянию «за порогом»: «И полевые звери // Стоят, слепые, вокруг них, и тычут рогами // В их живот... //А моря застывают...» Разделенное и различное в мире смешались: вместо растений «растут из подвалов колдуны». Руки людей уподоблены метлам, сучья деревьев — рукам. Все разделяет общую судьбу. Одинаковы «позы» людей и деревьев: последние «стелят» на разрушенные дороги свои длинные пальцы-ветви; самоубийцы ходят согнувшись, разгребают пыль руками-метлами. Люди еще тут, но их уже почти нет: «Они как пыль, которая мгновение еще держится». Все клонится вниз. Или, напротив (другой вектор), — бессильно и безнадежно устремлено вверх: люди влезают на крыши, смотрят в небо, тыкаются в него трубами (частый жест в стихах Гейма, например в стихотворении «Слепые женщины»). Но «заперты дворы всех небес». Движение, порой быстрое и судорожное — «бегут с катафалками», — бесперспективно. В конце стихотворения говорится о проснувшихся «другим утром». Но это отнюдь не «заря человечества», а знак

длительности. В трудно выбиравшемся автором названии сборника «Вечный день», как и в заголовке стихотворения «Umbra vitae» (впоследствии отнесенного к книге его посмертно изданных стихов, 1912), фиксируется стабильное, вечное состояние мира. Тень — вечная спутница жизни.

5

У многих экспрессионистов заметно неожиданное пристрастие к строгой форме сонета (Тракль, Верфель, Бехер). Особенно очевидно оно у Гейма, больше того, именно он, как признанно, оказал в этом отношении несомненное влияние на дальнейшее развитие экспрессионистической поэзии. В форме сонета написаны такие необузданно фантастические стихи Гейма, как «Сумасшедшие», «Канатный плясун», «Берлин III». Возможно, полагают исследователи, его безудержное новаторство требовало противовеса в связывающей строгой форме. То же значение «связывающего и охраняющего» имели у Гейма его правильные размеры, по преимуществу пятистопный ямб (этим размером он писал и свои трагедии), и простые, «детские» рифмы.

Но возвращаясь к сонету, надо сказать, что смысл этой формы у Гейма не сводился к ее «употреблению» в экспрессионистической поэзии. Согласно утвердившемуся мнению, главное в содержательной структуре сонета — диалектика эмоционального содержания и «разума формы». Парение чувств в сонете должно перейти в строгость «решающей мысли». Но у Гейма основы сонетной формы получили собственное осмысление. Оба терцета или один последний содержат в его сонетах «перевертыш» — образ «второй действительности», неясно мерцавшей на протяжении всего стихотворения, изменение перспективы, иной горизонт, наконец, перемену точки зрения, перелом в субъектно-объектных отношениях. Первый случай представлен в уже разбиравшемся сонете «Берлин III»: именно в последнем терцете мертвецы, вззирающие на закат, превращаются в вязальщиц времен Французской революции. Прямое «высказывание» отсутствует. Но «решающая мысль» отчетливо выражена в заключающей стихотворение картин-

не. Аналогии этому случаю можно найти в сонете «Берлин I» («Просмоленные бочки покатались с порогов...»).

Второй случай — иной горизонт — раскрывается в сонете «Пригородный вокзал (Берлин VI)». Образ поезда решается у Гейма в историсофском плане. Масса людей, еще связанных с землей — все в глине и извести, врываются в вагоны поезда, этого детища цивилизации (именно так, часто с положительной коннотацией, поезд появляется у многих поэтов-экспрессионистов. Натиск людской массы передан с редкой у Гейма интенсивной и настораживающей звукописью — «Sie zwingen // Zu zanzig in die Wagen... // Der Zug fährt aus...» В брюхе поезда, говорится в начале первого терцета, — «леггионы» (ассоциация с евангельским «леггионом свиней», в которых были обращены бесы, очевидна). Но и поезд исчезает — «проглатывается вечером». Горизонт чист.

Последний вариант сонета — перемена точки зрения, изменение субъектно-объектных отношений — наиболее сложен уже потому, что синтезирует одно из самых существенных, хотя и «скрытых» свойств его поэзии.

Сонет «Голод» (1910) начинается со странной фразы, субъектом в которой, как можно догадаться из названия, является голод: «Er fuhr in einem Hund...» (буквально: «Он ехал в собаке»). Дальше разворачивается смена точек зрения на главный страдательный персонаж. Снаружи: измученная голодом собака катается в пыли, длинный язык свисает, она хватается траву. И изнутри: огонь «сочится медленно, каплями, сжигая ей живот» («Drin Feuer sickert, langsam, tropfenweise, // Das ihm den Bauch verbrennt»). Какая-то рука моет ей льдом глотку. Глаголы описания заменены глаголами состояния. Внутреннее состояние окрашивает тогда и внешний мир: «Солнце — пятно, красная дверца печки» («Die Sonne ist ein Fleck, // Ein rotes Offentor»). Последний терцет дает новый поворот: в одном мгновении сжато внешнее и внутреннее — черная холодная дыра пасти у как будто бы сдохшей собаки и глотка, еще схваченная ужасом.

Постоянная смена точек зрения происходит и в сонете, посвященном казни Робеспьера.

Автор то близок к «чужой» точке зрения, точке зрения толпы, собравшейся смотреть на казнь, и тогда событие

представлено в извне и в целом. То приближается к горизонту героя, помещает себя «в его шкуру». В этих случаях возникает крупный, «участливый» план: глаза уставились на солому, рот жует и глотает белую слизь. Но и внешняя, объективная точка зрения, в которой взгляд автора как будто совпадает со взглядом толпы, на самом деле двойится. Для толпы это цирк, что и зафиксировано лексикой стихотворения: тело «взлетает» в телеге, раздается звук, как от бубенцов, радостно смеются дети, матери поднимают их, чтоб лучше было видно. Однако, как часто у Гейма, ту же строфу можно прочесть, принимая во внимание другие значения тех же слов и их связей. Не бубенцы звенят, а цепи («*der Arme Ketten rasseln dann wie Schellen*»). Осужденный не «взлетает вверх», как акробат, а тело сотрясается от толчков. Не блеет, «как коза» (так стояло в первом варианте), а — как можно себе представить — издает смутные стонущие звуки: «э-э». В слове «*Hochgericht*» — устаревшем наименовании гильотины — слышится и высокое его значение — Страшный суд. Сталкиваются чужая, безучастная и внутренняя точки зрения. Сонетная форма связывает поток жизни. Более того: именно сонетная форма позволяет задержать происшествие в его кульминационный момент — когда приговоренный видит эшафот, то есть в момент перехода от жизни к смерти. Как будто бы и сам ход истории замирает на краткий миг. Сонетная форма служит в этом отношении и тут намерению автора: последний терпет соединяет обе точки зрения — внутреннее и внешнее. Герой замечает черный эшафот. Его рот страшно кривится. Толпа замерла. Далее следует драматическое соединение внешнего — «ждут крика» — и внутреннего состояния — абсолютной закрытости, немоты, не способной выразить себя: «Не раздается ни звука». Дано внутреннее ощущение предсмертного мига и взгляд на кончающуюся жизнь со стороны.

6

Дальше других немецких поэтов начала XX века Гейм прошел по пути отказа от прямого поэтического высказывания (*Aussage*). Он называл себя «человеком предметов»,

циклично оставляя себя художникам, сосредоточенным на лице, большую свободу внутреннему миру (запись в дневнике 15 сентября 1911 года). Мысль поэта, за исключением некоторых любовных стихов, нигде не выражена непосредственно. Голос его не слышен. Местоимение «я» встречается редко. Отбирая стихи для единственного составленного им самим сборника, он отбросил подобные «личные» стихотворения. В иных случаях «я» заменялось им при переработке на более отстраненное «мы».

Но эта объективная поэзия «молчит» не абсолютно. Автор рисует не только картину, увиденную извне, но тайне и неароком — внутреннее страдательное состояние объектов. Эти «объекты» — мир — получают тем самым право жалобы. Обратимся к стихотворению «Новые дома»: «В зеленом небе, порой *трещащем* // От мороза на ржавом Западе... они вдруг стоят, *замерзая и холодея...* // *щелкая цубами в жалком платье своих стен*». Образом стен как одежды домов это стихотворение напоминает написанное за шесть лет до него стихотворение Рильке «Соборы», как можно предположить, известное Гейму. Но у Рильке соборы «спокойно стоят в старом складчатом плаще своих контрфорсов», они высятся над «кругом обыденности», а старые домишки, толпящиеся, как на ярмарке, испуганно замолкают, взглянув на них. В мире Гейма нет ни соборов, ни духа, ни отвечающего человеку Бога. Лица и предметы в его стихах уравниены, ибо все пребывают на пороге гибели или за ее пределами. Дома немые. Но они реагируют на причиненное им страдание. Эта реакция представлена в стихах.

Стоит еще раз вернуться к формам его глаголов. Настоящее время, в котором они чаще всего стоят, создает не только впечатление статичности, но и непосредственной сиюминутности. «Великое умирание» происходит сейчас, на наших глазах. Сейчас прыгают больные, чтобы умереть скорее, сейчас везут Робеспьера на казнь. Настоящее время участливо, оно приближает нас к предметам и лицам, решает задавать вопросы, как бы вторгаясь в происходящее.

Проблема состоит в причастности автора к внутренней жизни мира и в формах этой причастности.

Однажды поэт проговорился: «Ваш Георг Гейм с у. alias Робеспьером на театральной тележке (Thespiskarren)», — подписал он письмо Э. Лёвенсону 30 мая 1910 года. Но и сам текст стихотворения позволяет заметить это мерцающее сближение.

Автор говорит через ту ситуацию, в которой находятся в его стихах человек и мир. Все: дерево, земля, море, звери, люди — увидены в состоянии гибели. При этом виновных нет и, в сущности, быть не может: ведь речь идет о вечных основах бытия. Характерно, что тема гибели звучит гораздо отчетливей, чем мотив преступления и вины, хотя автора, несомненно, занимает озверевшая масса, не всдающая, что творит. При многообразии персонажей в его мире остается не занятым место злодея и палача: гораздо заметней всеобщая подвластность грозным законам бытия. Мир Гейма — это не просто страшный, катастрофический мир, — это мир страдающий, мир, поставленный в страдательный залог.

Без этой второй перспективы поэзия Гейма была бы мертва. С ней она представляет собой блестяще разработанный вариант «высказывания», связанного предметностью, «высказывания» через предмет.

Н. С. Павлова

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Гейм писал очень точными словами, и они требовали очень точного перевода. Мало того: он умел писать так, что слова его ощущались как сказанные впервые, свободные от ассоциаций долгого стихотворного употребления. Областью его экспериментов были образы, прежде всего — ярительные образы. Со стихотворной формой он почти не экспериментировал, она была для него нейтральна. Это побуждало меня решиться ради образной точности отбросить в переводе его стихов метр и рифму: переводить его ямбы не размером подлинника, а свободным стихом. Конечно, не совсем свободным: внимательный читатель уловит в нем ритм и даже угадает, за какими стихами в оригинале стоят обычные геймовские части — ровные четверостишия пятистопных ямбов, а за какими — более редкие размеры: белые ямбы, длинные дольники, короткие верлибры. В «Вечном дне» этих редких размеров мало, в двух посмертных сборниках больше. За границей такая практика переводов свободным стихом обычна, хотя у нас вновь. Мне кажется, что когда мы предлагаем читателю поэта как представителя какой-то школы, эпохи, культуры, тогда переводчик обязан передавать все внешние признаки, характерные для этой школы, эпохи, культуры, и, конечно, стиховые в первую очередь. Но когда мы хотим, чтобы читатель встретился с поэтом один на один, в его неповторимой индивидуальности — как в этой книге, — то мы вправе отбросить общее, чтобы вернее сохранить личное в поэте: образность и стиль.

М. Л. Гаспаров

Der Ewige Tag

Вечный день

BERLIN I

Beteerte Fässer rollten von den Schwellen
Der dunklen Speicher auf die hohen Kähne.
Die Schlepper zogen an. Des Rauches Mähne
Hing rußig nieder auf die öligen Wellen.

Zwei Dampfer kamen mit Musikkapellen.
Den Schornstein kappten sie am Brückenbogen.
Rauch, Ruß, Gestank lag auf den schmutzigen Wogen
Der Gerbereien mit den braunen Fellen.

In allen Brücken, drunter uns die Zille
Hindurchgebracht, ertönten die Signale
Gleichwie in Trommeln wachsend in der Stille.

Wir ließen los und trieben im Kanale
An Gärten langsam hin. In dem Idylle
Sah wir der Riesenschlote Nachtfanale.

БЕРЛИН I

Из темных складов катились смоленные
Бочки в пустые баржи. Буксир
За буксиром тянули их, и грива дыма
Оседала сажей на масляную волну.

Два парохода, и оба с музыкою,
Ломали трубы о выгибы мостов.
Дым, сажа и вонь ложились на сточную
Воду из дубилен для бурых шкур.

По всем мостам, под которыми буксирчик
Волочил нас, сигнал откликался на сигнал,
Нарастая, как в барабанных пустотах.

Мы отцепились и медленно по каналу
Потянулись к парку. Ночной маяк
Исполинской трубою высился над идиллией.

BERLIN II

Der hohe Straßenrand, auf dem wir lagen,
War weiß von Staub. Wir sahen in der Enge
Unzählig: Menschenströme und Gedränge,
Und sahn die Weltstadt fern im Abend ragen.

Die vollen. Kremser fuhren durch die Menge,
Papierne Fähnchen waren drangeschlagen.
Die Omnibusse, voll Verdeck und Wagen.
Automobile, Rauch und Huppenklänge.

Dem Riesensteinmeer zu. Doch westlich sahn
Wir an der langen Straße Baum an Baum,
Der blätterlosen Kronen Filigran.

Der Sonnenball hing groß am Himmelssaum.
Und rote Strahlen schoß des Abends Bahn.
Auf allen Köpfen lag des Lichtes Traum.

БЕРЛИН II

Мы легли на дамбе, в белой пыли,
Высоко над улицей. Внизу, в теснине, —
Людские толпы и потоки,
А вдали, на закате, — исполинский Город.

Набитые людом, утыканные флажками,
Фиакры протискивались меж пеших,
Омнибусы, полные внутри и на крышах,
Автомобили с воем и бензиновой вонью, —

Все текли в каменный океан.
А по долгим берегам безлистые, голые
Деревья чеканились филигранью ветвей.

Круглое солнце свисало с неба,
Красными стрелами бил закат,
И дремотным светом кружились головы.

LAUBENFEST

Schon hängen die Lampions wie bunte Trauben
An langen Schnüren über kleinen Beeten,
Den grünen Zäunen, und von den Staketen
Der hohen Bohnen leuchtend in die Lauben.

Gesummt von Stimmen auf den schmalen Wegen.
Musik von Trommeln und von Blechtrompeten.
Es steigen auf die ersten der Raketen,
Und platzen oben in den Silberregen.

Um einen Maibaum dreht sich Paar um Paar
Zu eines Geigers hölzernem Gestreich,
Um den mit Ehrfurcht steht die Kinderschar.

Im blauen Abend steht Gewölke weit,
Delphinen mit den rosa Flossen gleich,
Die schlafen in der Meere Einsamkeit.

ДАЧНЫЙ ПРАЗДНИК

Пестрыми гроздьями на длинных проводах
Поразвесились лампочки над клумбочками,
Над зелеными заборами, и с высоких столбов
Светятся сквозь листья электрические бобы.

На узеньких дорожках — жужжащий говор.
Гремят барабаны, дудят жестяные
Трубы, ракеты взлетают в воздух,
А потом рассыпаются в серебряный дождь.

Под майским деревом пиликает скрипка,
Пара за парой вертятся по кругу,
А дети смотрят, разинув рты.

В синем вечере дальние облачки —
Как будто дельфины с розовыми гребнями,
Одиноко застывшие в темном море.

DIE ZÜGE

Rauchwolken, rosa, wie ein Frühlingstag,
Die schnell der Züge schwarze Lunge stößt,
Ziehn auf dem Strom hinab, der riesig flößt
Eisschollen breit mit Stoß und lautem Schlag.

Der weite Wintertag der Niederung
Glänzt fern wie Feuer rot und Gold-Kristall
Auf Schnee und Ebenen, wo der Feuerball
Der Sonne sinkt auf Wald und Dämmerung.

Die Züge donnern auf dem Meilendamme,
Der in die Wälder rennt, des Tages Schweif.
Ihr Rauch steigt auf wie eine Feuerflamme.

Die hoch im Licht des Ostwinds Schnabel zaust,
Der, goldgefiedert, wie ein starker Greif,
Mit breiter Brust hinab gen Abend braust.

ПОЕЗДА

Клубы дыма, розовые, как весна,
Быстрыми выдохами из черных легких
Паровозов, проносятся мощным потоком,
Как ледоход, со стуками и стыками.

Во всю ширь оседающий зимний день
Далеко просвечен их огненным золотом
Над снежной гладью, за которой в сумерках
Красное солнце окунается за леса.

Поезда грохочут по верстам, по насыпям,
Режущим лес полосами дня.
Дым их встает, как пламя,

Чтоб восточный ветер, как мощный гриф,
Расклевал его в искры золотых перьев,
Широкой грудью летя в закат.

BERLIN III

Schornsteine stehn in großem Zwischenraum
Im Wintertag, und tragen seine Last,
Des schwarzen Himmels dunkelnden Palast.
Wie goldne Stufe brennt sich nieder Saum.

Fern zwischen kahlen Bäumen, manchem Haus,
Zäunen und Schuppen, wo die Weltstadt ebbt,
Und auf vereisten Schienen mühsam schleppt
Ein langer Güterzug sich schwer hinaus.

Ein Armenkirchhof ragt, schwarz, Stein an Stein,
Die Toten schau'n den roten Untergang
Aus ihrem Loch. Er schmeckt wie starker Wein.

Sie sitzen strickend an der Wand entlang,
Mützen aus Ruß dem nackten Schläfenbein,
Zur Marseillaise, dem alten Sturmgesang.

БЕРЛИН III

Дымовые трубы меж землей и небом
Взваливают и держат свой зимний груз —
Сумрачную палату о черном куполе,
Чей нижний край — как золотая ступень.

Вдали, где Город иссякает в отлив
Голых деревьев, домишек, сараев, заборов,
И по мерзлым рельсам, пыжась и тужась,
Только тащится длинный товарняк, —

Там дыбятся плитами погост для бедных,
И покойники смотрят из своей дыры
На красный закат, крепкий, как вино.

Сидя под стеною, плечо к плечу,
Они вяжут из сажи на голые черепа
Колпаки для старой битвенной Марсельезы.

DER HUNGER

Er fuhr in einen Hund, dem groß er sperrt
Das rote Maul. Die blaue Zunge wirft
Sich lang heraus. Er wälzt im Staub. Er schlürft
Verwelktes Gras, das er dem Sand entzerzt.

Sein leerer Schlund ist wie ein großes Tor,
Drin Feuer sickert, langsam, tropfenweis,
Das ihm den Bauch verbrennt. Dann wäscht mit Eis
Ihm eine Hand das heiße Speiserohr.

Er wankt durch Dampf. Die Sonne ist ein Fleck,
Ein rotes Ofentor. Ein grüner Halbmond führt
Vor seinen Augen Tänze. Er ist weg.

Ein schwarzes Loch gähnt, draus die Kälte stiert.
Er fällt hinab, und fühlt noch, wie der Schreck
Mit Eisenfäusten seine Gurgel schnürt.

ГОЛОД

Он вбирается в пса и распяливает
Его красные десны. Синий
Язык наружу. Пес катается в пыли,
Из песка выгрызая сохлые травки.

Его глотка — как разинутые ворота,
Сквозь них по капле всачивается огонь
И жжет желудок. Неведомая рука
Плавленным железом окатывает пищевод.

Он бредет сквозь дым. Солнце — пятно,
Печная пасть. Зеленый полумесяц
Пляшет перед взглядом. А вот — исчез.

Осталась черная дыра ледящего
Холода. Он падает, и он еще чувствует
Железный ужас, стискивающий гортань.

DIE GEFANGENEN I

Den harten Weg entlang im kurzen Trab
Zieht sich der Sträflingstrupp, der heim marschiert
Durch kahle Felder in das große Grab,
Das wie ein Schlächterblock ins Graue stiert.

Sturm singt. Wind pfeift. Vor ihnen weht und irrt
Ein Haufe alter Blätter kunterbunt.
Die Wächter schließen ihren Zug. Es klirrt
An ihrem Rock das große Schlüsselbund.

Das breite Tor geht auf im Riesenbau
Und wieder zu. Des Tages roter Rost
Bedeckt den Westen. Trübe in dem Blau
Zittert ein Stern im bitterm Winterfrost.

Und ein paar Bäume stehn den Weg entlang
Im halben Licht verkrüppelt und beleibt.
Wie schwarz aus einer Stirn gekrümmt und krank
Ein starkes Horn steht und nach oben treibt.

АРЕСТАНТЫ I

По дороге, по рытвинам, дробный шаг —
Колонна арестантов марш-марш домой.
Через мерзлое поле, в огромный гроб,
Как бойня, углами в серую муть.

Ветер свищет. Буря поет.
Они гонят кучку жухлой листвы.
Стража — позади. У пояса звяк —
Железные ключи на железном кольце.

Широкие ворота разеваются до небес
И опять смыкаются. Ржавчина дня
Изъедает запад. В мутной синеве
Дрожит звезда — колотит мороз.

У дороги два дерева в полумгле,
Скрюченные и вздутые два ствола.
И на лбу у калеки, черный и кривой,
Крепчает рог и тянется ввысь.

DIE GEFANGENEN II

Sie trampeln um den Hof im engen Kreis.
Ihr Blick schweift hin und her im kahlen Raum.
Er sucht nach einem Feld, nach einem Baum,
Und prallt zurück von kahler Mauern Weiß.

Wie in den Mühlen dreht der Rädergang,
So dreht sich ihrer Schritte schwarze Spur.
Und wie ein Schädel mit der Mönchstonsur,
So liegt des Hofes Mitte kahl und blank.

Es regnet dünn auf ihren kurzen Rock.
Sie schau'n betrübt die graue Wand einpor,
Wo kleine Fenster sind, mit Kasten vor,
Wie schwarze Waben in dem Bienenstock.

Man treibt sie ein, wie Schafe zu der Schur.
Die grauen Rücken drängen in den Stall.
Und klappernd schallt heraus der Widerhall
Der Holzpantoffeln auf dem Treppenflur.

АРЕСТАНТЫ II

Шагают по двору в узком кругу.
Шарят глазами холодное пространство.
Взгляд ищет поля, взгляд ищет дерева
И отскакивает от голых и белых стен.

Круг за кругом черные следы,
Как будто мельничное вращается колесо.
И как монашеское темя —
Середина двора — голая и белая.

Дождь моросит на короткие куртки.
Серые стены уходят ввысь:
Маленькие окошки, ящичные заслонки,
Как черные соты в пчелином улье.

Конец. Их гонят, как овец под стрижку,
Серая спина за серой спиной,
В стойла. А во двор доносится с лестниц
Тупой перестук деревянных башмаков.

DER GOTT DER STADT

Auf einem Häuserblocke sitzt er breit.
Die Winde lagern schwarz um seine Stirn.
Er schaut voll Wut, wo fern in Einsamkeit
Die letzten Häuser in das Land verirren.

Vom Abend glänzt der rote Bauch dem Baal,
Die großen Städte knien um ihn her.
Der Kirchenglocken ungeheure Zahl
Wogt auf zu ihm aus schwarzer Türme Meer.

Wie Korybanten-Tanz dröhnt die Musik
Der Millionen durch die Straßen laut.
Der Schlote Rauch, die Wolken der Fabrik
Ziehn auf zu ihm, wie Duft von Weihrauch blaut.

Das Wetter schwelt in seinen Augenbrauen.
Der dunkle Abend wird in Nacht betäubt.
Die Stürme flattern, die wie Geier schauen
Von seinem Haupthaar, das im Zorne sträubt.

Er streckt ins Dunkel seine Fleischerfaust.
Er schüttelt sie. Ein Meer von Feuer jagt
Durch eine Straße. Und der Glutqualm braust
Und frißt sie auf, bis spät der Morgen tagt.

БОГ ГОРОДА

Он расселся на всех домах квартала.
Черные ветры овевают его чело.
Ярым взором он всматривается вдаль,
Где в полях разбрелись дома окраин.

Красным брюхом он лоснится в закате.
Вкруг, пав ниц, ему молятся города.
Несчетные колокольни
Черным морем плещут в Ваалов слух.

Пляскою корибантов
Музыка миллионов грохочет в улицах.
Дым из труб, облака над фабриками
Синим ладаном всплывают к его ноздрям.

Буря беснуется в его глазницах.
Темный вечер съела черная ночь.
Волосы от ярости встали дыбом,
И с каждого коршуном целится гроза.

Кулаки у него — мясничьи.
Он трясет ими тьму, и море огней
Разливается по улицам, жаркой гарью
Выедавая дома до запоздалой зари.

DIE VORSTADT

In ihrem Viertel, in dem Gassenkot,
Wo sich der große Mond durch Dünste drängt,
Und sinkend an dem niedern Himmel hängt,
Ein ungeheurer Schädel, weiß und tot.

Da sitzen sie die warme Sommernacht
Vor ihrer Höhlen schwarzer Unterwelt,
Im Lumpenzeuge, das vor Staub zerfällt
Und aufgeblähte Leiber sehen macht.

Hier klafft ein Maul, das zahnlos auf sich reißt.
Hier hebt sich zweier Arme schwarzer Stumpf.
Ein Irrer lallt die hohlen Lieder dumpf,
Wo hockt ein Greis, des Schädel Aussatz weißt.

Es spielen Kinder, denen früh man brach
Die Gliederchen. Sie springen an den Krücken
Wie Flöhe weit und humpeln voll Entzücken
Um einen Pfennig einem Fremden nach.

Aus einem Keller kommt ein Fischgeruch,
Wo Bettler starren auf die Gräten böse.
Sie füttern einen Blinden mit Gekröse.
Er speit es auf das schwarze Hemdentuch.

Bei alten Weibern löschen ihre Lust
Die Greise unten, trüb im Lampenschimmer,
Aus morschen Wiegen schallt das Schreien immer
Der magren Kinder nach der welken Brust.

ОКРАИНА

В трущобе, в переулочном мусоре,
Где большая луна протискивается в вонь,
С низменного неба свисая, точно
Исполинский череп, белый и мертвый, --

Там сидят они теплой летней ночью,
Выкарабкавшиеся из подземных нор,
В отребьях, расплзающихся по швам,
Из которых пухнет водяночное тело.

Беззубый рот пережевывает десны,
Черными обрубками вздымаются руки.
Сумасшедший на корточках гнусавит песню.
У старика на темени блесет проказа.

Дети с переломанными руками и ногами
Скачут, как блохи, на костылях
И ковыляют, один другого громче
У чужого прохожего клянча грош.

Из харчевни воняет рыбой.
Нищие злобно смотрят на кучи костей.
Они кормят потрохами слепца,
А он отплевывается на черную рубаху.

Старики утоляют своих старух
В канавах под мутным фонарным светом.
Топшие младенцы в трухлявых люльках
Пищат вперебой, ищут сохшуюся грудь.

Ein Blinder dreht auf schwarzem, großem Bette
Den Leierkasten zu der Carmagnole,
Die tanzt ein Lahmer mit verbundener Sohle.
Hell klappert in der Hand die Kastagnette.

Uraltes Volk schwankt aus den tiefen Löchern,
An ihre Stirn Laternen vorgebunden.
Bergmännern gleich, die alten Vagabunden.
Um einen Stock die Hände, dürr und knöchern.

Auf Morgen geht's. Die hellen Glöckchen wimmern
Zur Armesündermette durch die Nacht.
Ein Tor geht auf. In seinem Dunkel schimmern
Eunuchenköpfe, faltig und verwacht.

Vor steilen Stufen schwankt des Wirtes Fahne,
Ein Totenkopf mit zwei gekreuzten Knochen.
Man sieht die Schläfer ruhn, wo sie gebrochen
Um sich herum die höllischen Arkane.

An Mauertor, in Krüppeleitelkeit
Bläht sich ein Zwerg in rotem Seidenrocke,
Er schaut hinauf zur grünen Himmelsglocke,
Wo lautlos ziehn die Meteore weit.

Слепой шарманщик на широкой черной подстилке
Ручкою накручивает «Карманьолу»,
А хромой с подвязанной подошвой пляшет,
Сухо прищелкивая ложечками в руке.

Из глубоких дыр ползут самые дряхлые,
На лбах — фонарики, как у горняков:
Ветхие странники,
Рука на посохе — кожа да кости.

Ночь светлеет. Колокола колоколен
Звонят ко всеобщей нищенским грехам.
Отпирают двери. В темном проеме —
Беспольные головы, морщинистые от снов.

Над крутой лестницей хозяйское знамя —
Мертвая голова и скрещенные берцы.
Заглянешь — увидишь: спят, где повязал их
И переломал их адский аркан.

В городских воротах, напыжив брюхо,
Карлик стоит, красуясь во всем красном,
И смотрит в зеленый небесный колокол,
Где неслышно мчится за метеором метеор.

DIE DÄMONEN DER STÄDTE

Sie wandern durch die Nacht der Städte hin,
Die schwarz sich ducken unter ihrem Fuß.
Wie Schifferbärte stehen um ihr Kinn
Die Wolken schwarz vom Rauch und Kohlenruß.

Ihr langer Schatten schwankt im Häusermeer
Und löscht der Straßen Lichterreihen aus.
Er kriecht wie Nebel auf dem Pflaster schwer
Und tastet langsam vorwärts Haus für Haus.

Den einen Fuß auf einen Platz gestellt,
Den anderen gekniet auf einen Turm,
Ragen sie auf, wo schwarz der Regen fällt,
Panspfeifen blasend in den Wolkensturm.

Um ihre Füße kreist das Ritornell
Des Städtemeers mit trauriger Musik,
Ein großes Sterbelied. Bald dumpf, bald grell
Wechselt der Ton, der in das Dunkel stieg.

Sie wandern an dem Strom, der schwarz und breit
Wie ein Reptil, den Rücken gelb gefleckt
Von den Laternen, in die Dunkelheit
Sich traurig wälzt, die schwarz den Himmel deckt.

Sie lehnen schwer auf einer Brückenwand
Und stecken ihre Hände in den Schwarm
Der Menschen aus, wie Faune, die am Rand
Der Sumpfe bohren in den Schlamm den Arm.

ДЕМОНЫ ГОРОДОВ

Они бродят в ночах городов,
Черным выгибом гнущихся под их шагом,
Их моряцкая вокруг лица борода —
Тучи, черные копотью и дымом.

В толчее домов их длинные тени
Взмахом гасят шеренги фонарей,
Тяжкой мглой наплывают на асфальты,
Медленно вымаривают за домом дом.

Одной ногой — среди площади,
Коленом — о колокольню,
Они высятся, посвистывая в свирели
В тучах, хлещущих крошечным дождем.

А вокруг ног их завивается ригурнель
Черной музыки городского моря:
Великий заупокой,
Глухо и звонко встегиваясь в темень.

Они сходят к реке, которая,
Как распластанная и черная змея,
С желтыми фонарными пятнами
На хребте, ускользает в гнетущий мрак.

Нагибаясь над парашетом,
Тянут руки в роящуюся толпу,
Как лемуры, сквозь гниль болота...
Прорывающие стоки канав.

Einer steht auf. Dem weißen Monde hängt
Er eine schwarze Larve vor. Die Nacht,
Die sich wie Blei vom finstern Himmel senkt,
Drückt tief die Häuser in des Dunkels Schacht.

Der Städte Schultern knacken. Und es birst
Ein Dach, daraus ein rotes Feuer schwemmt.
Breitbeinig sitzen sie auf seinem First
Und schrein wie Katzen auf zum Firmament.

In einer Stube voll von Finsternissen
Schreit eine Wöchnerin in ihren Wehn.
Ihr starker Leib ragt riesig aus den Kissen,
Um den herum die großen Teufel stehn.

Sie hält sich zitternd an der Wehebank.
Das Zimmer schwankt um sie von ihrem Schrei,
Da kommt die Frucht. Ihr Schoß klafft rot und lang
Und blutend reißt er von der Frucht entzwei.

Der Teufel Häse wachsen wie Giraffen.
Das Kind hat keinen Kopf. Die Mutter hält
Es vor sich hin. In ihrem Rücken klaffen
Des Schrecks Froschfinger, wenn sie rückwärts fällt.

Doch die Dämonen wachsen riesengroß.
Ihr Schläfenhorn zerreißt den Himmel rot.
Erdbeben donnert durch der Städte Schoß
Um ihren Huf, den Feuer überloht.

Вот один встает, Черной маской
Он прикрыл белый месяц. Ночь,
Как свинец, оседая из сумрака,
Втискивает город во мрак, как в щель.

Плечи города трещат. Взламывается
Крыша, красный вскидывается огонь.
И они, топырясь на острой кровле,
По-кошачьи визжат в глухую твердь.

В комнате, набитой сумраками,
Роженица в родах вопит с одра.
Ее брюхо, как гора, над подушками,
А вокруг нее — дьяволы, головами в потолок.

Ее пальцы вцепились в койку.
В ее крике — комната ходуном.
Прорывается плод,
Раздирая чрево надвое красной раной.

Над ней сдвинулись дьяволы, как жирафы.
У младенца нет головы.
Мать хватает его, вглядывается, откидывается,
Жабьей лапой спину морозит страх.

Только демоны растут выше, выше,
Сонный рог их красным вспарывает небеса,
А вокруг копыт их, огнем повитых, —
Тряс и грохот по недрам городов.

DER BLINDE

Man setzt ihn hinter einen Gartenzaun.
Da stört er nicht mit seinen Quälereim.
»Sieh dir den Himmel an!« Er ist allein.
Und seine Augen fangen an zu schaun.

Die toten Augen. »O, wo ist er, wie
Ist denn der Himmel? Und wo ist sein Blau?
O Blau, was bist du? Stets nur weich und rauh
Fühlt meine Hand, doch eine Farbe nie.

Nie Purpurrot der Meere. Nie das Gold
Des Mittags auf den Feldern, nie den Schein
Der Flamme, nie den Glanz im edlen Stein,
Nie langes Haar, das durch die Kämmе rollt.

Niemals die Sterne. Wälder nie, nie Lenz
Und seine Rosen. Stets durch Grabesnacht
Und rote Dunkelheit werd ich gebracht
In grauenvollem Fasten und Karenz.«

Sein bleicher Kopf steigt wie ein Lilienschaft
Aus magrem Hals. Auf seinem dürren Schlund
Rollt wie ein Ball des Adamsapfels Rund.
Die Augen quellen aus der engen Haft.

Ein Paar von weißen Knöpfen. Denn der Strahl
Des weißen Mittags schreckt die Toten nicht.
Der Himmel taucht in das erloschene Licht
Und spiegelt in dem bleiernen Opal.

СЛЕПОЙ

Его выталкивают за калитку.
Там он не мешает своим нитьем.
«Смотри себе в небо!» Вокруг — никого,
Он стоит и шарит глазами в небе,

Мертвыми глазами. «Где оно, где
Небо? Где оно, синее? Синее,
Что ты такое? Мягкое и твердое,
Вот оно, в руке, а цветного — нет.

Ни красного моря. Ни золотого
Поля под полднем, ни вспыхнувшего огня,
Ни граненого самоцвета,
Ни струящихся волос через гребень.

Ни разу звезд, ни разу леса, ни разу
Весны и роз. В гробовой ночи
И багровом мраке — вечное для глаз моих
Полное жутью говение и пост».

Его белая голова над тощей шеей —
Как купа лилий. В иссохшей глотке
Круглым комом катается кадык.
Глаза прорезаются из узких щелок,

Как белые пуговицы. Мертвым не страшен
Самый яркий полдневный луч.
Небо отражается в погасшем взгляде
И утопает в блеклом свинце.

DIE TOTE IM WASSER

Die Masten ragen an dem grauen Wall
Wie ein verbrannter Wald ins frühe Rot,
So schwarz wie Schlacke. Wo das Wasser tot
Zu Speichern stiert, die morsch und im Verfall.

Dampf tönt der Schall, da wiederkehrt die Flut,
Den Kai entlang. Der Stadtnacht Spülicht treibt
Wie eine weiße Haut im Strom und reibt
Sich an dem Dampfer, der im Docke ruht.

Staub, Obst, Papier, in einer dicken Schicht,
So treibt der Kot aus seinen Röhren ganz.
Ein weißes Tanzkleid kommt, in fettem Glanz
Ein nackter Hals und bleiweiß ein Gesicht.

Die Leiche wälzt sich ganz heraus. Es bläht
Das Kleid sich wie ein weißes Schiff im Wind.
Die toten Augen starren groß und blind
Zum Himmel, der voll rosa Wolken steht.

Das lila Wasser bebt von kleiner Welle.
– Der Wasserratten Fährte, die bemannen
Das weiße Schiff. Nun treibt es stolz von dannen,
Voll grauer Köpfe und voll schwarzer Felle.

Die Tote segelt froh hinaus, gerissen
Von Wind und Flut. Ihr dicker Bauch entragt
Dem Wasser groß, zerhöhlt und fast zernagt.
Wie eine Grotte dröhnt er von den Bissen.

УТОПЛЕННИЦА

Мачты высятся у серой стены,
Как выжженный лес на рассвете,
Черные, как шелк. Мертвая вода
Глядит на брошенные гнилые склады.

Глухим плеском возвращается прилив
Мимо набережной. Ночные помои
Города выливаются, мутные, в поток
И трутся о борт парохода в доке.

Объедки, обрывки, грязь, дерьмо
Жижей рвутся сквозь набережные трубы.
А за ними — белое бальное платье,
Лоснящаяся шея и лицо, как свинец.

Труп переворачивается. Вдувается
Платье, как белый корабль под ветром.
Мертвые глаза вперяются слепо
В небо, в розовые облака.

По лиловой воде — мелкая рябь:
Водяные крысы забираются седоками
На белый корабль. И он гордо плывет,
Весь в серых головах и черных спинах.

Покойница отплывает по реке, гонимая
Водой и ветром. Вздутый живот,
Полный воды, прогрызен и пустеет,
Как пещера, звуча под укусами зубов.

Sie treibt ins Meer. Ihr salutiert Neptun
Von einem Wrack, da sie das Meer verschlingt,
Darinnen sie zur grünen Tiefe sinkt,
Im Arm der feisten Kraken auszuruhn.

По реке — в море. А там с обломков
Крушенья приветствует ее Нептун,
И она опускается в зеленую глубь—
Уснуть в объятиях мясистого спрута.

DER SCHLÄFER IM WALDE

Seit Morgen ruht er. Da die Sonne rot
Durch Regenwolken seine Wunde traf.
Das Laub tropft langsam noch. Der Wald liegt tot.
Im Baume ruft ein Vögelchen im Schlaf.

Der Tote schläft im ewigen Vergessen,
Umrauscht vom Walde. Und die Würmer singen,
Die in des Schädels Höhle tief sich fressen,
In seine Träume ihn mit Flügelklingen.

Wie süß ist es, zu träumen nach den Leiden
Den Traum, in Licht und Erde zu zerfallen,
Nichts mehr zu sein, von allem abzuschneiden,
Und wie ein Hauch der Nacht hinabzuwallen.

Zum Reich der Schläfer. Zu den Hetairien
Der Toten unten. Zu den hohen Palästen,
Davon die Bilder in dem Strome ziehen,
Zu ihren Tafeln, zu den langen Festen.

Wo in den Schalen dunkle Flammen schwellen,
Wo golden klingen vieler Leiern Saiten.
Durch hohe Fenster schau'n sie auf die Wellen,
Auf grüne Wiesen in den blassen Weiten.

Er scheint zu lächeln aus des Schädels Leere,
Er schläft, ein Gott, den süßer Traum bezwang.
Die Würmer blähen sich in seiner Schwäre,
Sie kriechen satt die rote Stirn entlang.

СПЯЩИЙ В ЛЕСУ

Он спит с утра. Солнце сквозь тучи
Красным тронуло красную рану.
Капает роса. Весь лес — как мертвый.
Птичка на ветке вскрикивает во сне.

Покойник спит, забывшись, забытый,
Овеваем лесом. Черви, вгрызаясь
В щели его черепа, поют свою песню,
И она ему снится звенящей музыкой.

Как это сладко — спать, отстрадавши
Сон, распасться на свет и прах,
Больше не быть, от всего отсечься,
Уплыть, как вздох ночной тишины,

В царство спящих. В преисподнее братство
Мертвых. В высокие их дворцы,
Где палаты сменяют одна другую,
В их застолья, в их праздники без конца,

Где темное пламя встает в светильниках,
Где звонким золотом — струны лир,
А в высоких окнах — морские волны
И зеленые луга, выцветающие вдаль.

Он улыбается из пустого черепа,
Он спит, как бог, осиленный сладким сном.
Черви набухают в открытых ранах
И, сытые, тащатся через красный лоб.

Ein Falter kommt die Schlucht herab. Er ruht
Auf Blumen. Und er senkt sich müd
Der Wunde zu, dem großen Kelch von Blut,
Der wie die Sammetrose dunkel glüht.

Мотылек слетает в овраг. На самый
Лепесток цветка. И устало клонится
К ране, как к чаше, полной крови,
Темнобархатно-розовый льющей свет.

* * *

Bist du nun tot? Da hebt die Brust sich noch,
Es war ein Schatten, der darüber fegt,
Der in der ungewissen Dämmerung kroch
Vom Vorhang, der im Nachtwind Falten schlägt.

Wie ist dein Kehlkopf blau, draus ächzend fuhr
Dein leises Stöhnen von der Hände Druck.
Das ist der Würgemale tiefe Spur,
Du nimmst ins Grab sie nun als letzten Schmuck.

Die weißen Brüste schimmern hoch empor,
Indes dein stummes Haupt nach hinten sank,
Das aus dem Haar den Silberkamm verlor.
Bist du das, die ich einst so heiß umschlang?

Bin ich denn der, der einst bei dir geruht
Vor Liebe toll und bitterer Leidenschaft,
Der in dich sank wie in ein Meer von Glut
Und deine Brüste trank wie Traubensaft?

Bin ich denn der, der so voll Zorn gebrannt
Wie einer Höllenfackel Göttlichkeit,
Und deine Kehle wie im Rausch umspannt,
In Hasses ungeheurer Freudigkeit?

Ist das nicht alles nur ein wüster Traum?
Ich bin so ruhig und so fern der Gier.
Die fernen Glocken zittern in dem Raum,
Es ist so still wie in den Kirchen hier.

* * *

И ты мертва? Твоя грудь такая высокая,
И только тень обметает тебя, скользя
В темный сумрак от тяжелого занавеса,
Хлопающего складками на ночном ветру.

Какая синева на горле, стонавшем
Рвущимся стоном под давящей рукой,
Вмятый след удушья,
Последнее украшение, уносимое в гроб.

Светятся, мерцая, белые груди,
Молча за ними запрокинулась голова
С выпавшим из волос серебряным гребнем.
И это тебя обнимал я столько раз?

И это я, обезумев горькой страстью,
Возле тебя находил покой,
Окунался в тебя, как в жаркое море,
Пил твои груди, как пьют вино?

И это я, опаленный яростью,
Как адский факел дикого божества,
Обвивал твою шею с радостью
Хмельной, как с ненавистью хмельной?

И это было не сон пустой?
Я так спокоен, ни похоти, ни страсти,
Дальние вздрагивают колокола,
И тихо так, как бывает в церкви.

Wie ist das alles fremd und sonderbar?
Wo bist du nun? Was gibst du Antwort nicht?
– Ihr nackter Leib ist kalt und eisesklar
Im blassen Schein vom blauen Ampellicht. –

Was ließ sie alles auch so stumm geschehn.
Sie wird mir furchtbar, wenn so stumm sie liegt.
O wäre nur ein Tropfen Bluts zu sehn.
Was ist das, hat sie ihren Kopf gewiegte?

Ich will hier fort. – Er stürzt aus dem Gemach.
Der Nachtwind, der im Haar der Toten zischt,
Löst leis es auf. Es weht dem Winde nach,
Gleich schwarzer Flamme, die im Sturm verlischt.

Как все странно и как все чуждо!
Где ты теперь? Ответа нет.
Нагое тело твое — как лед
В синем свете подпотолочной лампы.

Как все немо и почему?
Мне страшно, когда она так безмолвна.
Хотя бы капельку крови!
Чем убаюкано ее лицо?

Лучше выйти. — И он выходит.
Ночной ветер, вскинувши на покойнице
Волосы, замер. Они взвевались вслед
Как черное пламя, гаснущее в буре.

NACH DER SCHLACHT

In Maiensaatn liegen eng die Leichen,
Im grünen Rain, auf Blumen, ihren Betten.
Verlorne Waffen, Räder ohne Speichen,
Und umgestürzt die eisernen Lafetten.

Aus vielen Pfützen dampft des Blutes Rauch,
Die schwarz und rot den braunen Feldweg decken.
Und weißlich quillt der toten Pferde Bauch,
Die ihre Beine in die Frühe strecken.

Im kühlen Winde friert noch das Gewimmer
Von Sterbenden, da in des Osten Tore
Ein blasser Glanz erscheint, ein grüner Schimmer,
Das dünne Band der flüchtigen Aurore.

ПОСЛЕ БИТВЫ

В майских всходах лежат труп к трупу,
Лежат на цветах, на зеленой меже.
Брошенные ружья, колеса без спиц,
Опрокинутые железные лафеты.

Лужи дышат запахом крови.
То в красном, то в черном бурая колея.
Белое вздувается брюхо лошади,
Четыре копыта вскинувшей в зарю.

В холодном ветре замерзают стоны
Умирающих, а из восточных врат
Мерцает бледный зеленоватый свет —
Узкая завязь беглой Авроры.

DER BAUM

Am Wassergraben, im Wiesenland
Steht ein Eichbaum, alt und zerrissen,
Vom Blitze hohl, und vom Sturm zerbissen.
Nesseln und Dorn umstehn ihn in schwarzer Wand.

Ein Wetter zieht sich gen Abend zusammen.
In die Schwüle ragt er hinauf, blau, vom Wind nicht gerüh
Von der leeren Blitze Gekränz umschnürt,
Die lautlos über den Himmel flammen.

Ihn umflattert der Schwalben niedriger Schwarm.
Und die Fledermäuse huschenden Flugs,
Um den kahlen Ast, der zuhöchst entwuchs
Blitzverbrannt seinem Haupt, eines Galges Arm.

Woran denkst du, Baum, in der Wetterstunde
Am Rander der Nacht? An der Schnitter Gered,
In der Mittagsrast, wenn der Krug umgeht,
Und die Sensen im Grase ruhn in der Runde?

Oder denkst du daran, wie in alter Zeit,
Einen Mann sie in deine Krone gehenkt,
Wie, den Strick um den Hals, er die Beine verrenkt,
Und die Zunge biau hing aus dem Maule breit?

Wie er da Jahre hing, und den Winter traug,
In dem eisigen Winde tatzte zum Spaß,
Und wie ein Glockenklöppel, den Rost zuerfraß,
An den zinnernen Himmel schlug.

ДЕРЕВО

Возле канавы у края луга
Стоит дуб, исковерканный и старый,
В дуплах от молний, изгрызен бурей,
Черный терн и крапива у корней.

Душным вечером собирается гроза —
Он высится, синий, неколеблемый ветром.
Тщетные молнии, бесшумно вспыхивая
В небе, сплетают ему венец.

Ласточки стаями мчатся понизу,
А поверху сброд летучих мышей
Кружится над голым, выжженным молнией,
Суком, отросшим, как виселичный глаголь.

О чем ты думаешь, дуб, в вечерний
Час грозы? О том, как жнецы,
Отложив серпы, отдыхают в полдень
В тени и по кругу ходит бутылка?

Или о том, как они когда-то
Повесили человека на твоём суку:
Стиснулась удавка, вывихнулись ноги,
И синий язык торчал изо рта?

И висел он лето и зиму
В переплясе на ледяном ветру,
Словно ржавый колокольный язык,
Ударясь в оловянное небо.

LOUIS CAPET

Die Trommeln schallen am Schafott im Kreis,
Das wie ein Sarg steht, schwarz mit Tuch verschlagen.
Darauf steht der Block. Dabei der offene Schragen
Für seinen Leib. Das Fallbeil glitzert weiß.

Von vollen Dächern flattern rot Standarten.
Die Rufer schrein der Fensterplätze Preis.
Im Winter ist es. Doch dem Volk wird heiß,
Es drängt sich murrend vor. Man läßt es warten.

Da hört man Lärm. Er steigt. Das Schreien braust.
Auf seinem Karren kommt Capet, bedeckt,
Mit Kot beworfen, und das Haar zerzaust.

Man schleift ihn schnell herauf. Er wird gestreckt.
Der Kopf liegt auf dem Block. Das Fallbeil saust.
Blut speit sein Hals, der fest im Loche steckt.

ЛУИ КАПЕТ

Стук барабанов вокруг эшафота.
Эшафот крыт черным, как гроб.
На нем машина. Доски разомкнуты,
Чтобы вдвинуть шею. Вверху — острие.

Все крыши в зеваках. Красные флаги.
Выкрикивают цены за места у окон.
Зима, но люди в поту.
Ждут и ворчат, стискиваясь теснее.

Издали шум. Все ближе. Толпа ревет.
С повозки сходит Капет, забросанный
Грязью, с растрепанной головой.

Его подтаскивают. Его вытягивают.
Голова в отверстии. Просвистела сталь.
И шея из доски отплевывается кровью.

MARENGO

Schwarzblau der Alpen, und der kahlen Flur,
Die Süd Sturm dröhn. Mit Wolken tief verhangen
Ist grau das Feld. Ein ungeheures Bangen
Beengt den Tag. Den Atem der Natur.

Stopft eine Faust. Hinab die Lombardei
Ist Totenstille. Und kein Gras, kein Baum.
Das Röhricht regt kein Wind im leeren Raum.
Kein Vogel streift in niedrer Luft vorbei.

Fern sieht man Wagen, wo sich langsam neigt
Ein Brückenpaar. Man hört den dumpfen Fall
Am Wasser fort. Und wieder droht und schweigt

Verhängnis dieses Tags. Ein weißer Ball,
Die erste der Granaten. Und es steigt
Der Sturm herauf des zweiten Prairial.

МАРЕНГО

Черно-белые Альпы, холодная земля,
Воет южный ветер. Под облаками
Серое поле. Страх с двух сторон
Сжимает день. Дыхание природы

Заткнуто кулаком. В мертвой тишине
Внизу — Ломбардия. Ни травки, ни деревца.
Тростник в пустоте не шуршит под ветром.
Ни единая птица не мелькнет над землей.

Далеко внизу выгибаются мосты,
Ползут обозы. Слышно, как глухо
Всплеснула вода. И снова безмолвствует

Грозная судьба. Вот белый всклуб —
Первая граната. И это здесь
Встала битва второго прериаля.

ROBESPIERRE

Er meckert vor sich hin. Die Augen starren
Ins Wagenstroh. Der Mund kaut weißen Schleim.
Er zieht ihn schluckend durch die Backen ein.
Sein Fuß hängt nackt heraus durch zwei der Sparren.

Bei jedem Wagenstoß fliegt er nach oben.
Der Arme Ketten rasseln dann wie Schellen.
Man hört der Kinder frohes Lachen gellen,
Die ihre Mütter aus der Menge hoben.

Man kitzelt ihn am Bein, er merkt es nicht.
Da hält der Wagen. Er sieht auf und schaut
Am Straßenende schwarz das Hochgericht.

Die aschengraue Stirn wird schweißbetaut.
Der Mund verzerrt sich furchtbar im Gesicht.
Man harrt des Schreis. Doch hört man keinen Laut.

РОБЕСПЬЕР

Он словно блеет. Глаза его таращатся
В тележную солому. Пена у рта.
Он глотками всасывает ее сквозь щеку.
Босая нога свесилась через край.

На каждом ухабе — встряска,
Цепь на руках звенит, как бубенец.
Слышно, как хохотом заливаются дети,
Которых матери поднимают над толпой.

Ему щекочут пятку — он не чувствует.
Телега встала. Он смотрит и видит
На площади перед улицей — черный эшафот.

На пепельном лбу проступают капли.
Страшной гримасой перекосился рот.
Сейчас он крикнет. Но не слышно ни звука.

STYX

I

Die Nebel graun, die keinem Winde weichen.
Die giftigen Dünste schwängern weit das Tal.
Ein blasses Licht scheint in der Toten Reichen,
Wie eines Totenkopfes Auge fahl.

Entsetzlich wälzt sich hin der Phlegeton.
Wie tausend Niagaras haltt sein Brüllen.
Die Klüfte wanken von den Schreien schon,
Die im Orkan die Feuerfluten füllen.

Sie glühn von Qualen weiß. Wie Steine rollen
Den Fluß herab sie in der trüben Glut,
Wie des geborstenen Eises Riesenschollen
So schmettert ihre Leiber hin die Flut.

Sie reiten aufeinander nackt und wild,
Von Zorn und Wollust aufgebläht wie Schwämme.
Ein höllischer Choral im Takte schwillt
Vom Grunde auf bis zu dem Kamm der Dämme.

Auf einem fetten Greise rittlings reitet
Ein nacktes Weib mit schwarzem Flatterhaar.
Und ihren Schoß und ihre Brüste breitet
Sie lüstern aus vor der Verdammten Schar.

Da brüllt der Chor in aufgepeitschter Lust.
Das Echo rollt im roten Katarakt.
Ein riesiger Neger steigt herauf und packt
Den weißen Leib an seine schwarze Brust.

СТИКС

I

Серое небо, не троганное ветром.
Ядовитой мглою вспухает дол.
Бледный свет, как из мертвой глазницы,
Освещает царствие мертвецов.

Грозный рев Флегетона,
Как тысяча Ниагар,
Расщелины исходят криками,
За которыми — огненный самум.

Раскаленные добела,
Они в потоке — как камни в пламени,
И тела их трескаются от жара,
Словно глыбы первозданного льда.

Верхом друг на друге, голые, дикие,
Вздувшись похотью, вспенясь яростью,
Они сливаются в адский хор
От подножья до гребня крутой плотины.

Жирного старика оседлала голая
Женщина, волосы в черном вихре,
Распахнуты груди и распахнут пах
Вызовом своре похотливых грешников.

Хор взывает сладострастной болью.
Эхо катится за багровый порог.
Исполинский негр
Принимает черной грудью белое тело.

Unzählige Augen sehn den Kampf und trinken
Den Rausch der Gier. Er braust durch das Gewühl,
Da in dem Strom die Liebenden versinken,
Den Göttern gleich im heißen Purpurföhl.

II

Des Himmels ewiger Schläfrigkeit entflohen,
Den Spinnweben, die der Cherubim
Erhobene Nasen schon wie Efeu decken,
Dem milden Frieden, der wie Öl so fett,
Ein Bettler, lungert in den Ecken faul,
Dem Tabaksdunst aus den Pastorenpfeifen,
Der Trinität, die bei den Lobgesängen
Von alten Tanten auf dem Sofa schläft,
Dem ganzen großen Armenhospital,
– Verdammten selbst wir uns und kamen her
Auf dieser Insel weite Ödigkeit,
Die wie ein Bootskiel in den Wellen steht,
Um bis zum Ende aller Ewigkeit
Dem ungeheuren Strome zuzuschau'n.

Несчетные взоры следят любовную
Борьбу, хмелея от жажды. Рев
Провожает сплетшихся в струе огня,
Подобно богам на их порфирных ложах.

II

Устав от вечной сонности небес,
От паутины, словно плющ, обвившей
Курносых толстощеких херувимов,
От тихого елейного покоя,
От нищих, разленившихся под стенкой,
От табака из пасторских раскуров,
От Троицы, которая заснула
На канаве под пенье старых дев,
От этой всей лечебницы для бедных, —
Мы сами обрекли себя проклятью
И сами выбрали себе вот этот
Пустынный остров, как корабль вверх килем,
Чтобы всю вечность до конца концов
Чудовищным потоком любоваться.

WOLKEN

Der Toten Geister seid ihr, die zum Flusse,
Zum überladnen Kahn der Wesenlosen
Der Bote führt. Euer Rufen halt in Tosen
Des Sturms und in des Regens wildem Gusse.

Des Todes Banner wird im Zug getragen.
Des Heers carroccio führt die Wappentiere.
Und graunhaft weiß erglänzen die Paniere,
Die mit dem Saum die Horizonte schlagen.

Es nahen Mönche, die in Händen bergen
Die Totenlichter in den Prozessionen.
Auf Toter Schultern morsche Särge thronen.
Und Tote sitzen aufrecht in den Särgen.

Ertrunkene kommen. Ungeborner Leichen.
Gehenkte blaugeschnürt. Die Hungers starben
Auf Meeres fernen Inseln. Denen Narben
Des schwarzen Todes umkränzen rings die Weichen.

Es kommen Kinder in dem Zug der Toten,
Die eilend fliehn. Gelähmte vorwärts hasten.
Der Blinden Stäbe nach dem Pfade tasten.
Die Schatten folgen schreiend dem stummen Boten.

Wie sich in Windes Maul des Laubes Tanz
Hindreht, wie Eulen auf dem schwarzen Flug,
So wälzt sich schnell der ungeheure Zug,
Rot überstrahlt von großer Fackeln Glanz.

ТУЧИ

Вы — души мертвых. Вас ведет душеводец
К ладье безлицых, осевшей по край.
Ваш крик — в бушеванье бури
И в струях хлещущего дождя.

За походным знаменем Смерти
Колесница вскинула штандарт и герб.
До ужаса белые полковые стяги
В обод небосвода тычутся бахромой.

Близятся чернецы, прикрыв ладонями
Заупокойные свечи, за шагом шаг.
На мертвых плечах плывут гнилые гробы,
А в гробах навытяжку сидящие мертвецы.

Идут утонувшие, идут нерожденные,
Идут удавленники с синевой вокруг шей,
И умершие от голода в дальнем море,
И опухшие бубонами черной смерти.

В чередѣ покойников — малые дети,
Бегут бегом. Хромые спешат вперед,
Слепые посохами ворошат дорогу,
Кричащие — вслед за немым вождем.

Как мятутся листья под пастью ветра,
Как несутся совы в черном полете,
Так накатывается многоногое чудище,
Красное от факелов, пересвет в пересвет.

Auf Schädeln trommeln laut die Musikanten,
Und wie die weißen Segel blähn und knattern,
So blähn der Spieler Hemden sich und flattern.
Es fallen ein im Chore die Verbannten.

Das Lied braust machtvoll hin in seiner Qual,
Vor der die Herzen durch die Rippen glimmen.
Da kommt ein Haufe mit verwesten Stimmen,
Draus ragt ein hohes Kreuz zum Himmel fahl.

Der Kruzifixus ward einhergetragen.
Da hob der Sturm sich in der Toten Volke.
Vom Meere scholl und aus dem Schoß der Wolke
Ein nimmer endend grauenvolles Klagen.

Es wurde dunkel in den grauen Lüften.
Es kam der Tod mit ungeheuren Schwingen.
Es wurde Nacht, da noch die Wolken gingen
Dem Orkus zu, den ungeheuren Grüften.

Музыканты барабанят по черепам,
И как белые паруса под ветром,
Так вздуваются и выются их белые саваны.
Они вливаются в изгнанничий хор.

В его муках всей силою вскипает песня,
Пред которой сквозь ребра мерцают сердца.
Идет ватага с гнилыми голосами,
И над нею в вылинявшее небо — крест.

Внесли Распятого —
И бурей вздыбился мертвый люд.
Взбухшие ужасом стенания без края
Гремят из морей и брюхатых туч.

Потемнело в седых просторах.
Налетела Смерть, распахнувши крылья.
Настала ночь, но тучи за тучами
Шли и шли в бездонные гробы Орка.

GRUFT

Die in der großen Gruft des Todes ruhen,
Wie schlafen sie so stumm im hohlen Sarg.
Des Todes Auge schaut auf stumme Truhen
Aus schwarzem Marmorhaupte hohl und karg.

Sein dunkler Mantel starrt von Staub und Spinnen.
Vor alters schlössen sie der Toten Gruft.
Vergessen wohnen sie. Die Jahre rinnen
Ein unbewegter Strom in dumpfer Luft.

Nach Weihrauch duftet es und morschen Kränzen,
Von trocknen Salben ist die Luft beschwert.
Und in geborstnen Särgen schwimmt das Glänzen
Der Totenkleider, dran Verwesung zehrt.

Aus einer Fuge hängt die schmale Hand
Von einem Kind, wie Wachs so weiß und kalt,
Die, balsamiert, sich um das Sammetband
Der schon in Staub zerfallnen Blumen krallt.

Durch kleine Fenster hoch im Dunkel oben
Verirrt sich gelb des Winterabends Schein.
Sein schmales Band, mit blassem Staub verwoben,
Ruht auf der Sarkophage grauem Stein.

Der Wind zerschlägt ein Fenster. Aus den Händen
Nimmt er der Toten dürre Kränze fort
Und treibt sie vor sich hin an hohen Wänden,
In ewigen Schatten weit und dunklen Ort.

СКЛЕП

В огромном смертном склепе
Как тихо спят они в полых гробницах,
И смерть глядит на немые короба
Пустыми глазницами черномраморных статуй.

Они замкнуты в смерти с незапамятных времен.
Их плащи — в пыли и паутине.
Воздух затхл. Они позабыты.
Время течет неподвижным током.

Воздух тяжек от высохшего еля,
Бывшего ладана и сгнивших цветов.
В трещинах саркофагов мерцают, выцветши,
Гробовые наряды, начиная тлеть.

Из щели свисает тоненькая детская
Ручка, белая и холодная, как воск.
Бальзамированная, она вцепилась
В бархат, когда-то стягивавший цветы.

Маленькое окошко в темном потолке
Желтеет светом зимнего вечера
И узкой полоской сквозь белесую пыль
Ложится на серый гробничный камень.

Ветер разбивает оконце, рвет
Из рук покойников тощие веночки
И метет их понизу высоких стен
В вечную тень их сумрачного приюта.

DIE HEIMAT DER TOTEN

I

Der Wintermorgen dämmert spät herauf.
Sein gelber Turban hebt sich auf den Rand
Durch dünne Pappeln, die im schnellen Lauf
Vor seinem Haupte ziehn ein schwarzes Band.

Das Rohr der Seen saust. Der Winde Pfad
Durchwühlt es mit dem ersten Lichte grell.
Der Nordsturm steht im Feld wie ein Soldat
Und wirbelt laut auf seinem Trommelfell.

Ein Knochenarm schwingt eine Glocke laut.
Die Straße kommt der Tod, der Schifferknecht.
Um seine gelben Pferde Zähne staut
Des weißen Bartes spärliches Geflecht.

Ein altes totes Weib mit starkem Bauch,
Das einen kleinen Kinderleichnam trägt.
Er zieht die Brust wie einen Gummischlauch,
Die ohne Milch und welk herunterschlägt.

Ein paar Geköpfte, die vom kalten Stein
Im Dunkel er aus ihren Ketten las.
Den Kopf im Arm. Im Eis den Morgenschein,
Das ihren Hals befror mit rotem Glas.

Durch klaren Morgen und den Wintertag
Mit seiner Bläue, wo wie Rosenduft
Von gelben Rosen, über Feld und Hag
Die Sonne wiegt in träumerischer Luft.

МЕРТВЕЦКИЙ КРАЙ

I

Зимнее утро запоздало брезжит,
Желтым тюрбаном приподымаясь над
Тощими тополями, на бегу друг за другом
Черной полосой рассекшими ему лоб.

Шумит прибрежный камыш. Это ветер
Продувает просвет для начала дня.
А в поле буря, как солдат на страже,
Зорю бьет в тугой барабан.

Костлявый кулак раскачивает колокол.
По улице Смерть шагает, как матрос,
Желтыми лошадиными зубами
Закусив остаток седой бороды.

Старая покойница, вздувши брюхо,
Качает маленький детский труп,
А он к себе тянет, точно резиновую,
Дряблую грудь без капли молока.

Двое обезглавленных, головы под мышкой,
Выбрались из цепей под каменной плитой.
В ледяном рассвете промерзшие
Разрубы шей — как красное стекло.

Светлое утро, голубой день,
И желтой розой,
Нахучей розой над полем и кустарником,
В мечтательном воздухе колышется солнце.

Ein alter Schädel flattert aus der Gruft,
Mit einem feuerroten Haar beschwingt,
Das um sein Kinn, hoch oben in der Luft,
Der Wind zu feuriger Krawatte schlingt.

Die leere Grube lacht aus schwarzem Mund
Sie freundlich an. Die Leichen fallen um
Und stürzen in den aufgerissenen Schlund.
Des Grabes Platte überschließt sie stumm.

II

Die Lider übereist, das Ohr verstopft
Vom Staub der Jahre, ruht ihr eure Zeit.
Nur manchmal ruft euch noch ein Traum, der klopf
Von fern an eure tote Ewigkeit.

In einem Himmel, der wie Schnee so fahl
Und von dem Zug der Jahre schon versteint.
Auf eurem eingefallenen Totenmal
Wird eine Lilie stehn, die euch beweint.

Der Märznacht Sturm wird euren Schlaf betaun.
Der große Mond, der in dem Osten dampft,
Wird tief in eure leeren Augen schaun,
Darin ein großer, weißer Wurm sich krampft.

So schlaft ihr fort, vom Flötenspiel gewiegt
Der Einsamkeit, im späten Weltentod,
Da über euch ein großer Vogel fliegt
Mit schwarzem Flug ins gelbe Abendrot.

Des goldenen Tages Brücke spannt sich weit
Und tönt wie einer großen Leier Ton.
Die Pappeln rauschen mit dem Trauerkleid
Die Straße fort, wo weit der Abend schon.

Старый череп вылетает из склепа —
Огненно-рыжий хохол и борода,
Которую ловит и в воздухе под челюстью
Оранжевым шарфом свивает ветер.

Улыбаясь, разинула черный рот
Полая пещера. Трупы оседают
И друг за другом ныряют в глотку,
А их прихлопывает немая плита.

II

Смерзались веки, заткнулись уши
Пылью лет. Ваш удел — покой.
Редко-редко стучится вольным стуком
В вашу мертвую вечность приبلудный сон.

В нашем небе, белом, как снег,
Утоптанном в камень поступью времени,
Над вашим памятником, ставшим руиной,
Вырастает лилия, оплакивая вас.

В мартовском ливне отгадет сон.
Большая луна, чадаящая с востока,
Глубоко заглянет в пустые глазницы,
Где толстый и белый копошится червь.

Вы спите, вы спите, убаюканные флейтою
Одиночества, песнею про мертвый мир,
А над вами чертит большая птица
Черный полет в желтый закат.

Выгнулся мост золотого дня
Вдаль и звенит исполинской лирой.
Гонимая шуршат черным трауром
Вдоль пути, над которым бескрайний вечер.

Mit Silberbächen überschwemmt das Land,
Und grenzenlos die ferne Weite brennt.
Die Dämmerung steigt wie ein dunkler Brand
Den Zug entlang, der in die Himmel rennt.

Ein Totenhain, und Lorbeer, Baum an Baum,
Wie grüne Flammen, die der Wind bewegt.
Sie flackern riesig in den Himmelsraum,
Wo schon ein blasser Stern die Flügel schlägt.

Wie große Gänse auf dem Säulenschaft
Sitzt der Vampire Volk und friert im Frost.
Sie prüfen ihrer Eisenkrallen Kraft
Und ihre Schnäbel an der Kreuze Rost.

Der Efeu grüßt die Toten an dem Tor,
Die bunten Kränze winken von der Wand.
Der Tod schließt auf. Sie treten schüchtern vor,
Verlegen drehend die Köpfe in der Hand.

Der Tod tritt an ein Grab und bläst hinein.
Da fliegen Schädel aus der Erde Schoß
Wie große Wolken aus dem Leichenschrein,
Die Barte tragen rund von grünem Moos.

Жидкое серебро заливает мир,
Зажигая дальние окоемы,
И сумрак встает, как черный пожар,
Справа и слева от небесной дороги.

Мертвая дубрава, за лавром лавр,
Клонится ветром, как зеленое пламя.
Они вырастают до самой тверди,
Где блещет крыльями бледная звезда.

Упыри уселись, как большие гуси,
На большой колоннаде, дрожа от стужи.
Они оттачивают железные когти
И железные клювы о ржавый крест.

Плющ приветно увивает ворота.
Пестрые цветы кивают со стен.
Смерть распахивает двери. Робко выходят
Костяки, вертя свои головы в руках.

Смерть встает на гроб и трубит в трубу.
Череп из земли вылетают тучей,
Как из мертвецкого сундука,
С бородами, поросшими зелеными мхами.

DER FLIEGENDE HOLLÄNDER

I

Wie Feuerregen füllt den Ozean
Der schwarze Gram. Die großen Wogen türmt
Der Südwind auf, der in die Segel stürmt,
Die schwarz und riesig flattern im Orkan.

Ein Vogel fliegt voraus. Sein langes Haar
Sträubt von den Winden um das Haupt ihm groß,
Der Wasser Dunkelheit, die meilenlos,
Umarmt er riesig mit dem Schwingenpaar.

Vorbei an China, wo das gelbe Meer
Die Drachenschunken vor den Städten wiegt,
Wo Feuerwerk die Himmel überfliegt
Und Trommeln schlagen um die Tempel her.

Der Regen jagt, der spärlich niedertropft
Auf seinen Mantel, der im Sturme bläht.
Im Mast, der hinter seinem Rücken steht,
Hört er die Totenuhr, die ruhlos klopft.

Die Larve einer toten Ewigkeit
Hat sein Gesicht mit Leere übereist.
Dürr, wie ein Wald, durch den ein Feuer reist.
Wie trüber Staub umflackert es die Zeit.

Die Jahre graben sich der Stirne ein,
Die wie ein alter Baum die Borke trägt.
Sein weißes Haar, das Wintersturmwind fegt,
Steht wie ein Feuer um der Schläfen Stein.

ЛЕТУЧИЙ ГОЛЛАНДЕЦ

I

Огненный ливень затопил океан
Черным горем. Дыбятся валы
Под южным ветром, рвущим паруса, —
Черными клочьями, огромными в урагане.

Он мучится, как птица. Длинные волосы
Взвеваны, голова его от этого больше.
Бескрайную океанскую тьму
Он объемлет исполинскими крыльями.

Мимо Китая, где в желтом море
Драконьи джонки качаются у городов,
Где фейерверк облетает небо
И пред каждым храмом бьет барабан.

Дождь гонится вслед, едва добрызгивая
До края плаща, летящего за спиной.
Он слышит на мачте за своими плечами
Мертвых часов неустанный стук.

Маскою мертвой вечности
Его лицо заморожено пустотой.
Он худ, как ствол, обглоданный пожаром,
А вокруг, как пепел, мерцает время.

Годы окопались вокруг чела,
Толстой корою обросшего, как дерево.
Белые волосы в зимней буре
Над каменными висками стоят огнем.

Die Schiffer an den Rudern sind verdorrt,
Als Mumien schlafen sie auf ihrer Bank.
Und ihre Hände sind wie Wurzeln lang
Hereingewachsen in den morschen Bord.

Ihr Schifferzopf wand sich wie ein Baret
Um ihren Kopf herum, der schwankt im Wind.
Und auf den Hälsen, die wie Röhren sind,
Hängt jedem noch ein großes Amulett.

Er ruft sie an, sie hören nimmermehr.
Der Herbst hat Moos in ihrem Ohr gepflanzt,
Das grünlich hängt und in dem Winde tanzt
Um ihre welken Backen hin und her.

II

Dich grüßt der Dichter, düsteres Phantom,
Den durch die Nacht der Liebe Schatten führt,
Im unterirdisch ungeheuern Dom,
Wo schwarzer Sturm die Kirchenlampe schürt.

Die lautlos flackert, ein zerstörtes Herz,
Von Qual durchlöchert, und die Trauer krankt
Im Tode noch in seinem schwarzen Erz.
An langen Ketten zittert es und schwankt.

Sein roter Schein flammt über Gräber hin.
An dem Altare kniet ein Ministrant,
Zwei Dolche in der offenen Brust. Darin
Noch schwelt und steigt trostloser Liebe Brand.

Durch schwarze Stollen flattert das Gespenst.
Er folgt ihm blind, wo schwarze Schatten fliehn,
Den Mond an seiner Stirn, der trübe glänzt,
Und Stimmen hört er, die vorüberziehn.

Кормчий присох к кормилу,
На веслах мумиями — гребцы.
Их руки вросли, как корни,
В трухлявый, прогнивший борт.

Их косицы, как их береты,
На трясущихся по ветру головах.
А на шеях, тонких, как трости,
На каждой тяжелый амулет.

Он зовет их, они не слышат,
Уши их поросли осенним мхом,
Он свисает зеленелыми прядями
И щекочет в ветре сухие щеки.

II

Привет тебе, темный призрак!
Тень любви ведет меня в ночь под землю,
В необъятный храм,
Где черный вихрь вздувает лампаду —

Неслышную лампаду разбитого сердца,
Изъязвленную насквозь, дрожащую на подносе,
Даже и в царстве смерти разимую
Черной медью острой тоски.

Красный свет ее скользит по гробницам.
Перед алтарем чернец не встает с колен.
В голой груди его — два кинжала,
Под ними кипит безутешная любовь.

Призрак сходит по черной шахте.
Тот встает и вслепую вслед —
Месяц на лбу отсвечивает печалью,
Кругом черные тени и голоса —

In hohlen Grund, der von den Qualen schwillt,
Mit dumpfem Laut. Ein ferner Wasserfall
Pocht an der Wand, und bittre Trauer füllt
Wie ein Orkan der langen Treppen Fall.

Fern kommt ein Zug von Fackeln durch ein Tor,
Ein Sarg, der auf der Träger Schultern bebt
Und langsam durch den langen Korridor
In trauriger Musik vorüberschwebt.

Wer ruht darin? Wer starb? Der matte Ton
Der Flöten wandert durch die Gänge fort.
Ein dunkles Echo ruft er noch, wo schon
Die Stille hockt an dem versunkenen Ort.

Das Grau der Mitternacht wird kaum bedeckt
Von einer gelben Kerze, und es saust
Der Wind die Gänge fort, der bellend schreckt
Den Staub der Gräfte auf, der unten haust.

Maßlose Traurigkeit. In Nacht allein
Verirrt der Wanderer durch den hohen Flur,
Wo oben in der dunklen Wölbung Stein
Gestirne fliehn in magischer Figur.

В пустую глуть, вспухающую мукой,
Замирая в глуши. Вдали водопад
Бьется в стену, и горькие скорби
Вихрем выются по ускользящим ступеням.

За тяжелой дверью — факельное шествие.
Гроб колеблется на плечах,
И медленно, медленно, в дальнем переходе
Под томящим напевом уходит вдаль.

Кто он? Кто покойник? Усталые звуки
Флейт гибнут за поворотом поворот,
И темное эхо еще отзывается
Здесь, где в глуши притаился мрак.

Серая полночь едва просвечена
Желтой свечой, и по закоулкам вдаль
Ветер воет собачьим воем,
Всплывшая прахи подпольных склепов.

Тоска беспросветна. А там, вверху,
Блуждает в море ночной скиталец,
Над которым тоже каменный свод
Замкнут в магический узор созвездий.

APRIL

Das erste Grün der Saat, von Regen feucht,
Zieht weit sich hin an niedrer Hügel Flucht.
Zwei große Krähen flattern aufgescheucht
Zu braunem Dorngebüsch in grüner Schlucht.

Wie auf der stillen See ein Wölkchen steht,
So ruhn die Berge hinten in dem Blau,
Auf die ein feiner Regen niedergeht,
Wie Silberschleier, dünn und zitternd grau.

АПРЕЛЬ

Первые севы, взбрызнутые дождем,
Зеленеют по склонам убегающих всхолмий.
Две вороны, вспугнутые, слетают
В зеленый овраг, на бурый терновник.

Как над гладью моря застывшие облачка,
За синевой неподвижны горы,
На которые сеется мелкий дождь,
Как трепещущая вуаль, серебристо-серая.

SONNWENDTAG

Es war am Sommersonnwendtag,
Dein braunes Haar im Nacken lag
Wie Gold und schwere Seiden.

Da nahmst du mir die feine Hand.
Und hinter dir stob auf der Sand
Des Feldwegs an den Weiden.

Von allen Bäumen floß der Glanz.
Dein Ritt war lauter Elfentanz
Hin über rote Heiden.

Und um mich duftete der Hag,
Wie nur am Sommersonnwendtag,
Ein Dank und Sichbescheiden.

САМЫЙ ДЛИННЫЙ ДЕНЬ

Был самый длинный летний день,
И темный шелк твоих волос,
Как золото, лучился.

Моя рука в твоей руке,
Копыта били по песку
На луговой дороге.

С листья струился ясный свет,
Плясали эльфы вокруг коней
Над красными цветами.

И ароматами цвели
В наш самый длинный летний день
Решимость и благодарность.

DIE RUHIGEN

Ernst Balcke gewidmet

Ein altes Boot, das in dem stillen Hafen
Am Nachmittag an seiner Kette wiegt.
Die Liebenden, die nach den Küssen schlafen.
Ein Stein, der tief im grünen Brunnen liegt.

Der Pythia Ruhen, das dem Schlummer gleicht
Der hohen Götter nach dem langen Mahl.
Die weiße Kerze, die den Toten bleicht.
Der Wolken Löwenhäupter um ein Tal.

Das Stein gewordene Lächeln eines Blöden,
Verstaubte Krüge, drin noch wohnt der Duft.
Zerbrochne Geigen in dem Kram der Böden.
Vor dem Gewittersturm die träge Luft.

Ein Segel, das vom Horizonte glänzt.
Der Duft der Heiden, der die Bienen führt.
Des Herbstes Gold, das Laub und Stamm bekränzt
Der Dichter, der des Toren Bosheit spürt.

УСПОКОЕНИЕ

Эристу Бальке

Старая лодка в заглохшей заводи.
Тихое качанье. Заполуденный зной.
Сон влюбленных, усталых от поцелуев.
Мшистый камень в глуби на зеленом дне.

Пифийская одурь. Такая дрема,
Как у богов после вечных пиров.
Белая свеча над бледными покойниками.
Как львиные головы — над долиною облака.

Окаменелый смех идиота.
Запылен кувшин, но не выдохся дух.
Разбитая скрипка в развале хлама.
Воздух ленивый, как перед грозой.

Белый парус на синем горизонте.
Запах луга, манящий пчел.
Золото осени — венцом на рощах.
Поэт, взирающий на злобу глупцов.

COLUMBUS

12. Oktober 1492

Nicht mehr die Salzlucht, nicht die öden Meere,
Drauf Winde stürmen hin mit schwarzem Schall.
Nicht mehr der großen Horizonte Leere,
Draus langsam kroch des runden Mondes Ball.

Schon fliegen große Vögel auf den Wassern
Mit wunderbarem Fittich blau beschwingt.
Und weiße Riesenschwäne mit dem blassem
Gefieder sanft, das süß wie Harfen klingt.

Schon tauchen andre Sterne auf in Chören,
Die stumm wie Fische an dem Himmel ziehn.
Die müden Schiffer schlafen, die betören
Die Winde, schwer von brennendem Jasmin.

Am Bugspriet vorne träumt der Genueser
In Nacht hinaus, wo ihm zu Füßen blähn
Im grünen Wasser Blumen, dünn wie Gläser,
Und tief im Grund die weißen Orchideen.

Im Nachtgewölke spiegeln große Städte,
Fern, weit, in goldnen Himmeln wolkenlos,
Und wie ein Traum versunkner Abendröte
Die goldnen Tempeldacher Mexikos.

Das Wolkenpiel versinkt im Meer. Doch ferne
Zittert ein Licht im Wasser weiß empor.
Ein kleines Feuer, zart gleich einem Sterne.
Dort schlummert noch in Frieden Salvador.

КОЛУМБ

12 октября 1492-го

Конец соленому воздуху, конец
Пустому морю, играющему скорлупкой.
Конец пустой черте горизонта,
Из-за которой выкарабкивалась луна.

Вот уже в воздухе — большие птицы,
И в перьях блещет небывалая синева.
Исполинские белые распростерли лебеди
Крылья, звучащие слаще арф.

Новые звезды выводят хороводы,
Немые, как рыбы в морях небес.
Изможденные моряки заснули, одурманены
Ветром, в котором жаркий жасмин.

Генуэзец стоит у самого бугшприта
И мечтает в ночь, а внизу, у ног, —
Прозрачные лепестки сквозь зеленую влагу
И белые орхидеи глубоко на дне.

Вечерние облака в золотом небе
Играют ширью безоблачных городов.
В них, как сон о закатном притоне солнца,
Мексиканские храмы, золото их крыш.

Облака, играючи, тают в море,
Но в воде дрожит последний огонек —
Малой звездочкой,
Еще нетронутый, зыблется Сальвадор.

GEGEN NORDEN

Die braunen Segel blähen an den Trossen,
Die Kähne furchen silbergrau das Meer.
Der Borde schwarze Netze hängen schwer
Von Schuppenleibern und von roten Flossen.

Sie kehren heim zum Kai, wo raucht die Stadt
In trübem Dunst und naher Finsternis.
Der Häuser Lichter schwimmen ungewiß
Wie rote Flecken, breit, im dunklen Watt.

Fern ruht des Meeres Platte wie ein Stein
Im blauen Ost. Von Tages Stirne sinkt
Der Kranz des roten Laubes, da er trinkt,
Zur Flut gekniet, von ihrem weißen Schein.

Es zittert Goldgewölke in den Weiten
Vom Glanz der Bernsteinwaldung, die enttaucht
Verlorner Tiefe, wenn die Dämmerung raucht,
In die sich gelb die langen Äste breiten.

Versunkne Schiffer hängen in den Zweigen.
Ihr langes Haar schwimmt auf der See wie Tang.
Die Sterne, die dem Grün der Nacht entsteigen,
Beginnen frierend ihren Wandergang.

НА СЕВЕРЕ

Бурые паруса вздуваются на тросах.
Карбасы бороздят серебристый залив.
По бортам свисают сети, тяжелые
От чешуйчатых тел и красных плавников.

Они возвращаются к молу, за которым
Сумеречный город в чадном дыму.
Вечерние огни расплываются зыбкими
Красными пятнами в темной воде.

Плоскоморье каменной плитой
Залегло на синем востоке. День
Встал на колени испить от света
И роняет в воду красный лист из венка.

Золотое облако дрожит вдали —
Это встает из глубин янтарный
Лес и в сумеречную дымку дня
Широко распростирает желтые ветви.

На ветвях прогнулись потонувшие моряки.
Их волосы свисают в воду, как водоросли.
Звезды, встав в зеленую ночь,
Начинают свое морозное шествие.

DER WINTER

Der blaue Schnee liegt auf dem ebenen Land,
Das Winter dehnt. Und die Wegweiser zeigen
Einander mit der ausgestreckten Hand
Der Horizonte violettes Schweigen.

Hier treffen sich auf ihrem Weg ins Leere
Vier Straßen an. Die niedren Bäume stehen
Wie Bettler kahl. Das Rot der Vogelbeere
Glänzt wie ihr Auge trübe. Die Chausseen.

Verweilen kurz und sprechen aus den Ästen.
Dann ziehn sie weiter in die Einsamkeit
Gen Nord und Süden und nach Ost und Westen,
Wo bleicht der niedere Tag der Winterzeit.

Ein hoher Korb mit rissigem Geflecht
Blieb von der Ernte noch im Ackerfeld.
Weißbärtig, ein Soldat, der nach Gefecht
Und heißem Tag der Toten Wache hält.

Der Schnee wird bleicher, und der Tag vergeht.
Der Sonne Atem dampft am Firmament,
Davon das Eis, das in den Lachen steht
Hinab die Straße rot wie Feuer brennt.

ЗИМА

Зима врасстяжку. По ровной глади
Голубые снега. На дорогах стрелки
На четыре стороны показывают друг другу
Лиловое безмолвие горизонта.

Четыре дороги, все — в пустоту,
Скрестились. Кусты — как стынущие нищие.
Красная рябина блестит печально,
Как птичий глаз. Четыре дороги

Застыли на миг пошептать ветвями,
И вновь вперед, в четыре одиночества,
На север и юг, на восток и запад,
Где небо к земле придавило день.

Земля из-под жатвы горбом, как короб
С треснувшей плетенкой. Белою бородой
Она щетинится, как солдат после боя,
Сторож над мертвыми после жаркого дня.

Снег бледнее, и день короче.
Солнце дышит с низких небес
Дымом, которому навстречу только
Лед горит, как красный огонь.

DER ABEND

Versunken ist der Tag in Purpurrot,
Der Strom schwimmt weiß in ungeheurer Glätte.
Ein Segel kommt. Es hebt sich aus dem Boot
Am Steuer groß des Schiffers Silhouette.

Auf allen Inseln steigt des Herbstes Wald
Mit roten Häuptern in den Raum, den klaren.
Und aus der Schluchten dunkler Tiefe hallt
Der Waldung Ton, wie Rauschen der Kitharen.

Das Dunkel ist im Osten ausgegossen,
Wie blauer Wein kommt aus gestürzter Urne.
Und ferne steht, vom Mantel schwarz umflossen,
Die hohe Nacht auf schattigem Kothurne.

ВЕЧЕР

День потонул в червонном багрянце.
Река бела небывалой гладью.
Двигается парус. У руля, как вырезанный,
Лодочник высится над большой кормой.

На всех островах в прозрачное небо
Вскинулся красный осенний лес,
И шелест веток из темных омутов
Отзывается дрожью кифарных струн.

Сумрак с востока разливался вширь,
Как синее вино из опрокинутой чаши,
А поодаль стояла, окутанная в черное,
На высоких котурнах большая ночь.

HERBST

Die Faune treten, aus den Wäldern alle,
Des Herbstes Chor. Ein ungeheurer Kranz.
Die Hände haltend, springen sie zum Schalle
Der Widderhörner froh zu Tal im Tanz.

Der Lenden Felle schüttern von dem Sturze,
Die weiß und schwarz wie Ziegenvlies gefleckt.
Der starke Nacken stößt empor das kurze
Gehörn, das sich aus rotem Weinlaub streckt.

Die Hufe schallen, die vom Horne starken.
Den Thyrsus haun sie auf die Felsen laut.
Der Paian tönt in die besonnten Marken,
Der Brustkorb bläht mit zottig schwarzer Haut.

Des Waldes Tiere fliehen vor dem Lärme
In Scharen flüchtig her und langem Sprung.
Um ihre Stirnen fliegen Falterschwärme,
Berauscht von ihrer Kränze Duft und Trunk.

Sie nahn dem Bache, der von Schilf unzogen
Durch Wiesen rauscht. Das Röhricht läßt sie ein.
Sie springen mit den Hufen in die Wogen
Und baden sich vom Schlamm der Wälder rein.

Das Schilfrohr tönt vom Munde der Dryaden,
Die auf den Weiden wohnen im Geäst.
Sie schau'n herauf. Ihr Rücken glänzt vom Baden
Wie Leder braun und wie von Öl genäßt.

ОСЕНЬ

Осенний хор: из лесов выступают фавны,
Рука за руку, неисчетный хоровод.
Под гуденье вкрученных
Бараньих рогов они пляшут пляс.

Шерсть на ляжках,
Белая и желтая, трясется от прыжков.
Из крепкого темени торчат короткие
Рога, в багряной виноградной листве.

Топочут копыта,
Тирсы бьют по выступам скал.
На солнечных полянах звучат пеаны —
Дыбом грудь, дыбом черная шерсть.

Лесное зверье, кто в бег, кто вскачь,
Распугано шумом на все четыре стороны.
И только бабочки порхают над пляшущими,
Опьяняясь запахом хмельных цветов.

По полю, по лугу, к ручью, вдоль берега,
Поросшего камышами. Камыш — враспах,
И они копытами — прямо в воду,
Отскребая от шкур чащобную грязь.

Тростниковыми дудками отзываются дриады
С деревьев, сплетшихся вокруг лугов.
Фавны смотрят вверх. По их бурым спинам
Каплями, как масло, стекает вода.

Sie brüllen wild und langen nach den Zweigen.
Ihr Gfied treibt auf, von ihrer Gier geschwellt.
Die Elfen fliegen fort, wo noch das Schweigen
Des Mittagstraums auf goldnen Höhen hält.

Они лезут вверх, вздуваясь от похоти,
И взывая от страсти, ползут по сучьям. :
Эльфы разлетаются прочь — туда,
Где тишь еще дремлет в золотистых всхолмьях.

FRONLEICHNAMSPROZESSION

O weites Land des Sommers und der Winde,
Der reinen Wolken, die dem Wind sich bieten.
Wo goldener Weizen reift und die Gebinde
Des gelben Roggens trocken in den Mieten.

Die Erde dämmert von den Düften allen,
Von grünen Winden und des Mohnes Farben,
Des schwere Köpfe auf den Stielen fallen
Und weithin brennen aus den hohen Garben.

Des Feldwegs Brücke steigt im halben Bogen,
Wo helle Wellen weiße Kiesel feuchten.
Die Wassergräser werden fortgezogen,
Die in der Sonne aus dem Bache leuchten.

Die Brücke schwankt herauf die erste Fahne.
Sie flammt von Gold und Rot. Die Seidenquasten
Zu beiden Seiten halten Kastellane
Im alten Chorrock, dem von Staub verblaßten.

Man hört Gesang. Die jungen Priester kommen.
Barhäuptig gehen sie vor den Prälaten.
Zu Flöten schallt der Meßgesang. Die frommen
Und alten Lieder wandern durch die Saaten.

In weißen Kleidchen kommen Kinder singend.
Sie tragen kleine Kränze in den Haaren.
Und Knaben, runde Weihrauchkessel schwingend,
Im Spitzenrock und roten Festtalaren.

КРЕСТНЫЙ ХОД

Бескрайний край, где лето и ветер,
И ветру вверились светлые облака,
Где зреет золотом желтое жито
И связанная в снопы высыхает рожь.

Земля туманится и дрожит
В запахах зеленых ветров и красных
Маков, которые уронили головы
И ярко горят от копны к копне.

Проселок выгнулся в полукруглый мост
Над свежей волною, и белыми камнями,
И длинными водорослями в длинных
Струях под солнцем, играющим в воде.

Над мостом возносится первая хоругвь,
Пылая пурпуром и золотом. Оба
Конца ее с кистями справа и слева
Держат причетники в выцветших стихарях.

Слышится пение. Младший клир
С непокрытыми головами шествует
Впереди прелатов. Старинные, благолепные
Звуки над нивами разносятся вдаль.

В белых одежках, в маленьких веночках
Маленькие певчие истоиво поют;
И взмахивают кадилами мальчики
В красных сутанах и праздничных шляках.

Die Kirchenbilder kommen auf Altären.
Mariens Wunden brennen hell im Licht.
Und Christus naht, von Blumen bunt, die wehren
Die Sonne von dem gelben Holzgesicht.

Im Baldachine glänzt des Bischofs Krone.
Er schreitet singend mit dem heiligen Schrein.
Der hohe Stimmenschall der Diakone
Fliegt weit hinaus durch Land und Felderreihn.

Der Truhen Glanz weht um die alte Tracht.
Die Kessel dampfen, drin die Kräuter kohlen.
Sie ziehen durch der weiten Felder Pracht,
Und matter glänzen die vergilbten Stolen.

Der Zug wird kleiner. Der Gesang verhallt.
Sie ziehn dahin, dem grünen Wald entgegen.
Er tut sich auf. Der Glanz verzieht im Wald,
Wo goldne Stille träumt auf dunklen Wegen.

Der Mittag kommt. Es schläft das weite Land,
Die tiefen Wege, wo die Schwalbe schweift,
Und eine Mühle steht am Himmelsrand,
Die ewig nach den weißen Wolken greift.

Алтарные движутся изваяния,
Мариины раны сияют в лучах,
И близится Христос с деревянным желтым
Лицом под сенью пестроцветных венков.

Под навесом от солнца блещет епископская
Митра. Он шагает с пением на устах,
И вторящие голоса диаконов
Возносятся в небо и разносятся по полям.

Ковчежцы сверкают вокруг старых мантий.
Дымят кадила тлением трав.
Тянется шествие в пышности полей.
Золото одежд выцветает в прожелть.

Шествие все дальше. Пение все тише.
Узенькая вереница втягивается в лес,
И он, зеленый, блещущую глотает
Темными тропами златодремлющей тишины.

Полдень настает. Засыпают дали.
Ласточка заблудилась в бескрайних высях.
И вечная мельница у края неба
Тянется крыльями в белые облака.

DER TAG

Palmyras Tempelstaub bläst auf der Wind,
Der durch die Hallen säuselt in der Zeit
Des leeren Mittags, wo die Sonne weit
Im Blauen rast. Der goldene Atem spinnt.

Der goldene Staub des Mittags sich wie Rauch
Im Glanz der Wüste, wie ein seidenes Zelt
Der ungeheuren Fläche. Dach, der Welt.
Wie ferne Flöten tönt des Zephirs Hauch.

Und leise singt der Sand. Doch unverweilt
Jagt hoch das Licht. Damaskus' Rosenduft
Schlägt auf wie eine Woge in die Luft,
Wie eine Flamme, die den Äther teilt.

Der weißen Stiere roter Blutsaft schäumt
Auf Tempelhöfen, wo das Volk im Kranz
Des Blutes Regen fühlt, und seinen Glanz,
Der mit Rubinen ihre Togen säumt.

Ein Tänzer tanzt im blauen Mittagsrot
Auf weißer Platte, der vom Strahle trank.
Das Licht entflieht. Der Libanon versank,
Der Zedern Haus, das sich dem Gotte bot.

Und westwärts eilt der Tag. Mit tiefem Gold
Ist weit des Westens Wölbung angefüllt:
Des Gottes Rundschild, der die Schultern hüllt
Des Flüchtigen. Sein blauer Helmbusch rollt

ДЕНЬ

Пальмира. Храм. И пыль на ветру,
Шелестящем между колонн в часы
Полого полдня, когда в голубом
Своде застыло солнце. Золото

Ветра ткет золотую пыль
Полдня, как дым над блеском пустынь,
Как шелк шатра над страшною ширью.
Крыша мира. Зефир, как дальние флейты,

Поет, и тихо подпевают пески.
Безудержен свет. Аромат дамасских
Роз вздымается воздушной волною,
Как пламя, режущее эфир.

Красной кровью белых быков
Кипят алтари, вокруг которых люд
Осызает россыпи теплых брызг,
Вспыхнувших рубинами на светлых тогах.

В синем полдне на белом поле
Пляшет плясун, пьяный от лучей.
Но свет уходит. Гаснет Ливан,
Обитель кедров во имя Божье.

День мчится к западу. Выгиб неба
Залит золотом. Это круглый
Божий щит прикрывает спину
Беглого бога. Шелом о синем

Darob im Sturme weit am Horizont,
Am Meer, und seiner Inseln Perlenseil.
Er eilt dahin, wo schon der Ida steil
Mit Eichen tost und dröhnt der Hellespont.

Das Stromland fort, dem grünen Abend zu.
Wie der Drommete Ton erschallt sein Gang
An Ossas Echo. Troas Schilf entlang,
In rote Wälder tritt sein Purporschuh,

In Sammetwiesen weich. Dem Feuer nach,
Das einst gen Argos flog, tritt machtvoll er
Auf Chalkis hin. Darunter rauscht das Meer
Hervor aus grüner Grotten Steingemach.

Sein Arm, den er auf Meer und Lande streckt,
Ragt dunkel auf wie eine Feuersbrunst.
Sein Atem füllt das Meer mit schwarzem Dunst,
Des weißes Maul die roten Sohlen leckt.

Auf Marathon schleppt seines Mantels Saum,
Ein violetter Streif, wo schon das Horn
Der Muschel stimmt am Strand der Toten vorn
Der Sturmgott laut aus weißer Brandung Schaum.

Des Rohres rote Fahnen rührt der Wind
Von seines Fußes Fittich um am Strand
Der fernen Elis, da der Nacht Trabant,
Schildknappe Mond, den dunklen Pfad beginnt.

Султане катится к горизонту,
К морю, к жемчугу островов,
Мимо горной Иды, в дубравной буре,
Где гулко буйствует Геллеспонт.

И прочь от вод — к зеленому вечеру.
Трубные шаги его будят гул
На кручах Оссы. Мимо троянских
Камышей, по багровым лесам, по мягким

Бархатным лугам — пурпурным сапогом,
Вслед огню, летевшему из Трои в Аргос,
Он вломился в Халкиду. Под ним шумит
Море из пропастей зеленых гротов.

Над землей и морем он вскинул руку,
Черную, как полымя. Полным вздохом
Он окутал море в тяжелый пар,
Белой пастью лижущий багрец подошв.

Вьющейся громадою фиолетовый
Льется плащ его по пятам
К марафонским могилам, где в белой пене
В раковину моря дует Нептун.

Ветер его ног опухнет крылами
Красные флаги прибрежных камышей
Дальней Элиды, когда месяц-щитоносец
Выпрыдет в ночь первую темную нить.

DER TOD DER LIEBENDEN

Durch hohe Tore wird das Meer gezogen
Und goldne Wolkensäulen, wo noch säumt
Der späte Tag am hellen Himmelsbogen
Und fern hinab des Meeres Weite träumt.

«Vergiß der Traurigkeit, die sich verlor
Ins ferne Spiel der Wasser, und der Zeit
Versunkner Tage. Singt der Wind ins Ohr
Dir seine Schwermut, höre nicht sein Leid.

Laß ab von Weinen. Bei den Toten unten
Im Schattenlande werden bald wir wohnen
Und ewig schlafen in den Tiefen drunten,
In den verborgenen Städten der Dämonen.

Dort wird uns Einsamkeit die Lider schließen.
Wir hören nichts in unserer Hallen Räumen,
Die Fische nur, die durch die Fenster schießen,
Und leisen Wind in den Korallenbäumen.

Wir werden immer beieinander bleiben
Im schattenhaften Walde auf dem Grunde.
Die gleiche Woge wird uns dunkel treiben,
Und gleiche Träume trinkt der Kuß vom Munde.

Der Tod ist sanft. Und die uns niemand gab,
Er gibt uns Heimat. Und er trägt uns weich
In seinem Mantel in das dunkle Grab,
Wo viele schlafen schon im stillen Reich».

СМЕРТЬ ВЛЮБЛЕННЫХ

В высоких воротах простерлось море
И золотооблачные столбы,
Где поздний день окаймляет небо,
А снизу грезит водная ширь.

«Забудь печаль. Она утонула
Вдали, в играющей влаге. Забудь
О прошлых днях. Пусть шепотом ветер
Поет тебе горе свое. Не слушай.

Не плачь. Скоро мы с тобою будем
В преисподнем царстве теней
Жить и спать навек между мертвыми
В потаенных демонских городах.

Нам смежит глаза одиночество,
И в покоях наших будет покой.
Только рыбки скользнут из окон в окна,
Только ветер в коралловых ветвях.

Мы будем, навеки вместе,
В тенистых рощах на дне,
Отуманясь единою волною,
Губы в губы впивать единый сон.

Смерть нежна. Она даст нам родину —
Ту, которой не даст никто другой.
Смерть снесет нас, окутав в мягкое,
В тихий темный сонный дол мертвецов».

Des Meeres Seele singt am leeren Kahn.
Er treibt davon, ein Spiel den tauben Winden
In Meeres Einsamkeit. Der Ozean
Türmt fern sich auf zu schwarzer Nacht, der Blinden.

In hohen Wogen schweift ein Kormoran
Mit grünen Fittichs dunkler Träumerei.
Darunter ziehn die Toten ihre Bahn.
Wie blasse Blumen treiben sie vorbei.

Sie sinken tief. Das Meer schließt seinen Mund
Und schillert weiß. Der Horizont nur bebt
Wie eines Adlers Flug, der von dem Sund
Ins Abendmeer die blaue Schwinge hebt.

Морская душа запекает песню
Пустому челноку, игрушке глухих
Вихрей, и он гонится в одиночество
Океана, вздыбленного в слепую ночь.

Сквозь валы мчится птица корморан,
Сея темные сны с зеленых крыльев.
Под водою плывут в последний путь
Мертвецы, как бледные лилии.

Глубже, глубже. Море, сомкнувши пасть,
Блещет белым блеском. И только
Небо напряглось, как орлиный взмах
Синих крыльев над закатной пучиной.

OPHELIA

I

Im Haar ein Nest von jungen Wasserratten,
Und die beringten Hände auf der Flut
Wie Flossen, also treibt sie durch den Schatten
Des großen Urwalds, der im Wasser ruht.

Die letzte Sonne, die im Dunkel irrt,
Versenkt sich tief in ihres Hirnes Schrein.
Warum sie starb? Warum sie so allein
Im Wasser treibt, das Farn und Kraut verwirrt?

Im dichten Röhricht steht der Wind. Er scheucht
Wie eine Hand die Fledermäuse auf.
Mit dunklem Fittich, von dem Wasser feucht
Stehn sie wie Rauch im dunklen Wasserlauf.

Wie Nachtgewölk. Ein langer, weißer Aal
Schlüpft über ihre Brust. Ein Glühwurm scheint
Auf ihrer Stirn. Und eine Weide weint
Das Laub auf sie und ihre stumme Qual.

II

Korn. Saaten. Und des Mittags roter Schweiß.
Der Felder gelbe Winde schlafen still.
Sie kommt, ein Vogel, der entschlafen will.
Der Schwäne Fittich überdacht sie weiß.

Die blauen Lider schatten sanft herab.
Und bei der Sensen blanken Melodien

ОФЕЛИЯ

I

В волосах гнезятся речные крысы.
Руки в перстнях вытянулись по воде
Плавниками, несущими ее тело
Сквозь тенистый подводный первобытный лес.

Последнее солнце, проблуждавши в сумраке,
Глубоко закатилось в ее мозг, как в гроб.
Зачем умерла она? Почему одна она
В порослях водорослей спутавшейся реки?

Ветер повис в камышах. Как взмахом,
Он взметает стаю летучих мышей.
Темными крыльями над темными водами
Они вьются, влажные, как тяжкий дым,

Как ночная туча. Белесый угорь
Ей щекочет груди. Светляк на лбу
Мерцает, и листьями плачет ива
Над ней, над мукой, не знавшей слов.

II

Желтое поле. Кровавым потом
Потный полдень. Ветер заснул.
Вот она плывет, умирающая птица,
Под белым кровом лебяжьих крыл.

Мягко опали голубые веки.
И под сверканье звенящих кос

Träumt sie von eines Kusses Karmoisin
Den ewigen Traum in ihrem ewigen Grab.

Vorbei, vorbei. Wo an das Ufer dröhnt
Der Schall der Städte. Wo durch Dämme zwingt
Der weiße Strom. Der Widerhall erklingt
Mit weitem Echo. Wo herunter tönt.

Hall voller Straßen. Glocken und Geläut.
Maschinenkreischen. Kampf. Wo westlich droht
In blinde Scheiben dumpfes Abendrot,
In dem ein Kran mit Riesenarmen dräut.

Mit schwarzer Stirn, ein mächtiger Tyrann,
Ein Moloch, drum die schwarzen Knechte knien.
Last schwerer Brücken, die darüber ziehn
Wie Ketten auf dem Strom, und harter Bann.

Unsichtbar schwimmt sie in der Flut Geleit.
Doch wo sie treibt, jagt weit den Menschenschwarm
Mit großem Fittich auf ein dunkler Harm,
Der schattet über beide Ufer breit.

Vorbei, vorbei. Da sich dem Dunkel weicht
Der westlich hohe Tag des Sommers spät,
Wo in dem Dunkelgrün der Wiesen steht
Des fernen Abends zarte Müdigkeit.

Der Strom trägt weit sie fort, die untertaucht,
Durch manchen Winters trauervollen Port.
Die Zeit hinab. Durch Ewigkeiten fort,
Davon der Horizont wie Feuer raucht.

Снится ей поцелуй, как пурпур,
Вечный сон ее в вечном гробу.

Мимо, мимо! Туда, где над берегом
Гудящий город. Где в плотинный створ
Белый бьет бурун, и на все четыре
Стороны стонет эхо. Туда,

Где гул по улицам. Колокольный звон.
Машинный скрежет. Борьба. Туда,
Где запад грозитя слепым и красным
Кругом, где вычерчен подъемный кран.

Подъемный кран, чернолобый тиран,
Молох над павшими ниц рабами,
Тягота мостов, которые для него
Коваными цепями сковали реку.

Незримая, плывет она по струе,
И где ее мчит, взматается люд
Большими крыльями черной тоски,
Тенью ширящейся с берега на берег.

Мимо, мимо! Где в жертву мраку
Лето закалывает поздний закат,
Где усталая истома позднего вечера
Темной зеленью легла на луга.

Поток ее мчит, навек погруженную,
По стылым заводам встречных зим
Вниз по течению времени, в вечность,
Где дышит дымом огненный небосвод.

DIE PROFESSOREN

Zu vieren sitzen sie am grünen Tische,
Verschanzt in seines Daches hohe Kanten.
Kahlköpfig hocken sie in den Folianten,
Wie auf dem Aas die alten Tintenfische.

Manchmal erscheinen Hände, die bedreckten
Mit Tintenschwärze. Ihre Lippen fliegen
Oft lautlos auf. Und ihre Zungen wiegen
Wie rote Rüssel über den Pandekten.

Sie scheinen manchmal ferne zu verschwimmen,
Wie Schatten in der weißgetünchten Wand.
Dann klingen wie von weitem ihre Stimmen.

Doch plötzlich wächst ihr Maul. Ein weißer Sturm
Von Geifer. Stille dann. Und auf dem Rand
Wiegt sich der Paragraph, ein grüner Wurm.

УЧЕНЫЕ

Вчетвером под зеленым абажуром,
Окопавшись за ободом стола,
Они лысо вкрячились в фолианты,
Как над падалью старые каракатицы.

Если вскинутся руки — то изгаженные
Кляксами. Разеваются губы,
Но беззвучно. Качаются красные
Языки хоботками над римским правом.

Иногда они словно расплываются
Дальней тенью на белой стене,
Голоса их глохнут. Но вдруг

Разеваются их пасть. Пенной бурей —
Слюни. А по краю страниц,
Как зеленый червяк, ползет параграф.

DAS FIEBRSPITAL

I

Die bleiche Leinwand in den vielen Betten
Verschwimmt in kahler Wand im Krankensaal.
Die Krankheiten alle, dünne Marionetten,
Spazieren in den Gängen. Eine Zahl

Hat jeder Kranke. Und mit weißer Kreide
Sind seine Qualen sauber aufnotiert.
Das Fieber donnert. Ihre Eingeweide
Brennen wie Berge. Und ihr Auge stiert.

Zur Decke auf, wo ein paar große Spinnen
Aus ihrem Bauche lange Fäden ziehn.
Sie sitzen auf in ihrem kalten Linnen
Und ihrem Schweiß mit hochgezogenen Knieen.

Sie beißen auf die Nägel ihrer Hand.
Die Falten ihrer Stirn, die rötlich glüht,
Sind wie ein graugefurchtes Ackerland,
Auf dem des Todes großes Frührot blüht.

Sie strecken ihre weißen Arme vor,
Vor Kälte zitternd und vor Grauen stumm.
Schon wälzt ihr Hirn sich schwarz von Ohr zu Ohr
In ungeheurem Wirbel schnell herum.

Dann gähnt in ihrem Rücken schwarz ein Spalt,
Und aus der weißgetünchten Mauerwand
Streckt sich ein Arm. Um ihre Kehle ballt
Sich langsam eine harte Knochenhand.

ГОСПИТАЛЬ

I

Белые простыни, постель к постели,
Расплываются в холод больничных стен.
Все болезни прогуливаются по коридорам,
Точно проволочные куклы. На каждого

Их по несколько. Над каждым выведен
Белым мелом перечень его мук.
Здесь горячка — как гром. Внутри у всякого —
Жар вулкана. Глаза устремлены

В потолок, где паук и паучиха
Тянут липкую сеть из животов.
Они скорчиваются, торча коленями,
В жарком поту под холодным бельем.

Их ногти обкусаны до мяса.
Морщины их горящего лба —
Как борозды, вспаханные ужасом,
Пашня смерти под красною зарей.

Они тянут бледные руки
В тряске зноба, в отчаянье немоты.
В их черепе черною каруселью
От уха к уху мечется мозг.

Их спина расседается трещиною.
Из беленой стены вытягивается рука,
Медленная, костлявая, и жесткою
Хваткой сдавливает их гортань.

II

Des Abends Trauer sinkt. Sie hocken stumpf
In ihrer Kissen Schatten. Und herein
Kriecht Wassernebel kalt. Sie hören dumpf
Durch ihren Saal der Qualen Litanein.

Das Fieber kriecht in ihren Lagern um,
Langsam, ein großer, gelblicher Polyp.
Sie schau'n ihm zu, von dem Entsetzen stumm.
Und ihre Augen werden weiß und trüb.

Die Sonne quält sich auf dem Rand der Nacht.
Sie blä'n die Nasen. Es wird furchtbar heiß.
Ein großes Feuer hat sie angefacht,
Wie eine Blase schwankt ihr roter Kreis.

Auf ihrem Dache sitzt ein Mann im Stuhl
Und droht den Kranken mit dem Eisenstab.
Darunter schaufehl in dem heißen Pfuhl
Die Nigger schon ihr tiefes, weißes Grab.

Die Leichenträger gehen durch die Reihen
Und reißen schnell die Toten aus dem Bett.
Die andern drehn sich nach der Wand mit Schreien
Der Angst, der Toten gräßlichem Valet.

Moskitos summen. Und die Luft beginnt
Vor Glut zu schmelzen. Wie ein roter Kropf
Schwillt auf ihr Hals, darinnen Lava rinnt.
Und wie ein Ball von Feuer dröhnt ihr Kopf.

Sie machen sich von ihren Hemden los
Und ihren Decken, die sie naß umziehn.
Ihr magrer Leib, bis auf den Nabel bloß,
Wieg't hin und her im Takt der Phantasien.

II

Опускается мрачный вечер. Тупо
Они вкорчиваются в подушки. С реки
Наползает холодный туман. Бесчувственно
Они внемлют молитвословиям мук.

Медленная, желтая, многоногая,
Наползает в их постели горячка.
И они в нее глядят, онемелые,
И в зрачках их — выцветшая тоска.

Солнце тужится на пороге ночи.
Пышет жар. Они раздувают ноздри.
Их палит огонь,
Красный круг их взбухает, как пузырь,

Там, над ними. Некий на стульчаке
Ими правит жезлом железным,
А под ними роют в жаркой грязи
Черные негры белую могилу.

Меж постелей идут похоронщики,
Выдирая рывком за трупом труп.
Кто не взят, тот ввывает, уткнувшись в стену,
Ужас гнусного мертвецкого «прощай!»

Комары зудят. Воздух плавится.
Горло пухнет в багровый зоб.
Рвется зоб, льется огненная лава,
Голова гудит, как каленый шар.

Они рвут с себя липкие рубахи,
Пропотелые одеяла — прочь,
Голые до пупа,
Качаются они маятниками бреда.

Das Floß des Todes steuert durch die Nacht
Heran durch Meere Schlamms und dunkles Moor.
Sie hören bang, wie seine Stange kracht
Lauthallend unten am Barackentor.

Zu einem Bette kommt das Sakrament.
Der Priester salbt dem Kranken Stirn und Mund.
Der Gaumen, der wie rotes Feuer brennt,
Würgt mühsam die Oblate in den Schlund.

Die Kranken horchen auf der Lagerstatt
Wie Kröten, von dem Lichte rot gefleckt.
Die Betten sind wie eine große Stadt,
Die eines schwarzen Himmels Rätsel deckt.

Der Priester singt. In grauser Parodie
Krähn sie die Worte nach in dem Gebet.
Sie lachen laut, die Freude schüttelt sie.
Sie halten sich den Bauch, den Lachen bläht.

Der Priester kniet sich an der Bettstatt Rand.
In das Brevier taucht er die Schultern ein.
Der Kranke setzt sich auf. In seiner Hand
Dreht er im Kreise einen spitzen Stein.

Er schwingt ihn hoch, haut zu. Ein breiter Riß
Klafft auf des Priesters Kopf, der rückwärts fällt.
Und es erfriert sein Schrei auf dem Gebiß,
Das er im Tode weit noch offen hält.

Смерть паромом подплывает сквозь ночь
Через темный ил и слизь морских топей.
Они слушают, замирая, как гремит
Ее посох у больничных порогов.

Вот к постели несут причастие.
Поп больному мажет маслом лоб и рот.
Выжженная глотка мучительно
Вталкивает просфору в пищевод.

Остальные вслушиваются,
Словно жабы в красных пятнах огня.
Их постели — как большой город,
Крытый тайной черных небес.

Поп поет. В ответ ему каркает
Их молитв жуткий пересмех.
Их тела трясутся от гогота,
Руки держатся за вздутый живот.

Поп склоняет колени у кровати.
Он по плечи ныряет в требник.
А больной привстает. В его руке
Острый камень. Рука его в размахе,

Выше, выше. И вот уже дыра
Вспыхивает в черепе. Священник — навзничь.
Крик
Замерзает в зубах навстречу смерти.

DIE SCHLÄFER

Jakob van Hoddis gewidmet

Es schattet dunkler noch des Wassers Schoß,
Tief unten brennt ein Licht, ein rotes Mal
Am schwarzen Leib der Nacht, wo bodenlos
Die Tiefe sinkt. Und auf dem dunklen Tal,

Mit grünem Fittich auf der dunklen Flut
Flattert der Schlaf, der Schnabel dunkelrot,
Drin eine Lilie welkt, der Nacht Salut,
Den Kopf von einem Greise gelb und tot.

Er schüttelt seine Federn wie ein Pfau.
Die Träume wandern wie ein lila Hauch
Um seine Schwinge, wie ein blasser Tau.
In ihre Wolke taucht er, in den Rauch.

Die großen Bäume wandern durch die Nacht
Mit langem Schatten, der hinüber läuft
Ins weiße Herz der Schläfer, die bewacht
Der kalte Mond, der seine Gifte träuft.

Wie ein erfahrener Arzt tief in ihr Blut.
Sie liegen fremd einander, stumm, im Haß
Der dunklen Träume, in verborgner Wut.
Und ihre Stirn wird von den Giften blaß.

Der Baum von Schatten klammert um ihr Herz
Und senkt die Wurzeln ein. Er steigt empor
Und saugt sie aus. Sie stöhnen auf vor Schmerz.
Er ragt herauf, am Turm der Nacht, am Tor.

СПЯЩИЕ

Якобу ван Ходдису

Над гладью заводи темнеют тени.
В глубине догорает последний свет —
Красное родимое пятно на черном
Теле бездонной ночи. Во тьме

Долины витает над тьмой потока
Зеленокрылый, багряноклювый
Сон, увядая ночною лилией
В желтую мертвую голову старика.

Сон, как павлин, отрясает перья.
Вкруг мягких взмахов лиловым вздохом,
Прозрачной влагой зыблются грезы.
Он в их клубах, словно в дыму.

Большие деревья бредут сквозь ночь,
Длинными тенями дотягиваясь до белых
Сердец в груди у спящих, которым
Месяц, холодный сторож, как старый

Врач, по капле вливает в кровь
Лунную отраву. Они застыли,
Врозь, чужие, немые, злобные
Скрытой яростью темных снов.

Лоб бел от яда. Дерево тенью
Врастает в сердце, пускает корни,
Растет, сосет их соки, сквозь стоны
Вздываясь ввысь, где у врат полночной

Der blinden Stille. In die Zweige fliegt
Der Schlaf. Und seine kalte Schwinge streift
Die schwere Nacht, die auf den Schläfern liegt
Und ihre Stirn mit Qualen weiß bereift.

Er singt. Ein Ton. von krankem Violett
Stößt an den Raum. Der Tod geht. Manches Haar
Streicht er zurück. Ein Kreuz, Asche und Fett,
So malt er seine Frucht im welken Jahr.

Башни застыла слепая тишь.
В ветвях его — сон. Холодными крыльями
Полосует он тяжкую ночь, на спящих
Лбах чертящую борозды мук.

Он поет. Он звуком больной скрипки
Скребет пространство. Шествует смерть.
Волосы по ветру. Крест, прах, жир жертв —
Краски плодов умирающего сада.

SCHWARZE VISIONEN

An eine imaginäre Geliebte

I

Du ruhst im Dunkel trauriger Askesen
In deinem weißen Tuch, ein Eremit,
Und deine Locken, die in Nacht verwesen,
Bedecken tief dein eingesunknes Lid.

Auf deinen Lippen gruben sich die Male
Der toten Küsse schon in Trichtern ein.
Die ersten Würmer tanzen um das fahle
Vom Grubenwasser bleiche Schläfenbein.

Wie Ärzte stechen lang sie die Pinzette
Der Rüssel, die im Fleische Wurzel schlägt.
Du jagst sie nicht von deinem Totenbette,
Du bist verflucht, zu leiden unbewegt.

Des schwarzen Himmels große Grabesglocke
Dreht trüb sich rund um deine Winterzeit.
Und es erstickt der Schneefall, dicke Flocke,
Was unten in den Gräbern weint und schreit.

II

Der großen Städte nächtliche Emporen
Stehn rings am Rand, wie gelbe Brände weit.
Und mit der Fackel scheucht aus ihren Toren
Der Tod die Toten in die Dunkelheit.

ЧЕРНЫЕ ВИДЕНИЯ

К выдуманной возлюбленной

I

Ты спишь, отшельник, в траурных темнотах
Подвижничество, под белой пеленою,
И пряди, тронутые глельем ночи,
Ввиваются во впадины глазниц.

Как отпечатки мертвых поцелуев,
Легли на губы темные провалы;
Виски белеют сыростью подземной,
И черви вокруг тебя заводят хоровод.

Они вырастают хоботками в мясо,
Как остриями лекарственных иголок,
Тебе не встать, не выгнать их из гроба,
Ты обречен страдать, не шевелясь.

Вращается над черною зимою
Заупокойным колоколом небо
И душит тяжелой гущей снегопада
Тебя и всех, кто стонет во гробах.

II

Вокруг стоят, как желтые пожары,
Ночные форумы огромных городов,
И, сотрясая факелами темень,
Из ста ворот смерть гонит мертвых в ночь.

Sie fahren aus wie großer Rauch und schwirren
Mit leisen Klagen durch das Distelfeld.
Am Kreuzweg hocken sie zuhauf und irren
Den Heimatlosen gleich in schwarzer Welt.

Sie schaun zurück von einem kahlen Baume,
Auf den der Wind sie warf. Doch ihre Stadt
Ist zu für sie. Und in dem leeren Räume
Treibt Sturm sie um den Baum, wie Vögel matt.

Wo ist die Totenstadt? Sie wollen schlafen.
Da tut sich auf im ersten Abendrot
Die Unterwelt, der stillen Städte Hafen,
Wo schwarze Segel ziehen, Boot an Boot.

Und schwarze Fahnen wehn die langen Gassen
Der ausgestorbenen Städte, die verstummt
In Fluch von weißen Himmeln und verlassen,
Wo ewig eine stumpfe Glocke brummt.

Die schwarzen Brücken werfen ungeheuer
Die Abendschatten auf den dunklen Strom.
Und riesiger Lagunen rotes Feuer
Verbrennt die Luft mit purpurnem Arom.

Kanäle alle, die die Stadt durchschwimmen,
Sind von den Lilienwäldern sanft umsäumt.
Am Bug der Kähne, wo die Lampen glimmen,
Stehn groß die Schiffer, und der Abend träumt.

Wie zarte goldene Kronen um die Stirnen.
Der tiefen Augen dunkler Edelstein
Umschließt des hohen Himmels blasse Firnen,
Wo weidet schon der Mond im grünen Schein.

Die Toten schaun aus ihrem Winterbaume
Den Schläfern zu in ihrem sanften Reich.

Клубясь, как дымы, и шумя, как пчелы,
С тоской они в колючие поля
Летят и оседают на распустьях,
Бездомные в бескрайней черноте.

Их избрасывает ветром на сухие
Деревья, и они вперяются во мрак,
Но им возврата нет. В пустых просторах
Их мечет буря, как усталых птиц.

Заснуть, заснуть! Где город для умерших?
И вот в закатном пламени встает
Загробный мир, безмолвные причалы,
Тень черных парусов, ладья к ладье.

Вдоль долгих улиц черные знамена
Меж вымерших домов, и белый гнет
Пустых небес, проклятых и забытых,
Где вечен гул глухих колоколов.

Над темными потоками громады
Мостов бросают выгнутую тень,
И душным пламенем багровых ароматов
Сгорает воздух над большой водой.

Как стрелы, в город врезались каналы,
Кольша мягких лилий бахрому.
На гнутых лодочных носах в фонарном свете,
Как исполины, высятся гребцы,

Венчаемые золотою грезой
Заката, темным самоцветом глаз
Взирающие в выцветшее небо,
Где месяц всходит в зелень, как на луг.

Покойники, на голых сучьях корчась,
Не сводят взоров с вожделенных царств,

Und das Verlangen faßt sie nach dem Saume
Des roten Himmels und dem Abend weich.

Da stürzt sie Hermes, der die Nacht erschüttert
Mit starkem Flug, ein bläulicher Komet,
Den Grund herab, der meilentief erzittert,
Da singend ihn der Toten Zug durchweht.

Sie nahn den Städten, da sie wohnen sollen,
Draus goldne Winde gehn im Abendflug.
Der Tore Amethyst im tiefen Stollen
Küßt ihrer Reiherschwingen langer Zug.

Die Silberstädte, die im Monde glühen,
Umarmen sie mit ihres Sommers Pracht,
Wo schon im Ost wie große Rosen blühen
Die Morgenröten in die Mitternacht.

III

Sie grüßen dich in deinem schwarzen Sarge
Und flattern über dich wie Frühlingswind.
Wie Nachtigallen rühren sie das karge,
Wachsbleiche Haupt mit ihren Klagen lind.

Mit Sammethänden wollen sie dich grüßen
Von meiner Qual. Und wie ein Weinblatt rot,
So taumeln ihre Küsse dir zu Füßen,
Und ziehn wie Tauben sanft um deinen Tod.

Sie schwingen über dir die Fackelbrände,
Die furchtbar wecken auf die schwarze Nacht.
Sie geben dir in deine weißen Hände
Tränen von Stein, die ich dir dargebracht.

Sie laden Düfte aus den Duft-Amphoren
Und überschütten dich mit Ambra ganz.

Зовущих в мягкий сон под бахромою
Вечерним пурпуром колышимых небес.

Тогда навстречу им Гермес-водитель
Кометой голубой пронзает ночь,
И глуби сотрясаются от хора
Покойников, взвивающихся вслед.

Они текут к обетованным градам,
Где золотые ветры веют в вечер
И где их ждет ласкающим лобзаньем
Подземных врат лиловый аметист.

И города приемлют мертвецов
В серебряную роскошь полнолуний
Тех быстрых летних полночей, в которых
Уже взбухает розами восток.

III

Их сонмы веют над твоею черной
Гробницей, как приветный вешний ветер,
И нежно стонут соловьиным стоном
Над восковой иссохшей головой.

Они приносят в шелковых ладонях
Тебе приветы от моих мучений
И смерть твою лелеют, как голубки,
Лобзаньем алым вкруг костлявых ног.

Они влагают каменные слезы
Моих страстей в твои пустые руки
И, факельными зыбля пламенами,
Нависшую отпугивают ночь.

Они склоняют над холодным телом
Амфоры, полные душистого елея,

Dein schwarzes Haar steht auf, an Himmels Toren,
Wie eines Sterngewölkes dünner Glanz.

Sie werden große Pyramiden bauen,
Darauf sie türmen deinen schwarzen Schrein.
Dann wirst du in die wilde Sonne schauen,
Die in dein Blut stürzt wie ein dunkler Wein.

IV

Die Sonne, die mit Blumen sich beleuchtet,
Stößt wie ein Aar zu deinen Häupten weit,
Und ihrer Purpurlippen Traum befeuchtet
Mit Tränentau dein weißes Totenkleid.

Dann nimmst dein Herz du aus den weißen Brüsten
Und zeigst es rings dem stillen Heiligtum.
Und deine stolze Flamme rührt die Küsten
Des Himmels an, die werfen deinen Ruhm.

Ins Meer der Toten aus wie starke Wellen.
Die großen Schiffe schwimmen um dich her,
Um deinen Turm, und ihre Lieder schwellen
Wie Abendwolken sanft vom großen Meer.

Und was ich dir in meinen Träumen sage,
Das schrein die Priester aus mit Tuba-Ton.
Der Meere dunkle Buchten füllt die Klage
Um dich wie Schilfrohr sanft und schwarzer Mohn.

V

Getrübt bescheint der Mond die stumme Fläche,
Wie ein Korund, der tief im Grunde glüht.
In deiner Locken dunkle Flammenbäche
Verliebt, verweilt er auf den Städten müd.

И звездным облаком у врат небесных
Встают, чернеясь, волосы твои.

Они тебе воздвигнут пирамиду,
Чтоб черный гроб твой на ее вершине
Явил тебя неистовому солнцу,
Чей луч в твоей крови — как темное вино.

IV

И солнце низлетает, как орел,
К тебе на темя, озарясь цветами,
И увлажняют солнцевы уста
Потоком слез и грез твой белый саван.

Ты вырываешь солнце из груди
И напоказ несешь его по храму,
И до предельных берегов небес
Огнем встает твоя большая слава —

Вскипает валом в море мертвецов,
И вокруг столпа твоей вознесенной башни
Плывут, взметая пену, корабли,
Чьи песни — как закатный блеск над морем.

И все, что я шептал тебе в мечтах,
Из уст священников прогрянет трубным гулом,
И стоном с темных берегов восстнут
И черный мак, и жалобный тростник.

V

Смятенный месяц из немого неба,
Как самоцвет, сияющий из недр,
Влюбленно льется меж твоих волос,
Над томными замедлив городами,

Dann kommen alle Toten aus den Gräften
Und ziehn um dich in langer Prozession.
Von rosa Glase flattern in den Lüften
Die Schatten, die von innern Flammen lohn.

VI

Du zogst voraus nach dem geheimen Reiche.
Ich folge dir dereinst, du Trauerbild,
Und halte ewig deine Hand, die bleiche,
Die meiner Küsse blasse Lilie füllt.

Dann überschwemmen lange Ewigkeiten
Der Himmel Mauern und das tote Land,
Die, große Schatten, in den Westen schreiten,
Wo ehern ruht der Horizonte Wand.

И мертвецы выходят из могил,
Вокруг тебя сплетая хороводы,
И розовыми светами лучатся
Сквозь воздух, как сквозь темное стекло.

VI

Ты всех ведешь в таинственные страны,
И я – тебе вослед, о скорбный образ,
Не выпуская выцветшую руку,
Всю в лилиях лобзаний этих уст.

И вечность перельется через обод
Небес и через мертвые просторы,
И длинной тенью полетит на запад,
Где встал стеною вечный горизонт.

UMBRA VITAE

UMBRA VITAE

UMBRA VITAE

Die Menschen stehen vorwärts in den Straßen
Und sehen auf die großen Himmelszeichen,
Wo die Kometen mit den Feuernasen
Um die gezackten Türme drohend schleichen.

Und alle Dächer sind voll Sternedeuter,
Die in den Himmel stecken große Röhren.
Und Zaubrer, wachsend aus den Bodenlöchern,
In Dunkel schräg, die einen Stern beschwören.

Krankheit und Mißwachs durch die Tore kriecher
In schwarzen Tüchern. Und die Betten tragen
Das Wälzen und das Jammern vieler Siechen,
Und welche rennen mit den Totenschragen.

Selbstmörder gehen nachts in großen Horden,
Die suchen vor sich ihr verlornes Wesen,
Gebückt in Süd und West, und Ost und Norden,
Den Staub zerfegend mit den Armen-Besen.

Sie sind wie Staub, der hält noch eine Weile,
Die Haare fallen schon auf ihren Wegen,
Sie springen, daß sie sterben, nun in Eile,
Und sind mit totem Haupt im Feld gelegen.

Noch manchmal zappelnd. Und der Felder Tiere
Stehn um sie blind, und stoßen mit dem Horne
In ihren Bauch. Sie strecken alle viere
Begraben unter Salbei und dem Dorne.

UMBRA VITAE

Люди высыпали на улицы,
Люди смотрят на небесные знаменья:
Там кометы с огненными клювами
И грозящие зубчатые башни.

Крыши усеяны звездочетами,
Их подзорные трубы вперились в небо.
Из чердачных дыр торчат колдуны,
В темноте заклиная свое светило.

Из ворот, закутавшись в черное,
Выползают немощи и уродства.
На постелях — корчи и жалобы хворых,
А иные — вскачь верхом на гробах.

Ночью толпы самоубийц
Рыщут, ищут свою былую силу
И, склоняясь на все четыре стороны,
Разметают пыль руками, как метлами.

Они сами — точно пыль на ветру.
Волосы застилают им дорогу.
Они скачут, чтобы скорей умереть,
И ложатся в землю мертвыми головами.

Некоторые еще корчатся. И зверье,
Встав, слепое, вокруг, втыкает
Рог им в брюхо. И мертвые вытягиваются,
А над ними — чертополох и шалфей.

Das Jahr ist tot und leer von seinen Winden,
Das wie ein Mantel hängt voll Wassertriefen,
Und ewig Wetter, die sich klagend winden
Aus Tiefen wolkig wieder zu den Tiefen.

Die Meere aber stocken. In den Wogen
Die Schiffe hängen modernd und verdrossen,
Zerstreut, und keine Strömung wird gezogen
Und aller Himmel Höfe sind verschlossen.

Die Bäume wechseln nicht die Zeiten
Und bleiben ewig tot in ihrem Ende
Und über die verfallnen Wege spreiten
Sie hölzern ihre langen Finger-Hände.

Wer stirbt, der setzt sich auf, sich zu erheben,
Und eben hat er noch ein Wort gesprochen.
Auf einmal ist er fort. Wo ist sein Leben?
Und seine Augen sind wie Glas zerbrochen:

Schatten sind viele. Trübe und verborgen.
Und Träume, die an stummen Türen schleifen,
Und der erwacht, bedrückt von andern Morgen,
Muß schweren Schlaf von grauen Lidern streifen.

Вымер год. Опустел от ветра.
Он повис, как намокший плащ,
И со стоном вечная непогода
Кружит тучи из глубины в глубину.

Все моря застыли. В волнах
Корабли повисли и медленно
Выгнивают. Течение не течет,
И врата семи небес на запоре.

Для деревьев нет ни зим и ни лет.
Им конец, и конец навеки.
Они тянутся иссохшими пальцами
Поперек забытых дорог.

Умирающий садится, чтоб встать.
Вот он вымолвил единое слово,
А его уже нет. Где жизнь?
Его взгляд — как разбитое стекло.

Тени, тени. Смутные, потаенные.
Сновидения у глухих дверей.
Кто проснется страдать под новым утром,
Долго будет стряхивать тяжкий сон с серых век.

DER KRIEG

Aufgestanden ist er, welcher lange schlief,
Aufgestanden unten aus Gewölben tief.
In der Dämmerung steht er, groß und unerkant,
Und den Mond zerdrückt er in der schwarzen Hand.

In den Abendlärm der Städte fällt es weit,
Frost und Schatten einer fremden Dunkelheit,
Und der Märkte runder Wirbel stockt zu Eis.
Es wird still. Sie sehn sich um. Und keiner weiß.

In den Gassen faßt es ihre Schulter leicht.
Eine Frage. Keine Antwort. Ein Gesicht erleicht.
In der Ferne wimmert ein Geläute dünn
Und die Bärte zittern um ihr spitzes Kinn.

Auf den Bergen hebt er schon zu tanzen an
Und er schreit: Ihr Krieger alle, auf und an.
Und es schallet, wenn das schwarze Haupt er schwenkt,
Drum von tausend Schädeln laute Kette hängt.

Einem Turm gleich tritt er aus die letzte Glut,
Wo der Tag flieht, sind die Ströme schon voll Blut.
Zahllos sind die Leichen schon im Schilf gestreckt.
Von des Todes starken Vögeln weiß bedeckt.

Über runder Mauern blauem Flammenschwall
Steht er, über schwarzer Gassen Waffenschall.
Über Toren, wo die Wächter liegen quer,
Über Brücken, die von Bergen Toter schwer.

ВОЙНА

Она восстала, восстала от долгого сна.
Из-под глубоких сводов восстала она,
Высится в сумерках, безвестна и велика,
И стискивает месяц черная ее рука.

На шумные города, на дальние их дома
Холодом и сумраком ложится чужая тьма.
Круговороты базаров застывают, как лед.
Стало тихо. Все смотрят. И ни один не узнает.

Тронула на улице тебя за плечо она.
Вопрос. Ни слова в ответ. Только в лице белизна.
Плачется в даях неведомый робкий стон.
Бородки на подбородках трясутся со всех сторон.

Она вздымается в гору, начинается ее игра.
Она кричит во весь голос: «За дело, бойцы, пора!»
Она пускается в пляс, ее обычай таков.
Гремят на ее ожерелье тысячи черепов.

Она вознеслась, как башня, в последнем пожаре дня.
Реки струятся кровью, красною от огня.
Группы без счета покрыли береговую гладь.
Белые птицы Смерти слетаются их клевать.

Синим потоком пламени круглые стены горят.
На языке оружия улицы говорят.
В воротах трупы на трупах грудой до высоты.
Под тяжестью убитых проламываются мосты.

In die Nacht erjagt das Feuer querfeldein
Einen roten Hund mit wilder Mäuler Schrein.
Aus dem Dunkel springt der Nächte schwarze Welt,
Von Vulkanen furchtbar ist ihr Rand erhellt.

Und mit tausend roten Zipfelmützen weit
Sind die finstren Ebenen flackend überstreut,
Und was unten auf den Straßen wimmelt hin und her
Fegt er in die Feuerhaufen, daß die Flamme brenne mehr

Und die Flammen fressen brennend Wald um Wald,
Gelbe Fledermäuse zackig in das Laub gekralft.
Seine Stange haut er wie ein Köhlerknecht
In die Bäume, daß das Feuer brause recht.

Eine große Stadt versank in gelbem Rauch,
Warf sich lautlos in des Abgrunds Bauch.
Aber riesig über glühnden Trümmern steht
Der in wilde Himmel dreimal seine Fackel dreht.

Über sturmzerfetzter Wolken Widerschein,
In des toten Dunkels kalte Wüstenein,
Daß er mit dem Brande weit die Nacht verdorr,
Pech und Feuer träufet unten auf Gomorrh.

Красные псы пожаров рыщут в ночных полях.
Тысячью диких глоток они поднимают страх.
Черные силы ночи одолевают мир.
Страшным кольцом вулканов обагрена их ширь.

По сумеречной равнине огненные языки
Дрожат без числа и счета, как красные колпаки.
Все, что кишит в закоулках по селам и городам,
Она сгребает в кучу на пищу своим кострам.

Жгучее их пламя жрет за лесами леса.
Желтые летучие мыши взвиваются в небеса.
А она кочергою ворочает, как кочегар,
Чтобы такими поленьями жарче пылал пожар.

Испепеленный город тонет в желтом дыму,
Проваливаясь в бездонную и безголосую тьму.
Над тлеющими руинами стоит она во весь рост,
Трижды вздымая факел до одичалых звезд.

Отсвет его ложится на рваные облака.
Мертвая и холодная, тьма для него низка.
Ночь иссохла от жара, выжженная огнем.
Падают прах и пламя на Гоморру и на Содом.

DIE MORGUE

Die Wärter schleichen auf den Sohlen leise,
Wo durch das Tuch es weiß von Schädeln blinkt.
Wir, Tote, sammeln uns zur letzten Reise
Durch Wüsten weit und Meer und Winterwind.

Wir thronen hoch auf kahlen Katafalken,
Mit schwarzen Lappen garstig überdeckt.
Der Mörtel fällt. Und aus der Decke Balken
Auf uns ein Christus große Hände streckt.

Vorbei ist unsre Zeit. Es ist vollbracht.
Wir sind herunter. Seht, wir sind nun tot.
In weißen. Augen wohnt uns schon die Nacht,
Wir schauen nimmermehr ein Morgenrot.

Tretet zurück von unserer Majestät.
Befäßt uns nicht, die schon das Land erschaun
Im Winter weit, davor ein Schatten steht,
Des schwarze Schulter ragt im Abendgraun.

Ihr, die ihr eingeschrumpft wie Zwerge seid,
Ihr, die ihr runzelig liegt auf unserm Schoß,
Wir wuchsen über euch wie Berge weit
In ewige Todes-Nacht, wie Götter groß.

Mit Kerzen sind wir lächerlich unsteckt,
Wir, die man früh aus dumpfen Winkeln zog
Noch grüszend, unsre Brust schon blau gefleckt,
Die nachts der Totenvogel überflog.

МОРГ

Тихой поступью скользят сторожа
Мимо белеющих сквозь холст черепов.
Мы, мертвецы, сошлись в последний путь —
Сквозь моря, пустыни и зимний вихрь.

Наш престол -- голый катафалк,
На который брошен черный доскут.
Осыпается известка. И с потолка
Длинные руки распростер над нами Христос.

Мы свое отжили. Нам конец.
Мы уже там. Вы видите: мы мертвы.
В белых глазах у нас только ночь.
Нам никогда не увидеть зари.

Отступите пред нашим величием.
Мы не для вас. Уже мы видим вдали
Тот зимний край, над которым тень
Черным плечом вырастает в ночь.

Вы, карлики, скорчившиеся в крюк,
Вы, ютящиеся на нашей груди,
Мы над вами высимся, как гора,
Мы — боги в вечной ночи смертей.

Нам смешны ваши свечи в ряд
Над нами, вытасченными из нор,
Где мы хрипели, испятнаны синевой,
А над нами птицей реяла смерть.

Wir Könige, die man aus Bäumen schnitt,
Aus wirrer Luft im Vogel-Königreich,
Und mancher, der schon tief durch Röhricht glitt,
Ein weißes Tier, mit Augen rund und weich.

Vom Herbst verworfen. Faule Frucht der Jahre,
Zetronnen sommers in der Gossen Loch,
Wir, denen langsam auf dem kahlen Haare
Der Julihitze weiße Spinne kroch.

Wir, Namenlose, arme Unbekannte,
In leeren Kellern starben wir allein.
Was ruft ihr uns, da unser Licht verbrannte,
Was stört ihr unser frohes Stell-Dich-Ein?

Seht den dort, der ein graues Lachen stimmt
Auf dem zerfallnen Munde fröhlich an,
Der auf die Brust die lange Zunge krümmt,
Er lacht euch aus, der große Pelikan.

Er wird euch beißen. Viele Wochen war
Er Gast bei Fischen. Riecht doch wie er stinkt.
Seht, eine Schnecke wohnt ihm noch im Haar,
Die spöttisch euch mit kleinem Fühler winkt.

-- Ein kleines Glöckchen -- . Und sie ziehen aus.
Das Dunkel kriecht herein auf schwarzer Hand.
Wir ruhen einsam nun im weiten Haus,
Unzählige Särge tief an hoher Wand.

Ewige Stille. Und des Lebens Rest
Zerwittert und zerfällt in schwarzer Luft
Des Todes Wind, der unsre Tür verläßt,
Die dunkle Lunge voll vom Staub der Gruft.

Er atmet schwer hinaus, wo Regen rauscht,
Eintönig, fern, Musik in unserm Ohr,

Мы — цари, которых дикарь
В птичьем царстве резал из дубовых стволов.
Когда глубоко в камышах скользил
С круглым и кротким взглядом белый зверь.

Мы — сброшенный осенью вялый плод,
По канаве уплывший в черную дыру.
Мы — те, по чьим ледяным волосам
В летнем зное белый всползал паук.

Мы, неведомые, без имен,
В пустых каморках умирали врозь.
Что вам до того, что погас наш свет?
Что вам до нашего радостного «Явьсь!»

Посмотрите на этого. Черный смех
Лежит на впалых его губах.
Язык его высунулся на грудь.
Он смеется над вами, как пеликан.

Он вас укусит. Он много дней
Был гостем у рыб. Вы чувствуете смрад?
Вы видите: улитка в его волосах
Рожками насмешливо кивает вам?

Звенит колокольчик. И все ушли.
На черные руки напоззает тьма.
Мы теперь одни в просторном доме
В несчетных гробах у высоких стен.

Вечная тишь. Все, что было жизнь,
Распадается в черном воздухе до конца.
Смертный ветер из наших дверей,
Из темных легких, где склепный прах,

Дышит на улицу, где плещет дождь,
Монотонный, дальний, как музыка в ушах,

Das dunkel in die Nacht dem Sturme lauscht,
Der ruft im Hause traurig und sonor.

Und der Verwesung blauer Glorienschein
Entzündet sich auf unserm Angesicht.
Ein Ratte hopst auf nacktem Zehenbein,
Komm nur, wir stören deinen Hunger nicht.

Wir zogen aus, gegürtet wie Giganten,
Ein jeder klirrte wie ein Goliath.
Nun haben wir die Mäuse zu Trabanten,
Und unser Fleisch ward dürrer Maden Pfad.

Wir, Ikariden, die mit weißer Schwinge
Im blauen Sturm des Lichtes einst gebräust,
Wir hörten noch der großen Türme Singen,
Da rücklings wir in schwarzen Tod gesaust.

Im fernen Plan verlornen Himmelslande,
Im Meere weit, wo fern die Woge flog,
Wir flogen stolz in Abendrotes Brande
Mit Segeln groß, die Sturm und Wetter bog.

Was fanden wir im Glanz der Himmelsenden?
Ein leeres Nichts. Nun schlappt uns das Gebein,
Wie einen Pfennig in den leeren Händen
Ein Bettler klappern läßt am Straßenrain.

Was wartet noch der Herr? Das Haus ist voll,
Die Kammern rings der Karawanserei,
Der Markt der Toten, der von Knochen scholl,
Wie Zinken laut hinaus zur Wüstenei.

Was kommt er nicht? Wir haben Tücher an
Und Totenschuhe. Und wir sind gespeist.
Wo ist der Fürst, der wandert uns voran,
Des große Fahne vor dem Zuge reist?

Чутко вслушивающихся сквозь тьму
В зовы бури из гулких стен.

Мерцает тлен
Голубым ореолом вокруг наших лиц.
На голую ногу вскакивает мышь.
Не бойся, мы не помешаем грызть.

Мы шли на бой, как старинные гиганты,
Как Голиафы, гремя железом.
Теперь нам свита — крыса да мышь,
И тощие черви нам гложут плоть.

Мы, Икариды, на белых крыльях
Ринулись в синюю бурю света
И слышали пенье высоких башен,
Даже рушась в гулкую смерть.

В дальний мир потерянного неба,
В морской простор, где плещутся волны,
Мы смело плыли в горящий запад
Под парусами, вздутыми бурей.

И что нашли мы в блеске небес?
Пустое ничто. Только кость о кость
Стучит, как грош о панель из рук
Нищего, стынувшего на углу.

Чего ждешь ты, Господи? Полон дом.
Ждет каравана караван-сарай.
Мертвецкий базар гремит костями,
И шум разносится в даль пустынь.

Почему не приходишь? Каждый из нас
В саване, в босовиках и сыт.
Где наш вождь, чтобы вскинуть стяг
И повести нас в далекий путь?

Wo wird uns seine laute Stimme weben?
In welche Dämmerung geht unser Flug?
Verlassen in der Einsamkeit zu stehen
Vor welcher leeren Himmel Hohn und Trug?

Ruhen wir uns aus im stummen Turm, vergessen?
Werden wir Welle einer Lethe sein?
Oder, daß Sturm uns treibt um Winteressen,
Wie Dohlen reitend auf dem Feuerschein?

Werden wir Blumen sein? Werden wir Vögel werden,
Im Stolze des Blauen, im Zorne der Meere weit?
Werden wir wandern in den tiefen Erden,
Maulwürfe stumm in toter Einsamkeit?

Werden wir in den Locken der Frühe wohnen,
Werden wir blühen im Baum, und schlummern in Frucht,
Oder Libellen blau auf den See-Anemonen
Zittern am Mittag in schweigender Wasser Bucht?

Werden wir sein, wie ein Wort von niemand gehöret?
Oder ein Rauch, der flattert im Abendraum?
Oder ein Weinen, das plötzlich Freudige störet?
Oder ein Leuchter zur Nachts Oder ein Traum?

Oder -- wird niemand kommen?
Und werden wir langsam zerfallen,
In dem Gelächter des Monds,
Der hoch über Wolken saust,
Zerbröckeln, in Nichts,
— Daß ein Kind kann zerballen
Unsere Größe dereinst
In der dürftigen Faust.

Куда нас повеет его призыв?
В какие сумерки взвьется полет?
В новом одиночестве нам застыть
Под насмешливой ложью каких пустот?

Заточат ли нас в глухую тюрьму?
Станем ли мы в Лете новой волной?
Или буря нас выдохнет из зимних труб
Крикливыми галками в закатном огне?

Будем ли цветами? будем ли птицами?
В гордом ли небе? в бурном ли море?
Или в глубоких недрах земли
Будем мы глохнуть одинокими кротоми?

Вплетемся в пряди новой весны?
Зацветем на ветке? задремлем в плоде?
Синими стрекозами над кувшинками
Прострекочем в полдень над тихой заводью?

Станем ли мы словом, никем не слышанным?
Дымом, вьющимся в вечерний простор?
Плачем, тревожащим чью-то радость? Сном ли?
Светочем ли в ночи?

Или — никто не придет,
и рассыплется наше обличье
Под хохот синего месяца,
гудящего в облаках?
И распадемся в ничто,
и наше бывшее величье
Скомкает малютка
в бессильных своих кулачках?

DIE SEEFAHRER

Die Stirnen der Länder, rot und edel wie Kronen
Sahen wir schwinden dahin im versinkenden Tag
Und die rauschenden Kränze der Wälder thronen
Unter des Feuers dröhnendem Flügelschlag.

Die zerflackenden Bäume mit Trauer zu schwärzen,
Brauste ein Sturm. Sie verbrannten, wie Blut,
Untergehend, schon fern. Wie über sterbenden Herzen
Einmal noch hebt sich der Liebe verlodernde Glut.

Aber wir trieben dahin, hinaus in den Abend der Meere,
Unsere Hände brannten wie Kerzen an.
Und wir sahen die Adern darin, und das schwere
Blut vor der Sonne, das dumpf in den Fingern zerrann.

Nacht begann. Einer weinte im Dunkel. Wir schwammen
Trostlos mit schrägem Segel ins Weite hinaus.
Aber wir standen am Borde im Schweigen beisammen
In das Finstre zu starren. Und das Licht ging uns aus.

Eine Wolke nur stand in den Weiten noch lange,
Ehe die Nacht begann, in dem ewigen Raum
Purpurn schwebend im All, wie mit schönem Gesänge
Über den klingenden Gründen der Seele ein Traum.

МОРЕПЛАВАТЕЛИ

Лбы берегов, как короны из красного золота,
Таяли на глазах, исчезая в отходящий день,
А на них шумели царственные дубравы
Под гудящими ударами огненных крыл.

Чтоб в черное горе одеть расколотые деревья,
Грянула буря. Они сторели, как кровь,
Скрывшись вдали. Так над предсмертным сердцем
Сжигающая любовь в последний взвивается раз.

Мы плыли вперед, вперед, в морские закаты,
Наши руки горели, как свечи горят,
И мы видели насквозь их жилы с тяжкою солнечной
Кровью, глухо гудящей от сердца к ногтям.

Наступила ночь. Кто-то плакал во мраке. Мы плыли,
Безутешные, под косыми парусами вдаль.
Мы стояли у борта плечом к плечу и молчали,
Вперяясь во тьму. Но свет уходил из глаз.

Только одно висело дальнее облако
В вечном пространстве, пока не настала ночь,
Красное в черном мире, — так над зреющей глубиью
Нашей души встает дивным напевом сон.

DER GARTEN DER IRREN

Am roten Teiche stehen viele Schatten
Bei dünner Bäume schwächlichem Gesichte,
In Stille fort. Nur selten daß sich einer
Herunter zu dem trüben Wasser bückt.

Und manche gehn in den entleerten Hecken
In kühlen Gängen, die schon voller Lichte,
Und schleifen mit den Füßen in dem Laube,
Und sitzen wieder sanft in den Verstecken.

Der Strom ist weit hinab im blanken Scheine
Bei Erlen und den krumm gebornen Weiden
Und wer mit leichtem Kahn ihn überbrückt,
Er wird im Licht die gelben Blumen pflücken.

СУМАСШЕДШИЙ САД

Над ржавым прудом в долгом затишье
Под тощими изнемогшими деревьями
Застыли тени. Лишь изредка кто-то
Дугой согнется над мутной водой.

Другие идут по пустым дорожкам
Меж прозрачных кустов, к светлой прохладе,
И скользят подошвами по мягким листьям,
И опять присаживаются в укромном углу.

В бледном блеске убегает речка
Под ольхой и криворожденной ивой.
Кто переплывет ее в легкой лодке,
Будет рвать под солнцем желтые цветы.

ALLE LANDSCHAFTEN HABEN

Alle Landschaften haben
Sich mit Blau gefüllt.
Alle Büsche und Bäume des Stromes,
Der weit in den Norden schwillt.

Blaue Länder der Wolken,
Weiße Segel dicht,
Die Gestade des Himmels in Fernen
Zergehen in Wind und Licht.

Wenn die Abende sinken
Und wir schlafen ein,
Gehen die Träume, die schönen,
Mit leichten Füßen herein.

Zymbeln lassen sie Hingen
In den Händen licht.
Manche flüstern, und halten
Kerzen vor ihr Gesicht.

ВСЮДУ, КУДА НИ ВЗГЛЯНЕШЬ

Всюду, куда ни взглянешь, —
Глубокая синева.
Над рекою, льющейся к северу,
Склоняются деревья.

По синему небу парусом
Облако облаку вслед.
Дальний край небосклона
Истаял в ветер и свет.

А когда наступает вечер
И наплывает сон,
Скользят легконогие светлые
Виденья со всех сторон.

Проходят, с неслышным звоном
Кимвалами лепеча,
И перед лицом у шепчущих
В ладонях горит свеча.

MOND

Den blutrot dort der Horizont gebiert,
Der aus der Hölle großen Schlünden steigt,
Sein Purpurhaupt mit Wolken schwarz verziert,
Wie um der Götter Stirn Akanthus schweigt.

Er setzt den großen goldnen Fuß voran
Und spannt die breite Brust wie ein Athlet,
Und wie ein Partherfürst zieht er bergan,
Der Schläfe goldenes Gelock umweht.

Hoch über Sardes und der schwarzen Nacht,
Auf Silbertürmen und der Zinnen Meer,
Wo mit Posaunen schon der Wächter wacht,
Der ruft vom Pontos bald den Morgen her.

Zu seinem Fuße schlummert Asia weit,
Ein blauer Schatten, unterm Ararat
Des Schneehaupt schimmert durch die Einsamkeit,
Bis wo Arabia in das weiche Bad.

Der Meere mit den weißen Füßen steigt,
Und fern im Süden, wie ein großer Schwan,
Sein Haupt der Sirius auf die Wasser neigt
Und singend schwimmt hinab den Ozean.

Mit großen Brücken, blau wie blanker Stahl,
Mit Mauern weiß wie Marmor ruhet aus
Die große Ninive im schwarzen Tal,
Nur wenig Fackeln werfen noch hinaus.

МЕСЯЦ

Он, рожденный в крови на небосклоне,
Он, встающий из адовых глубин, —
В черных тучах багровая голова:
Так безмолвен аканф над ликом божеским.

Он заносит большую золотую
Ногу, расправляет грудь, как атлет,
И восходит ввысь, как парфянский князь,
Овеваемый золотыми кудрями.

Ввысь над Сардами и над черной ночью,
Над оловом моря, над серебром
Башен, где ждет уже трубный сторож
Выкликнуть из-за Понта белый рассвет.

Широка у ног его дремлет Азия
Синей тенью от Арарата,
Снежным светом пронзившего одиночество,
И до горячей красноморской купели,

Где Аравия омывает белые
Ноги, и еще южнее того —
Где вздымает Сириус лебединую
С песней голову, оплывая океан.

Синие, как обнаженная сталь,
Мосты; белые, как из мрамора, стены, —
Это спит в черном доле Ниневия,
Лишь немногими рассевая факелами

Ihr Licht, wie Speere weit, wo dunkel braust
Der Euphrat, der sein Haupt in Wüsten taucht.
Die Große ruht, um ihre Stirne saust
Ein Schwärm von Träumen, die vom Wein noch raucht.

Hoch auf der Kuppel, auf dem dunklen Strom
Belauscht allein der bösen Sterne Bahn
In weißem Faltenkleid ein Astronom,
Der neigt sein Szepter dem Aldebaran

Der mit dem Monde kämpft um weißern Glanz,
Wo ewig strahlt die Nacht, und ferne stehn
Am Wüstenrand, im blauen Lichte ganz
Einsame Brunnen, und im Winde wehn.

Ölwälder fern um leere Tempel lind,
Ein See von Silber, und in schmaler Schlucht
Uralter Berge tief im Grunde rinnt
Ein Wasser sanft um dunkler Ulmen Bucht.

Свет, как стрелы, над бурлящим во тьме
Скрывшим голову в пустыне Евфратом.
Спит великая, и дышат вином
Ее сны, роем вьющиеся над слящей.

Лишь один, встав на куполе над потоком,
Созерцает пути недобрых звезд
В белой складчатой мантии звездочет,
Наклоня свой жезл к Альдебарану,

Белым блеском спорящему с месяцем
Там, где вечно лучится ночь, и вечно
В синем свете над пустынной окраиной
Одиноки колодцы, и колеблются

В ветре роши маслин вокруг праздных храмов,
Как серебряные озера, а в ущельях
Довременных гор глубоко
Льется нежная влага меж темных вязов...

* * *

Verständig bewegt er sich die Richter nach
7-8 Jahren zum großen Ende hin,
Im Zentrum der Welt in der Hölle
In einer Gasse zwischen Himmel und Erde.

Alle Tiere sind im Wald und im Gebirge
Lange mit Hirschen und Gänzen,
Nagel aus Stahl-Stein, aber die Welt
Nur in dem Himmel zu finden.

Mein Herz wandert zu
Einer Jagd in einem Wald,
Eine große Welt ist
Wieder einmal da.

Дарымакың, аманат берген,
Келген, ан урпагың даң урпагың —
Келең, к өлбөгөн өлбөгөн келген
Де керемет тері қанат қалмаған.

Дай өлеу біз бізді ізіміз к өлбөгөн
Аманат к өлбөгөн аманат күнделі
Де қанат қалмаған өлбөгөн, а кері
Бірақ қызығуың аманат аң урпағы.

Негізінде қызығуың берген
Өлбөгөн аманат аманат
Берген, а кері, керемет, а кері
Өлбөгөн аманат, керемет а кері.

MIT DEM FAJENHÖRNER BRÄUEREI

Mit der Dampfer Schiffe
Sind wir hochgegangen,
Die wir sehr heissen
Durch glühende Wasser gehen
Fasset keine wir nicht
Und immer im hellen Meer,
Wir sind die Zeit um geben,
Und immer wir schiffen und her.

Sagt die Welt,
Wir sind nicht mit in der,
Gang über die Meeres,
Die der Lufte sich nicht?
Lass die schiffen nicht
Das schiffen nicht
Nicht, wir, wir sind die Welt,
Ach, nicht die Fremde Welt.

Mit der Welt ist nicht,
In der Welt nicht,
Was die Welt nicht ist,
Die, wir, nicht die Welt,
Und wir sind die Welt,
Nicht die Welt nicht,
Und wir sind die Welt.

Nicht die Welt
Nicht die Welt

ПЛАНЪТЪТЪ НА ПЪРВОТО

Илюзията е толкова
малка, колкото илюзията.
Мака не е илюзията
въпреки всичко това.
В края на краищата
не е толкова в нея,
Мака не е илюзията
и така, така, така.

Като че ли това е
като че ли това е
Това е така, така,
като че ли това е
Самата илюзията
като че ли това е
Мака не е илюзията
като че ли това е

Илюзията е толкова
малка, колкото илюзията
Мака не е илюзията
въпреки всичко това.
В края на краищата
не е толкова в нея,
Мака не е илюзията
и така, така, така.

Илюзията е толкова
малка, колкото илюзията
Мака не е илюзията
въпреки всичко това.

Und die Welt ist Gesetz
Denn die Welt ist Land,
Aber die Welt ist Meer;
Der Welt ist kein Gesetz,
Und keine an einem Schicksal
Die Welt von Gott und from.

Manchmal ist der Mensch,
Die in die Welt kommen,
Denn auch, die in der
Welt die Welt ist nicht;
Aber die Welt kommen,
Und keine Welt ist nicht.
Gibt es die Welt,
Gibt es die Welt.

Дни рванулись в стужу
над зарплатой вояк.
Д. конформист, вояка,
доты, доты, доты в войну,
Судья и доты доты
доты доты.

Кирова /доты доты
в доты доты.
Мирная доты доты
доты доты доты.
Все, что было в доты
доты доты доты.
На доты доты доты,
на доты доты доты.

DER KAMMERTIERER

Mit dem ungeheuren Schiffe fahren wir quer durch
in der Schäre auf der Berg und brennender Heide Röhren.
"Gottsel" Tragen keine Linsen von Werra her,
Danket die Schiffe schwingen den Pomeraner.

Die Gärten der Klause aus offener Heide gelb,
Daher sich unter der Sonne die
Lied die stehende Feste zeigen, in gelbener Lied
die Menschen zeigen über die Werra von.

Graben nicht kommen. Und die der alle unter im Wald
Mit dem Edele, und niemand der Weg von unten.
Lied die stehende alle waren wie Werra her.
Werra her zeigen über den Zaun alle gut.

Zehntausend Jahre getrennt in Schenke
Lied und alle Werra von unten.
Werra her zeigen über die Klause her,
Pomeraner zeigen über den Wald.

МРОСЖЕСТРОДА

Тыя муруны аяк кемисти аяк
К сөрөгөнү кыргыздын кыргызын кыргыздын сөрөгөнү
Кыргыздын аякын кыргыздын аякын
Кыргыздын аякын кыргыздын аякын

Тыя муруны кыргыздын аякын
Кыргыздын аякын кыргыздын аякын
Кыргыздын аякын кыргыздын аякын

Тыя муруны кыргыздын аякын
Кыргыздын аякын кыргыздын аякын
Кыргыздын аякын кыргыздын аякын

Кыргыздын аякын кыргыздын аякын
Кыргыздын аякын кыргыздын аякын
Кыргыздын аякын кыргыздын аякын

DIE WAGLÄNDER

Ab zum Meer, und wemder es nicht liebt:
Nimm als Duosel. - Wo geht's, Schatz?
Tut's Gatte mit Bruch in der Menge?
Denn die Sonne die ganze Zeit.

Wie man gehen kann. Und kann doch
Mittler. Vorweg im 21. und 21. es
Wird. Nimmten und Nimmten. In der
Karte von einem 21. im 11. im 11.

Über den 11. des 11. und 11. im 11.
Vorwärts. Und die 11. im 11. im 11.
Und hat in der 11. der 11. im 11. im 11.
Schick. Und die 11. im 11. im 11.

ЗАМЕР

В нас восточный восток, восточный восток,
Нужно нам увидеть вас, как восточный восток,
И восточный восток, восточный восток,
А восток наш восток восток.

Нам восток и восток, восточный восток,
Восток не восток, не восток,
Он восток наш восток восток,
Восток и восток, наш восток восток.

Мы восток, восток и восток,
Восток наш восток восток восток,
А восток, восток и восток восток,
Счастлив восток наш восток восток.

THE MYSTERY

Der Beschuldigte hätte selbige Summe
zu einem großen, aus Kaminsteinen
aus Holz geformt, und hier die letzten
Wörter vor große Worte gesetzt.

Einmal einander, nach demselben
Ist nicht leicht, aber die Worte
Ist große Gedanken, welche die große
Gedanken von Menschen, ist ein

Zwei können nicht so gut als
Denn nicht, sondern es ist nicht
Mit ihm nicht, und die große
Denn es ist nicht, ist nicht

Wir wissen, was sagt, doch die Fall nicht
Die nun mit Menschen nicht
Und diese nun keine Absicht
Und diesen jetzt die gemeinsame Antwort.

ВЕРИЖА

Давно, давно, в далеком прошлом
Возвращался к вечеру, Сабантуй тор.
Летели в восторг, во восторг они выжили
Полный восторг-восторг-восторг.

Никто не предвидел этого,
Кругом восторг-восторг-восторг —
И восторг-восторг с восторгом-восторгом,
По восторгу-восторгу-восторгу-восторгу.

Путем-путем в восторге-восторге,
А в восторге-восторге-восторге-восторге —
Как в восторге, но восторгом-восторгом,
И, восторгом-восторгом-восторгом-восторгом.

Мы в восторге-восторге-восторге, но восторге-восторге
Восторгом-восторгом-восторгом-восторгом,
А восторге-восторге-восторгом-восторгом,
Счастливым-восторгом-восторгом-восторгом.

DAS TRAUER WEISS GEDL.
Aus W. de. jenseits v. d. See.

Ich bin in Nöthen das größte Leid
Ist mir die Muth, und weis ich denn von,
In jedem Gedenken heppig, das nicht die Zeit
Complet. Man. Jörg. D. 1848.

Ich bin ich mit dem Tode in,
Die erste Zeit bei der Zeit in der Zeit,
Die erste Zeit und nicht die Zeit von der
Die erste Zeit bei der Zeit in der Zeit.

Die erste Zeit bei der Zeit in der Zeit,
Die erste Zeit bei der Zeit in der Zeit,
Die erste Zeit bei der Zeit in der Zeit,
Die erste Zeit bei der Zeit in der Zeit.

Die erste Zeit bei der Zeit in der Zeit,
Die erste Zeit bei der Zeit in der Zeit,
Die erste Zeit bei der Zeit in der Zeit,
Die erste Zeit bei der Zeit in der Zeit.

Die erste Zeit bei der Zeit in der Zeit,
Die erste Zeit bei der Zeit in der Zeit,
Die erste Zeit bei der Zeit in der Zeit,
Die erste Zeit bei der Zeit in der Zeit.

Die erste Zeit bei der Zeit in der Zeit,
Die erste Zeit bei der Zeit in der Zeit,
Die erste Zeit bei der Zeit in der Zeit,
Die erste Zeit bei der Zeit in der Zeit.

ТРИНАДЦАТЫЙ

«Во, добрых, что рождают на черной...»

В разный мир, один в разном,
Во ту разную, один в разном,
В один, один в разном,
В разном, один в разном.

«Во, добрых, что рождают на черной...»
Тот, тот, тот, тот, тот, тот,
Очень, очень, — Во, добрых,
Много, много, — Во, добрых, тот.

В разном, во разном, разном, тот,
Во разном, разном, тот,
В разном, разном, тот,
В разном, разном, тот.

В разном, разном, тот,
В разном, разном, тот,
В разном, разном, тот,
В разном, разном, тот.

В разном, разном, тот,
В разном, разном, тот,
В разном, разном, тот,
В разном, разном, тот.

В разном, разном, тот,
В разном, разном, тот,
В разном, разном, тот,
В разном, разном, тот.

Asche war auf der Völker Haupt gestreut,
Zertrübt verflog ihr hären Kleid wie Rauch.
So saßen sie wie kleine Kinder nachts
In tauber Angst auf meinem großen Bauch.

Ich bin der Leib voll ausgehöhlter Qual.
In meinen Achseln rotes Feuer hängt.
Ich bäume mich, und schreie manchmal laut,
In schwarzer Himmel Grabe ausgerenkt.

Осыпался пепел на лбы людей.
Вихрь срывал лохмотья, как дым.
А они, как младенцы в ночной тоске,
Зарывались в складки на брюхе моем.

Я — чрево, полное отборных мук.
У меня в подмышках рыжий огонь.
Я упираюсь, и я кричу,
Ибо в черном небе — могила моя.

DIE IRREN I, II und III / VARIATION

I

Papierne Kronen zieren sie. Sie tragen
Holzstöcke aufrecht auf den spitzen Knien.
Und ihre langen, weißen Hemden schlagen
Um ihren Bauch wie Königshermelin.

Ein Volk von Christussen, das leise schwebt
Wie große Schmetterlinge durch die Gänge,
Und das wie große Lilien rankt und klebt
Um ihres Käfigs schmerzliches Gestänge.

Der Abend tritt herein mit roten Sohlen,
Zwei Lichtern gleich entbrennt sein goldner Bart.
In dunklen Winkeln hocken sie verstohlen
Wie Kinder einst, in Dämmerung geschart.

Er leuchtet tief hinein in alle Ecken,
Aus allen Zellen grüßt ihn Lachen froh,
Wenn sie die roten, feisten Zungen blecken
Hinauf zu ihm aus ihres Lagers Stroh.

Dann kriechen sie wie Mäuse eng zusammen
Und schlafen unter leisem Singen ein.
Des fernen Abendrotes rote Flammen
Verglühen sanft auf ihrer Schläfen Pein.

Auf ihrem Schlummer kreist der blaue Mond,
Der langsam durch die stillen Säle fliegt.
Ihr Mund ist schmal, darauf ein Lächeln thront,
Das sich, wie Lotos weiß, im Schatten wiegt.

ПОМЕШАННЫЕ I, II и III / ВАРИАЦИЯ

I

Бумажные венцы на лбах. Деревянные
Скипетры над коленями — прямо вверх.
Длинные белые рубахи на брюхе
Плещутся, как царственный горностаи.

Это племя христосиков. Как большие
Мотыльки, они шелестят в коридорах,
Как большие лилии, обвивают
Они прутья клеток, в которых больно.

Когда сходит вечер на красных подошвах,
С золотой бородою, как две свечи,
Они, как в детстве, сумеречною стаею
Скорчась, прячутся в темные уголки.

Закат высвечивает все щели,
И ему отовсюду улыбка и привет,
И с соломенных подстилок лижут они красными
Жирными языками последний блеск.

А потом, как мыши, сползшись бок о бок,
Засыпают вместе под тихий напев,
И красное пламя, догорая в небе,
Мягким жаром касается болящих лбов.

В медленном полете по тихим палатам
Синий месяц скользит по их дремотам,
И на узеньких губах, словно белый лотос,
Царит улыбка, прячась в тени,

Bis leise Stimmen tief im Dunkel singen
Vor ihrer Herzen Purpur-Baldachin,
Und aus dem Äthermeer auf roten Schwingen
Träume, wie Sonnen groß, ihr Blut durchziehn.

II

Der Tod zeigt seine weiße Leichenhaut
Vor ihrer Kerkerfenster Arsenal.
Das schwarze Dunkel schleicht in trübem Laut
Geborstner Flöten durch der Nächte Qual.

Und weiße Hände strecken sich und klingen
Aus langen Ärmeln in der Säle Tor.
Um ihre Häupter wehen schwarze Schwingen,
Rauchende Fackeln wie ein Trauerflor.

Bebändert stürzt ein Mar durch ihre Betten,
Der ihre Köpfe schlagend, sie erschreckt.
Wie gelbe Schlangen auf verrufenen Stätten,
So wiegt ihr fahles Haupt, von Nacht bedeckt.

Ein Schrei. Ein Paukenschall. Ein wildes Brüllen,
Des Echo dumpf in dunkler Nacht verlischt.
Gespenster sitzen um sie her und knüllen
Den Hals wie Stroh. Ihr weißer Atem zischt.

Ihr Haar wird bleich, und feucht vor kaltem Grauen.
Sie fühlen Hammerschlag in ihrer Stirn,
Und große Nägel spitz in Geierklauen,
Die langsam treiben tief in ihr Gehirn.

III / Variation

Ein Königreich. Provinzen roter Wiesen.
Ein Wärter, eine Peitsche, eine Kette.

Пока не смолкают тихие песни
Пред царскими балдахинами их сердец,
И на красных крыльях из эфирного моря
Большие, как солнца, в них тают сны.

II

Вот трупной белизной замерцала Смерть
Перед их решетчатыми оконцами.
Вот в ночные вкрадывается муки
Черный мрак, горький звук надтреснутых флейт.

Вот протягиваются в палаты, полязгивая,
Белые руки из длинных рукавов.
Веют черные крылья над безумцами.
Дымный факел — как надгробный покров.

В их постели набегает кошмар,
Бьет им в череп, и головы их в испуге,
И качаются на шеях в ночи,
Как в заклятом месте желтые змеи.

Вскрик. И медный лязг. И дикий рев,
И во тьме замирают отголоски.
Это призраки скручивают им шеи,
Как солому. Шипит дыханье в горлах.

Выцветают волосы, влажные
От холодного ужаса. Бьет во лбу
Молот, а острёные коршуны
Когти медленно впиваются в мозг.

III / Вариация

Королевство. Области красных полей.
Цепи, плети, охранники.

So klappern wir in Nessel, Dorn und Klette
Durch wilder Himmel schreckliche Devisen.

Die uns bedrohn mit den gezackten Flammen,
Mit großer Hieroglyphen roter Schrift.
Und unsrer Schlangennadern blaues Gift
Zieht krampfhaft sich in unserm Kopf zusammen.

Daß tausend Disteln unsere Beine schlagen,
Daß manchen Regenwürmchens Köpfchen knackt,
Zu unseres wilden Volks Bacchanten-Takt,
Wir hören's ferne nur in unsere Klagen.

Ein gläsern leichter Fuß ward uns gegeben,
Und Scharlachflügel wächst aus unserm Rücken.
So tanzen wir zum Krach der Scherben-Stücken,
Durch lauter Unrat feierlich zu schweben.

Welch göttlich schönes Spiel. Ein Meer von Feuer.
Der ganze Himmel brennt. Wir sind allein,
Halbgötter wir. Und unser haarig Bein
Springt nackt auf altem Steine im Gemäuer.

Verfallner Ort, versunken tief im Schutte,
Wo wie ein Königshaupt der Ginster schwankt,
Des goldner Arm nach unsern Knöcheln langt
Und lüstern fährt herauf in unsrer Kutte.

Wo eine alte Weide, dürr und stumm,
Mit Talismanen ihren Bauch behängt,
Vor unsrer Göttlichkeit die Arme senkt,
Und uns beschielt mit Augen, weiß und krumm.

Aus ihrem Loch springt eine alte Maus,
Verrückt wie wir. Ein goldner Schnabel blinkt
Am Himmelsrand. Ein leises Lied erklingt,
Ein Schwan zieht in das Feuer uns voraus.

Здесь шуршим мы в крапиве, в репьях, в терновнике
Сквозь пугающие знаки диких небес,

Сквозь гигантские красные иероглифы,
Огненными зубьями целящиеся в нас, ---
И синяя отрава по сети жил
Судорожно вскрадывается в наши головы.

Наш неистов вакханский пляс,
И что ноги наши в тысячах терний,
И что давят они крошечных червячков,
Мы лишь издали слышим в собственных жалобах.

Наши легкие ноги — из стекла,
Наши плечи — под багряными крыльями,
А когда стекло разобьется вдрызг,
Мы плывем над его звонкими осколками.

О божественные игры! Море огня.
Небо в пламени. Мы — одинокие
Полубоги. И наши волосатые
Ноги попирают камни руин.

Забвенный край, утонувший в мусоре,
Где лишь царскими лбами качается дрок,
Нас хватая за ноги золотой рукой
И блудливо всползая под наши мантии;

Где лишь древний луг, сухой и немой,
Испестривший себе грудь талисманами,
Белыми глазами косит на нас,
Сложив руки перед нашей божественностью.

Из норы выскакивает старая мышь,
Тоже сумасшедшая. Небосклон
Золотым блещет клювом. С тихой песнею
Перед нами лебедь летит в огонь.

O süßer Sterbeton, den wir geschlürft.
Breitschwüingig flattert er im goldnen West,
Wo hoher Pappeln zitterndes Geäst
Auf unsere Stirnen Gitterschatten wirft.

Die Sonne sinkt auf dunkelroter Bahn,
In einer Wetterwolke klemmt sie fest.
Macht schnell und reißt aus seinem schwarzen Nest
Mit Zangen aus den goldnen Wolken-Zahn.

Hui. Er ist fort. Der dunkle Himmel sinkt
Voll Zorn herab in einen schwarzen Teich,
Des Abgrund droht, mit fahlen Wolken bleich,
Unheimlich, eine Nacht, die Unheil bringt.

Und eine Leiche wohnt im tiefen Grund,
Um die ein Aale-Volk geschmeidig hüpf.
Uralt, ein Fisch, der ein zum Ohre schlüpft
Und wieder ausfährt aus dem offenen Mund.

Ein Unke raft. Ein blauer Wiedehopf
Meckert wie eine Ziege in dem Sumpf. —
Was werden eure Stirnen klein und dumpf,
Was sträubt sich euch der graue Narren-Schopf?

Ihr wollet Fürsten sein? Ich sehe Bestien nur,
Die weit die Nacht erschrecken mit Gebell.
Was flieht ihr mich? Die Arme flattern schnell,
Wie Gänsen an dem Messer der Tortur.

Ich bin allein im stummen Wetterland,
Ich, der Jerusalem vom Kreuz geschaut,
Jesus dereinst. Der nun den Brotranft kaut,
Den er im Staub verlornen Winkel fand.

Мы объелись тобой, сладкая смертная
Песнь, раскинувшая крылья на золоте
Запада, где дрожкие ветви тополей
Нам на лбы бросают тени решеток.

Темно-красной дорогой сходит солнце,
Застревая в суровой туче.
Поскорее: вырви щипцами
Золотой этот зуб из черной десны!

Уф. Готово. Темное небо
Гневно тонет в черном пруду,
В чьей пучине, выbleкшей облаками,
Копит грозы неприветная ночь,

А на дне его — голый мертвец, как древняя
Рыба, и стаю верткие угри
То юркнув в ухо,
То опять выплывают из челюстей.

Жаба квакает. Синий удод
Блеет, как увязшая в болоте коза.
Отчего такие узкие ваши лбы
И хохлы ваши встали дурацким дыбом?

Вы цари, по-вашему? Вы только псы,
Даль ночную запугивающие лаем.
Отчего вы бежите от меня? А бедные
Уж дрожат мелкой дрожью, как гуси под ножом.

Я один в краю глухой непогоды,
Я, с креста глядевший на Иерусалим,
Бывший Иисус. А теперь он гложет
Пыльную горбушку из глухого угла.

VERFLUCHUNG DER STÄDTE V

Ihr seid verflucht. Doch eure Süße blüht
Wie eines herben Kusses dunkle Frucht,
Wenn Abend warm um eure Türme sprüht,
Und weit hinab der langen Gassen Flucht.

Dann zittern alle Glocken allzumal
In ihrem Dach, wie Sonnenblumen welk.
Und weit wie Kreuze wächst in goldner Qual
Der hohen Galgen düsteres Gebälk.

Die Toten schaukeln zu den Glockenklängen
Im Wind, der ihre schwarzen Leichen schwenkt,
Wie Fledermäuse, die im Baume hängen,
Die Toten, die der Abend übersengt.

Und wie ein Meer von Flammen ragt die Stadt
Wo noch der West wie rotes Eisen glänzt,
In den die Sonne, wie ein Stierhaupt glatt,
Die Hörner streckt, die dunkles Blut bekränzt.

ПРОКЛЯТЬЕ ГОРОДОВ V

Вы прокляты — но цветет в вас сладость,
Как терпкого поцелуя стемневший плод,
Когда теплый вечер обрызнет золотом
Ваши башни, а улицы разбегаются вниз.

В этот час увядшие, как подсолнечники,
Под куполами дрожат колокола,
И как крест за крестом, на золоте мук
Тощими скелетами высятся виселицы.

Мертвецы их
Зыблются ветром в лад колоколам,
Как летучие мыши, обвисшие в сучьях,
Опалемые закатом, — мертвецы.

И безумствует город, как море пламени,
И каленым железом алеет запад,
А в него бычьим лбом устало солнце
Темной кровью увенчанные рога.

DIE NACHT

Alle Flammen starben in Nacht auf den Stufen.
Alle Kränze verwehten. Und unten im Blute verloren
Seufzte das Grauen. Wie hinter Gestorbener Toren
Manchmal es fern noch hallt von dunkelen Rufen.

Eine Fackel noch oben bog aus den Gängen,
Lief im Chor. Und versank wie das Haar der Dämonen
Rot und rauchend. Doch draußen der Waldung Kronen
Wuchsen im Sturm und zerrten sich in die Länge.

Und in Wolken hoch kamen mit wilden Gesängen
Weiß die Greise der Stürme, und riesige Vögel scheuchten
Über den Himmel hinab, wie Schüfe mit feuchten
Segeln, die schwer auf den Wogen hängen.

Aber die Blitze zerrissen mit wilden und roten
Augen die Nacht, die Öde der Säle zu hellen,
Und in den Spiegeln standen mit Köpfen, den grellen,
Drohend herauf mit schwarzen Händen die Toten.

Bleibe bei mir. Daß unsere Herzen nicht stocken
Wenn die Türen sich auftun ins Finstere leise
Und in der Stille es steht. — Und sein Atem von Eise
Unsere Adern verdorrt und die Seelen macht trocken.

Daß sie dünn wie ein Hauch aus der Tiefe sich, lösen,
Flattern hinaus in die Nacht und sinken und fallen
Dürr wie die Blätter, die traurig am Boden wallen
Schlürfend ins Leere dahin, im Winde dem bösen.

Wenn der Donner Gelächter im Dunkel verhallen.

НОЧЬ

Умерли все огни в небесах, за пламенем пламя
Все облетели венки. Утопая в крови, из бездны
Ужас дохнул. И только, словно из врат преисподней,
Издали вновь и вновь доносятся темные зовы.

Сверху нагнулся факел, перебежал по хорам
И погас, свисая, как чертовы волосы, темно-
красный и дымный. А снаружи деревья в буре
Вырастали ввысь и тряслись от кроны до корня.

А в облаках проносились, распевая дикие песни,
Белые старцы бури, и в страхе исполинские птицы
Падали с неба, как корабли с сырыми
Парусами, тяжело нависающими над валами.

Молнии разорвали диким и красным взором
Ночь, чтобы осветить простор бесконечных залов,
Где в зеркалах стояли яркие лики мертвых,
С угрозою к небесам тянувших черные руки.

Побудь со мною. Пусть наши сердца не дрогнут,
Когда сквозь тишь неслышно раскроются двери
И нагрянет мрак. И в его железном дыханье
Наши жилы застынут и наши иссохнут души,

И взвеются из глубин, легкие, как дуновенье,
И протрепещут в ночь, и осыплются, как сухие
Листья, скорбно кружащиеся под злобным
Ветром, всасываясь в глотающую пустоту,

Когда во тьме отхохочет гром.

DIE SOMNAMBULEN

Schon braust die Mitternacht. Mit langem Haar
In weiße Tücher feierlich gehüllt
Zieht schwankend auf der Somnambulen Schar,
Wie Rauch so weiß, der weit den Himmel füllt.

Aus allen Dächern steigen sie herauf,
Irrlichtern gleich auf einem schwarzen Sumpf.
Sie tanzen auf der Wetterfahnen Knauf,
Mit irren Lächeln fröhlichem Triumph.

Sie schlagen Zimbeln in der leichten Hand
Und irren singend in der grünen Luft.
Vor ihren Brüsten zittert ihr Gewand,
Die wild den Mond berauschen, süß, voll Duft.

Sie kitzeln ihn mit ihren zarten Händen
Und zwicken leicht ihn in das gelbe Ohr.
Sie wiegen sich in ihren magern Lenden
Im Tanzschritt hin, ein weißer Trauerchor.

Sie fliegen durch die Nacht wie Wolken leise
Hoch über spitzer Berge blauem Grat
Hinauf zu ihm auf ihrer leichten Reise
Zu einem Wiegenlied an Abgrunds Pfad.

Der Mond umfängt sie sanft mit Spinnenarm.
Ihr Haupt wird von dem Kusse weiß gemalt.
Sie ruhn an ihres Bräutigams Herzen warm,
Der tief durch ihre dünne Rippe strahlt.

СОМНАМБУЛЫ

Зыблется полночь. Длинноволосые,
Празднично закутанные в белое полотно,
Всходят, покачиваясь, сонмы сомнамбул,
Как белый дым, всплывающий к небесам.

Они мелькают на каждой крыше,
Как болотные мерцающие огни.
Они танцуют на торчащем флюгере,
Дурацким смехом справляя свой триумф.

Они легкой ладонью звенят в кимвалы,
Наполняя пеньем зеленый воздух.
На груди их трепещет душное, сладкое
Полотно, опьяняя месяц в небесах.

Они нежно его щекочут,
Они треплют его желтое ухо,
Они вскидывают шаткие ноги,
Ведя белый траурный хоровод.

Они тихо, как облака,
Мчатся ввысь над синими горными
Кручами, по тропам над бездной
К колыбельной песенке в вышине.

Месяц нежно окутывает их пряжею,
Месяц добела целует их в лоб,
И тепло им, возлегшим на сердце жениха их,
Которое светится сквозь их тощие ребра.

DIE STADT

Sehr weit ist diese Nacht. Und Wolkenschein
Zerreiet vor des Mondes Untergang.
Und tausend Fenster stehn die Nacht entlang
Und blinzeln mit den Lidern, rot und klein.

Wie Aderwerk gehn Straen durch die Stadt,
Unzhlig Menschen schwemmen aus und ein.
Und ewig stumpfer Ton von stumpfem Sein
Eintnig kommt heraus in Stille matt.

Gebren, Tod, gewirktes Einerlei,
Lallen der Wehen, langer Sterbeschrei,
Im blinden Wechsel geht es dumpf vorbei.

Und Schein und Feuer, Fackeln rot und Brand,
Die drohn im Weiten mit gezckter Hand
Und scheinen hoch von dunkler Wolkenwand.

ГОРОД

Ночь широка. Сияние облаков
Разорвано лунным западом.
Тысячи окон вытянулись во тьму,
Мигая крошечными красными веками.

Улицы, как жилы, пронизали город.
Наплывает и уплывает несчетный люд.
Монотонно гудят из блеклого затишья
Тупые звуки тупого бытия.

Рожденье, смерть, насильное однообразие,
Шелест ветра, долгий предсмертный крик —
Тупо, слепо, мимо и мимо, —

И блеск, и пламя, и факелы, и пожар,
Издали вскинувшие грозную длань
Высоко над облачной пеленою.

HALBER SCHLAF

Die Finsternis raschelt wie ein Gewand,
Die Bäume torkeln am Himmelsrand.

Rette dich in das Herz der Nacht,
Grabe dich schnell in das Dunkele ein,
Wie in Waben. Mache dich klein,
Steige aus deinem Bette.

Etwas will über die Brücken,
Es scharret mit Hufen krumm,
Die Sterne erschrecken so weiß.

Und der Mond wie ein Greis
Watschelt oben herum
Mit dem höckrigen Rücken.

ПОЛУСОН

Мрак шелестит, как плащ.
Зыблются деревья на кромке неба.

Спрячься в самую ночь,
Заройся во тьму, как в пчелиный сот,
Маленьким стань,
Выгляни из постели.

Что-то тащится к нам через мост,
Там неровный постук копыт.
Звезды белы от страха.

А месяц,
Как старик, бредет в небесах,
Выгорбив спину.

FRÖHLICHKEIT

Es rauscht und saust von großen Karussellen
Wie Sonnen flammend in den Nachmittagen.
Und tausend Leute sehen mit Behagen,
Wie sich Kamele drehn und Rosse schnelle.

Die weißen Schwäne und die Elefanzen,
Und einer hebt vor Freude schon das Bein
Und grunzt im schwarzen Bauche wie ein Schwein,
Und alle Tiere fangen an zu tanzen.

Doch nebenan, im Himmelslicht, dem hellen,
Gehen die Maurer rund, wie Läuse klein,
Hoch ums Gerüst, ein feuriger Verein,
Und schlagen Takt mit ihren Mauerzellen.

ВЕСЕЛЬЕ

Большие карусели в шуме и гаме
Горят, как солнце перед закатом,
И тысячный люд, улыбаясь, смотрит,
Как кружатся лошади и верблюды,

Белые лебеди и слоны.
А кто-то от радости вскинул ногу
И хрюкает брюхом, как поросенок,
И зверь за зверем пускается в пляс.

А рядом, в ясном небесном свете, —
Стена, и каменщики, как вши,
Маленькие на высоких лесах лопатками
В пылком единстве выстукивают такт.

KATÁ

Ein roter Donner. Und die Sonne tost,
Ein Purpurdrachen. Sein gezackter Schwanz
Peitscht hoch herauf der weiten Himmel Glanz,
Der Eichen Horizont, drin Flamme glost.

Der großen Babel weiße Marmorwand,
Und riesiger Pagoden goldnen Stein
Zerschmettert fast der ungeheure Schein,
Mit lauten Beilen eine Feuerhand.

Musik, Musik. Ein göttlicher Choral.
Das offne Maul der Sonne stimmt ihn an,
Das Echo dröhnt vom weiten Himmelssaal.

Und ruft hervor der dunklen Nacht Tyrann,
Den Mond, Tetrarchen, der im Wolkental
Schon seltsam lenkt das fahle Viergespann.

КАТА

Багровый гром. И бушует солнце —
Пурпурный дракон. Иззубренный хвост
Хлещет по блещущим просторам небес
И дубам на горизонте, объатым пламенем.

Белые мраморы вышних Вавилонов,
Исполинских пагод золотые кирпичи —
Все разметано огневой рукой,
Гулкой секирой чудовищного призрака.

Музыка, музыка. Божественный хорал.
Солнце запекает огненной пастью.
Эхо гремит из-под бескрайнего купола.

И они выкликают из-за облаков
Четверовластника, владыку ночи —
Месяц, правящий медленной упряжкой.

DER STERBENDE FAUN

Er stirbt am Waldrand. Mit verhaltneim Laut
Klagt schon sein Schatten an des Hades Tor.
Der Kranz von Lattich, den sein Haupt verlor,
Fiel unter Disteln und das Schierlingskraut.

Den Pfeil im Hals, verschüttet er sein Blut,
Das schwarze Faunsblut in den grünen Grund
Der abendlichen Halde aus dem Mund
Drauf schon der Tod, ein schwarzer Falter, ruht.

Der Himmel Thrakiens glänzt im Abend grün,
Ein Silberleuchter seinem Sterbeschrei,
Auf fernen Bergen, wo die Eichen glühn.

Tief unter ihm verblaßt die weite Bai,
Darüber hoch die weißen Wolken ziehn,
Und fern ein Purpursegel schwimmt vorbei.

УМИРАЮЩИЙ ФАВН

Он умирает на опушке леса.
Потерянным голосом плачется его тень
У врат Аида. Венок из сельдерея
Упал со лба в белену и чертополох.

Со стрелюю в горле отплевывает он кровь,
Черную, лешую, на зеленые травы
Вечерних склонов ртом, на котором
Черной бабочкой застывает смерть.

Смертный стон его — как свеча
В серебряном подсвечнике фракийского неба
С золотым отливом над горными дубравами.

Далеко внизу выцветает залив,
Над ним в вышине тянутся облака,
А вдали проплывает багряный парус.

DIE BLINDEN FRAUEN

Die Blinden gehn mit ihren Wärterinnen,
Schwarze Kolosse, Moloche aus Ton,
Die Sklaven vorwärts ziehn. Und sie beginnen
Ein Blindenlied mit lang gezogenem Ton.

Sie ziehn wie Chöre auf mit starkem Schritte,
Im Eisenhimmel, der sie kalt umspannt.
Der Wind türmt auf der großen Schädel Mitte
Ihr graues Haar wie einen Aschenbrand.

Sie tasten sich an ihrem großen Stabe
Die lange Straße auf zu ihrem Kamm.
Auf ihrer ungeheuren Stirnen Grabe
Brennt eines dunklen Gottes Pentagramm.

Der Abend hängt wie eine Feuertonne
Am Horizont auf einem Pappelbaum.
Der Blinden Arme stechen in die Sonne
Wie Kreuze schwarz am frohen Himmelssaum.

СЛЕПЫЕ ЖЕНЩИНЫ

Слепые шествуют за поводырями —
Черные исполинши, глиняные молохи
Над плечами тянущих рабов, — запевая
Долгую протяжную песнь слепых.

Твердым шагом вступает их хор
В железный лед обставшего неба.
Ветер клубит над широкими их макушками
Пепельные пожары седых волос.

Великанские посохи их прощупывают
Улицу до самого взгорбья. — Огромные
Гробы лбов их запечатаны огненной
Пентаграммой черного божества.

Вечер вывешивает огненную бочку
На сучья тополя в самый горизонт.
И руки незрячих тычутся в солнце
По веселому небу, как черные кресты.

DER WINTER

Der Sturm heult immer laut in den Kaminen
Und jede Nacht ist blutig-rot und dunkel.
Die Häuser recken sich mit leeren Mienen.

Nun wohnen wir in rings unbauter Enge,
Im kargen Licht und Dunkel unserer Gruben,
Wie Seiler zerrend grauer Stunden Länge.

Die Tage zwängen sich in niedre Stuben,
Wo heisres Feuer krächzt in großen Öfen.
Wir stehen an den ausgefrorenen Scheiben
Und starren schräge nach den leeren Höfen.

ЗИМА

Печные трубы завывают вьюгой.
Ночные сумраки темнеют кровью.
У всех домов вытягиваются лица.

Мы здесь живем в обстроенных темнотах,
В могильной полутьме и полусвете,
И как канат, сучим пустое время.

День — он теснится в этажи пониже,
Где жаркое в печах бушует пламя.
А мы стоим у перемерзших окон
И смотрим вкось через дворы пустые.

NACHT III

Jetzt schlafen viele, wie in weißen Särgen,
Und in den Wänden sieht man Betten stehen,
Darin sich schaukelnd große Köpfe drehen.

Doch manche müssen einsam weit noch gehen
Um sich in dunkle Nächte zu verbergen
Wo schwer im Himmel sich die Wolken winden.

Sie hören oft ein großes Wagenrollen
Und schattenhafte Pferde schnell verschwinden
In Straßen fort und Mauern dunkelvollen.

Und manchmal sehen sie in hohen Stürmen
Den grauen Mond in Falten und verquollen
Und Nachtgevögel singet in den Türmen.

Im Irrsal suchen sie den Weg in Fernen
Und tasten mit den Händen rund, den blinden,
Und hinter ihnen kichern die Laternen,
Die schnell in trübe Nacht hinab entschwinden.

Doch in der Dächer Sturz und Häuser Engen,
In leerer Giebel ausgebrannten Sparren,
Sind viele Tote, die im Kühlen hängen
Und mit dem Fuß das Morgenrauen scharren.

НОЧЬ III

Уж многие спят, как в белых гробах,
В кроватях, приткнувшихся у стены,
И во сне ворочают большие головы.

А иным еще далеко брести,
Чтобы скрыться в темную ночь,
Где кружатся в небе тяжкие тучи.

Они слышат гулкий раскат колес,
И лошадь с фургоном проносится, как тень,
Исчезая меж темными стенами улиц.

Они видят в небесной смуте серый
Вздутый месяц меж складками облаков,
И ночные птицы поют им с башен.

Заблудившись, ищут они дорогу
И слепыми руками ощупывают путь,
А вслед им хихикают фонари,
Расплываясь в мутном сумраке ночи.

Но в обвалах крыш и в теснинах стен
На обугленных стропилах пустых чердаков
Еще много покойников висят в петле,
Щупая ногами утреннюю прохладу.

DIE NEUEN HÄUSER

Im grünen Himmel, der manchmal knallt
Vor Frost im rostigen Westen,
Wo noch ein Baum mit den Ästen
Schreit in den Abend, stehen sie plötzlich, frierend und kalt,
Wie Pilze gewachsen, und strecken in ihren Gehresten
Ihre schwarzen und dünnen Dachsparren himmelan,
Klappernd in ihrer Mauern schäbigem Kleid
Wie ein armes Volk, das vor Kälte schreit.
Und die Diebe schleichen über die Treppen hinan,
Springen oben über die Böden mit schlenkerndem Bein,
Und manchmal flackert heraus ihr Laternenschein.

НОВЫЕ ДОМА

Под зеленым небом, которое
Трескается от стужи на ржавом западе,
Где кричит еще в вечер дерево черными
Сучьями, выросли они, как грибы,
Внезапные, холодные, стылые,
Вытянувшись в небо тощими стропилами,
И трясутся в поношенных стенах,
Как от холода стынувший бедняк,
А по лестницам вскрадываются воры,
И прыжками — с чердака на чердак,
То и дело проблескивая фонариками.

* * *

Die Höfe luden uns ein, mit den Armen schwächig,
Faßten unserer Seelchen zipfeliges Kleid.
Und wir entglitten durch Tore nächtig
In toter Gärten verwunschene Zeit.

Von Regenrohren fiel Wasser bleiern,
Ewig, Wolken flogen so trübe.
Und über der Starre der frostigen Weiher
Rosen hingen in Dürre vom Triebe.

Und wir gingen auf herbstlichen Pfaden, geringern,
Gläserne Kugeln zerrissen unser Gesicht,
Jemand hielt sie uns vor auf den spitzigen Fingern.
Unsere Qualen machten uns Feuer-licht.

Und wir schwanden so schwach in die gläsernen Räume
Riefen voll Wehmut, da dünne das Glas zerbrach.
Wir sitzen nun ewig, in weißlichen Wolken, zu träumen
Spärlichem Fluge der Falter im Abend rot nach.

* * *

Нас зазывали двory, хватали худыми руками
За мелькавшие полы наших маленьких душ.
И мы скользнули сквозь ночные ворота
В заколдованное время мертвых садов.

Свинцовый дождь струился из труб,
Мутные вытягивались облака.
Над застывающими прудами
Сохлые от страсти свисали розы.

Мы шли по узким осенним тропам,
О наши лица разбивались стеклянные
Шары. Их держали на острых пальцах встречные,
И боль была, как вспышки огня.

И так мы таяли в стеклянных пространствах,
Со стоном прорезываясь сквозь тонкое стекло,
И навеки сидим в белесых облаках,
Грезя, как в закате порхают бабочки.

ALLERSEELEN

Geht ein Tag ferne aus, kommt ein Abend.
Brennt ein Stern in der Höhe zur Nacht.
Wehet das Gras. Und die Wege alle
Werden in Dämmerung zusammengebracht.

Viele sind über die Steige gegangen.
Ihre Schatten sind ferne zu sehn,
Und sie tragen an schwankenden Stangen
Ihre Fackeln, die wandern und wehn.

Mauern sind viele, und Gräber, und wenige Bäume:
Manche Tore darin, wo der Lorbeer trauert.
Viele sitzen in Haufen über den Kreuzen,
Ihre Lichter behütend, wenn der Regen schauert.

Und ein Rot steckt im Walde, dürr wie ein Finger,
Wo der Abend hänget in wolkiger Zeit
Mit dem wenigen Licht. Und geringer
Rings ist das Nahe, und die Weite so weit.

Doch ewig ist der Wind, der nimmer schweiget
In dunklem Lande, herbstlich schon erbraunet,
Der dunkle Bilder viel vorüber zeigt
Und dunkle Worte flüchtig trübe raunet.

ВСЕХ УСОПШИХ

День уходит, приходит вечер.
Горит звезда в ночной высоте.
Трава колышется. И все дороги
В сумерках сводятся к одному.

Многие путники уже за перевалом.
Тени их виднеются вдали.
Они несут на шатких шестах
Длинные факелы, веющие пламенем.

Стены. Могилы. Редкие деревья.
Ворота, в них опечаленный лавр.
Много народу мостится по крестам,
Прикрывая огни от дождливой мороси.

Лесной багрец исхудал, как палец.
Когда в облаках смеркается свет,
На нем повисает вечер. От этого
Ближе близость и дальше даль.

Но вечен и неумолчен ветер.
По темным полям, от осени бурым,
Он бегло чертит темные образы
И быстро шепчет темные слова.

SIMSON

In leeren Sälen, die so weit
Wie leerer Atem, im Abende tot
Stehet er breit mit dem Feierkleid
Und der türmenden Mütze rot.

Die Mauern flohen von ihm hinweg,
Die krummen Säulen irrten in Nacht hinaus.
Er ist allein in dem riesigen Haus.
Und niemand ist da, der ihn hält.

Alle sind fort. Und ein Mäusegeschrei
Ist oben rund in der Luft.
Und über die Stiege herum
Huscht es wie Hunde vorbei.

САМСОН

В залах, пустых, как вздох,
В мертвый раскинувшихся вечер,
Стоит он, расправив плечи,
В пышном платье, в шапке, как башня.

Четыре стены ускользают прочь,
Кривые колонны потерялись в ночь,
Он один в огромном доме,
Поддержать его некому.

Никого. В воздухе
Только мышинный писк,
Да на дальних лестницах
Словно собачья суетня.

DIE TAUBEN II

Doch nachts im Schatten ihrer hohen Träume
Wie unter großer Eichen kühlem Dach
Klingt um sie laut das Dunkel hundertfach
Und Sterne fahren singend durch die Räume.

Vom Hauche Gottes durch das All getrieben
Mit goldnen Federn in die Nacht gespreizt,
Kometen, die mit trübem Schrei zerstieben,
Der traurig ihre schlaffen Ohren beißt.

Sie horchen auf des Waldes Ruhe unten
Wie in den Wurzeln blau der Schlummer schwillt
Und auf der Erde schweres Atmen drunten,
Das langsam ihre großen Höhlen füllt.

Und wieder klingt's in ihren Frieden leise,
Wenn das verborgne Silber wachsend schwärt,
Und das Geräusch der Sonne auf der Reise,
Die unten über weite Meere fährt.

Auf einmal hören sie die Stürme wehen
Und laute Glocke läuten durch die Nacht.
Sie möchten gern dem Schall entgegengehen,
Erhört, entfesselt, in das Licht gebracht.

Doch plötzlich bricht es ab. Und nur ein Zittern
Ist rund im Raum, das sie im Ohre nagt,
Wie tief in seinem Sarge im Verwittern
Ein Toter weint und seine Trauer klagt.

ГЛУХИЕ II

И только ночью, в тени их высоких снов,
Как под прохладной дубовой сенью,
Стоголосо запекает вокруг них темнота,
И звезды звоном плывут в пространствах,

Божьим вздохом гонимые в мирозданье,
Золотыми перьями взъерошась в ночь.
Разлетаются кометы со смутным криком,
Скорбно язвящим их сонный слух.

Они слышат в лесной тиши, как подземные
Набухают корни синей дремотой,
Они слышат, как тяжелое дыханье земли
Медленно наполняет преисподние пещеры,

Тихим звоном доносится в их покой,
Как в недрах земли нагнивает серебро
И как солнце плещет в своем пути
С запада на восток по подземным водам.

Они слышат, как встают ураганы,
Как навстречу в ночь гремят колокола,
И хотят воспрянуть на звучный зов,
Внемлющие, раскованные, просветленные.

Но все обрывается. Только дрожь
Дрожит в пространствах и скребется в уши,
Как будто ветром продутый в саркофаге
Слезно стонет немой мертвец.

Ein Lächeln kraut sie dann, daß sie noch leben,
Des Schlummers Sabber hängt sich an ihr Kinn
Und jemand kommt mit Fingern leicht, die schweben
Auf ihrem Rettichkopf wie Fliegen hin.

И тогда им смешно, что они еще живы;
С подбородков их свешивается сонная слюна,
И кто-то пальцами, легкими, как мухи,
Скользит над их головами-редьками.

DAS INFERNALISCHE ABENDMAHL

I

Ihr, denen ward das Blut vor Trauer bleich,
Ihr, die der Sturm der Qualen stets durchrast,
Ihr, deren Stirn der Lasten weites Reich,
Ihr, deren Auge Kummer schon verglast.

Ihr, denen auf der jungen Schläfe brennt
Wie Aussatz schon das große Totenmal,
Tretet heran, empfangt das Sakrament
Verfluchter Hostien in dem Haus der Qual.

Besteigt die Brücke auf dem schwarzen Fluß,
Darüber waltet der Verfluchten Schar.
Und dunkel grüßt euch groß der Portikus,
Durch den in Dämmerung glänzt der Hochaltar.

Den tausend Kerzen schmücken, die von Blut
Und Fett der Ungeborenen sind gedreht.
Wo Knochen hängen, und der rote Sud
Teuflischen Weihrauchs euch entgegenweht.

Wo Priester in der höllischen Soutane
In Reihen knien, zu hellem Meßgeläut,
Wo von den Kanzeln Fahne über Fahne
Wie rote Höllenflamme euch bedräut.

Ein nackter Abt bläht vor dem Götterbild
Den feisten Bauch, da er die Messe singt.
Er greift den Kelch, mit rotem Blut gefüllt,
Den hoch er auf das Haupt der Menge schwingt

АДСКАЯ ВЕЧЕРЯ

I

Вы, чья от горя выцвела кровь,
Вы, бичуемые бурями мук,
Вы, чьи лбы простерлись под гнет,
Вы, в чьих очах, как стекло — тоска,

Вы, чьи виски, как проказа, жжет
С детства родимое пятно мертвецов, —
Приидите ко причастию: вот дары,
Проклятые в обители вечных мук.

Взойдите на мост над черной рекой,
Где без края толпится обреченный люд,
И темный вас приветит портал,
Блещущий в сумерках большим алтарем —

Алтарем, озаренным тысячью свечей
Из жира и крови нерожденных тел,
Где свисают кости и веет в лицо
Дьявольских фимиамов красная грязь,

Где в адских ризах святители гнут
Колени под звон небывалых месс
И по всем амвонам за стягом стяг
Грозят вам, как алые адские языки.

Перед Божьим образом голый аббат
Вздувает брюхо, выводя напев.
Он хватает чашу, в чаше красная кровь,
Он вздымает ее над лбами толпы:

»Trinket mein Blut.« Er trinkt den Becher leer,
Der in sein Herz wie rote Lava quillt.
Sein Gaumen leuchtet wie ein rotes Meer,
Der von dem Glanz des Götterblutes schwillt.

Auf euren Schläfen, wo der Horst der Qual,
Die schwarze Bastion der Hölle droht,
Springt eine Flamme auf, die spitz und schmal
Wie, der Skorpione schwarze Zunge loht.

Nachtschwarze Wolken drängen in den Dom
Voll Sturm und Blitzen durch das große Tor.
Ein Wetter tost. Im schwarzen Regenstrom
Versinkt der Orgel Ton im fernen Chor.

Die Gräber springen auf. Der Toten Hand
Streckt weiß und kalt die Knochenfinger aus.
Sie winken euch aus ihrem dunklen Land.
Und ihr Geschrei erfüllt das Riesenhaus.

Die Fliesen brechen auf. Und Lethe braust
Tief unten über einen Wasserfall.
Der Abgrund schwindelt Meilen tief und saust
Voll ungeheurer Stürme weitem Hall.

Die Höllensöhne fahren ihn herab
Mit schwarzem Takelwerk durch den Typhon.
Sie schauen singend in das weite Grab
Vom Totenkopfe ihrer Schiffs-Galion.

II

Hoch wo das Dunkel seine Schatten türmt
Durch Ewigkeiten fern vom Grund der Qual,
Hoch oben, wo im Dom der Regen stürmt,
Erscheint des Gottes Haupt, wie Morgen fahl.

«Пейте мою кровь». Он пьет ее сам,
Красной лавой вскипает его душа,
Его глотка горит, как чермные моря,
Божьей кровью блестящие чрез берега.

Над вашими лбами, над гнездовьем мук,
Над черными флешами адских сил
Узкий, острый, как черный язык
Скорпиона, взвивается бегучий огонь.

Ломятся в храм сквозь разинутые врата
Тучи, чреватые молнией и грозой.
Буря бушует. Ливень, как ночь,
Угашает дальний органный хор.

Могилы взрываются. Вздыбились мертвецов
Белые и холодные костяные персты.
Они вас манят в родимый мрак.
Мертвыми криками гремит собор.

Плиты проваливаются. Кипят
Водопады Леты внизу, в глуби.
Гудит многоверстный водоворот
Дальними отгулами чудовищных бурь.

Исчадья ада устремляются в смерч,
С пеньем глядя в свой пенный гроб:
Черными парусами снащен их корабль,
А белые борта — из зияющих черепов.

II

В выси, где тени сгустились в тьму,
В тысяче вечностей над бездной мук,
Над бушеваьем ливней является
Бледное, как утро, Божье лицо.

Die weiten Kirchen füllt der Sphären Traum
Voll Schweigen, das wie leise Harfen klingt,
Da, wie der Mond vom großen Himmelsraum,
Des Gottes weißes Haupt heruntersinkt.

Tretet heran. Sein Mund ist süß wie Frucht,
Sein Blut ist, wie der Wein, langsam und schwer.
Auf seiner Lippen dunkelroter Bucht
Wiegt blaue Glut von fernem Sommermeer.

Tretet heran. Wie Flaum von Faltern zart,
Wie eines jungen Sternes goldne Nacht,
Zittert sein Mund, in seinem goldnen Bart,
Wie Chrysolith in einem tiefen Schacht.

Tretet heran. Wie einer Schlange Haut
So kühl ist er, weich wie ein Purpurkleid,
Wie Abendrot so sanft, das übergraut
Brennender Liebe wildes Herzeleid.

Der Gram gefallener Engel ruht, ein Traum,
Auf seiner Stirn, der Qualen weißem Thron,
Wie Schläfer traurig, denen floh zum Saum
Des blassen Morgens ihre Vision.

Tiefer als tausend leere Himmel tief
Ist seine Schwermut, wie die Hölle schön,
Wo in den roten Abgrund sich verlief
Ein bleicher Sonnenstrahl aus Mittagshöhn.

Sein Leid ist wie ein Leuchter in der Nacht,
Schauet die Flamme, die sein Haupt umloht,
Und doppelhörig in der düstren Pracht
Aus seinem Lockenwald ins Dunkel droht.

Sein Leid ist wie ein Teppich, drauf die Schrift
Der KabbaUsten brennt durch Dunkelheit,

Дальние церкви наполняет сон
Сфер, безмерный, как лепет арф,
Когда, как месяц с большого небосвода,
Белое наклоняется Божье чело.

Приблизьтесь. Рот его — сладкий плод,
Кровь его — тяжкое медленное вино,
На его губах в темно-красной заводи
Зыбок синий жар полдневных морей.

Приблизьтесь. Нежен, как бабочкина пыльца,
Как юной звезды золотая ночь,
Мерцает рот в бороде златобородого,
Как в темном раскопе мерцает хризолит.

Приблизьтесь. Прохладнее змеиной кожи,
Мягче он пурпурных царских риз,
Нежнее заката, который обесцвечивает
Дикую боль огненной любви.

Скорбь падшего ангела — словно сон
На лбу его, белом троне мучений,
Грустном грустью того, кто пробуждается,
О виденьях, канувших в бледный рассвет.

Глубже, чем тысяча пустых небес,
Его горечь, прекрасная, точно ад,
В красной бездне которого теряется
Бледный луч с полуденной вышины.

Его боль — как ночной двусвечник.
Это пламя облегло ему голову
И двумя рогами в дремучей роскоши
Из кудрей его вонзается в тьму.

Его боль — как ковер, по которому
Письмена каббалистов горят сквозь ночь,

Ein Eiland, dem vorbei ein Segler schifft,
Wenn in den Bergen fern das Einhorn schreit.

Sein Leib trägt eines Schattenwaldes Duft,
Wo großer Sümpfe Trauervögel ziehn,
Ein König, der durch seiner Ahnen Gruft
Nachdenklich geht in weißem Hermelin.

Tretet heran, entflammt von seinem Gram.
Trinkt seinen Atem, der so kühl wie Eis,
Der über tausend Paradiese kam,
Voll Duft, der jeden Kummer weiß.

Er lächelt, seht. Und eurer Seele Bild
Wird wie ein Weiher, der im Schilfe schweigt,
Wo leis des Hirtengottes Flöte schwillt,
Der durch die Lorbeerschlucht heruntersteigt.

Schläft ein. Die Nacht, die schwarz im Dome hängt,
Verlöscht die Lampen an dem Hochaltar.
Der große Adler seines Schweigens senkt
Auf eure Stirn sein dunkles Schwingenpaar.

Schläft, schläft. Des Gottes dunkler Mund, er streift
Euch herbstlich kühl, wie kalter Gräber Wind,
Darauf des falschen Kusses Blume reift,
Wie Mehltau giftig, gelb wie Hyazinth.

И как остров, минуемый плователями
В час, как в дебрях кричит единорог.

Его тело — в нем тень и сень дубрав,
Взлет печальных птиц над большими заводами;
Это царь, в горностаях и задумчивый,
Тихо шествует сквозь склеп своих предков.

Приблизьтесь. Загоритесь его скорбями,
Впейте вздох его, холодный, как лед,
Вздох, принесшийся из-за тысяч эдемов
Ароматом, впитавшим всякое горе.

Вот он смотрит, он улыбается, —
И душа у вас тиха, как пруд в камыше,
Тихо наполняемая пеньем Пановой
Флейты, льющим из лавровых рощ.

Усните. Ночь, сгущаясь в соборе,
Угашает огни на высоком алтаре,
И огромный орел его безмолвия
Зыблет тень своих крыл на ваших лбах.

Спите, спите. Темный божеский рот
Вас коснется осеннею ли, могильною ли
Свежестью, и мнимый расцветет поцелуй,
Желт, как гиацинт, ядовит, как мучница.

MEINE SEELE

Golo Gangi gewidmet

Meine Seele ist eine Schlange,
Die ist schon lange tot,
Nur manchmal in Herbstesmorgen,
Entblättertem Abendrot
Wachse ich steil aus dem Fenster,
Wo fallende Sterne sind,
Über den Blumen und Kressen
Meine Stirne spiegelt
Im stöhnenden Nächte-Wind.

МОЯ ДУША

Посвящается Голо Ганги

Моя душа — змееныш,
Мертвый давным-давно.
И только осенним вечером,
Когда сквозь голые сучья
Я посмотрю в окно
И вытянусь в рост
До опадающих звезд,
Меня отразит, как в зеркале,
Унылый ночной норд-ост.

* * *

Deine Wimpern, die langen,
Deiner Augen dunkle Wasser,
Laß mich tauchen darein,
Laß mich zur Tiefe gehn.

Steigt der Bergmann zum Schacht
Und schwankt seine trübe Lampe
Über der Erze Tor,
Hoch an der Schattenwand.

Sieh, ich steige hinab,
In deinem Schoß zu vergessen,
Fern, was von oben dröhnt,
Helle und Qual und Tag.

An den Feldern verwächst,
Wo der Wind steht, trunken vom Korn,
Hoher Dorn, hoch und krank
Gegen das Himmelsblau.

Gib mir die Hand,
Wir wollen einander verwachsen,
Einem Wind Beute,
Einsamer Vögel Flug,

Hören im Sommer
Die Orgel der matten Gewitter,
Baden in Herbsteslicht,
Am Ufer des blauen Tags.

* * *

Длинные твои ресницы,
Глаз твоих темные воды,
Дай мне нырнуть,
Дай утонуть.

Горняк спускается в шахту,
Мигает тусклая лампа
Тенями на стене
У рудных врат.

Так спускаюсь и я
Позабыть на лоне твоём
Все, что гудит в выси, —
Свет, боль, день.

Посреди широкого поля,
Где ветер пьянеет рожью, —
Высокий больной терновник
Упирается в синеву.

Дай мне руку,
Врастем друг в друга,
Добыча одного ветра,
Взлет одиноких птиц.

Вслушаемся в летний
Смутный гул органной грозы,
Окунемся в осенний
Свет на берегу синего дня.

Manchmal wollen wir stehn
Am Rand des dunkelen Brunnens,
Tief in die Stille zu sehn,
Unsere Liebe zu suchen.

Oder wir treten hinaus
Vom Schatten der goldenen Wälder,
Groß in ein Abendrot,
Das dir berührt sanft die Stirn.

Göttliche Trauer,
Schweige der ewigen Liebe.
Hebe den Krug herauf,
Trinke den Schlaf.

Einmal am Ende zu stehen,
Wo Meer in gelblichen Flecken
Leise schwimmt schon herein
Zu der September Bucht.

Oben zu ruhn
Im Hause der durstigen Blumen,
Über die Felsen hinab
Singt und zittert der Wind.

Doch von der Pappel,
Die ragt im Ewigen Blauen,
Fällt schon ein braunes Blatt,
Ruht auf dem Nacken dir aus.

Или встанем
Над колодезем темным —
Глубже заглянуть в тишь,
Нашу найти любовь.

Или выйдем
Из-под тени золотой рощи,
И большой закат
Мягко ляжет тебе на лоб.

Божья печаль,
Молчи о вечной любви.
Опрокинь бокал —
Сон до дна,

Чтобы стать у края земли,
Где море в золотых пятнах
Тихо вкатывается
В заводи сентября.

Чтобы найти покой
В обителище иссохших цветов,
Через скалы вниз
Поет и трепещет ветер.

Только с тополя,
Вскинутого в вечную синь,
Уже падает порыжелый лист,
Замирая у тебя на затылке.

DIE NEBELSTADTE

Der Nebelstädte
Winzige Wintersonne
Leuchtet mir mitten ins gläserne Herz.
Das ist voll vertrockneter Blumen
Gleich einem gestorbenen Garten.

Alles, was ehe war,
Ist hinter den Mauern des Schlafes
Schon zur Ruhe gebracht.
Viele Winde der sausenden Straßen
Haben inzwischen auf frierenden Köpfen
Ein Wind-Spiel gemacht.

Wohl war in Dämmerung noch
Blutiger Wolken Kampf
Und der sterbenden Städte
Schultern zuckten im Krampf.
Wir aber gingen von dannen
Zerrissen uns mit einem Mal,
Dampf scholl ein Zungen-Gestreite
In Finsternis – Unrat – siebenfarbiger Qual.

Doch niemand rühret das starre
Gestern noch mit der Hand
Da der rostige Mond
Kollerte unter den Rand
Zu wolkiger Wolken Geknarre.

ОБЛАЧНЫЕ ГОРОДА

Маленькое зимнее солнце Облачных городов
Светит мне в стеклянное сердце,
Полное иссохших цветов,
Как вымерший сад.

Все, что было,
Залегло в покое
За стенами сна,
Пока ветры гудящих улиц
Над стынущими нашими головами
Играли сами с собой.

До поздних сумерек
Бились кровавые облака,
И сводило судорогой
Плечи умирающих городов.
Но мы рванулись
И двинулись прочь
Под глухую брань
Семицветных мук нечистого мрака.

И никто не тронул
Коченевшего вчерашнего дня,
Потому что на небосклоне
Безумствовал ржавый месяц
В треске облачных облаков.

DIE VÖGEL.

Wie trübe Morgen langsamer Tage
Über den Seen und Sümpfen voll Klage
Über dem schillernden Schilf ruht die Nacht
Regen. In den Bäumen erwacht.

Ein Geschrei. Und huschen die Hunde
Rund um die Mauern mit heiserem Munde.
Aber die Türme steigen von Bergen, bleichen,
Hockend stumm um die verschrumpften Teiche.

Eine Fackel brennt auf. Und die Vögel der Öden
Hoch herauf zu Himmels-Böden
Schwer flattern von den kahlen Horsten
Riesiger Bäume mit großen Schwingen zerborsten.

Langsam mit ihren gewaltigen Händen
Fassend die Nacht an den dunkelnden Enden
Drohend wie Schatten und böse Gedanken,
Die in brechenden Wolken schwanken.

Plötzlich stürmet vorbei an dem Mond ein Geschwirr
Und er schreit wie ein Kind vor der Federn Geklirr
Schlagend den Flügel, nisten sie über ihm,
Und krähen ein Lied aus den Schnäbeln so grün.

ПТИЦЫ

Как мутное утро медленных дней,
Из-за стонущих болот и морей
Опускается ночь на тростник,
Блестящий от дождя. Раздается крик

На деревьях. Хриплые собаки
Рыщут под стенами во мраке,
Но белесые башни высятся меж гор,
Молча, над зыбкою водою озер.

Вспыхивает факел. Огромные деревья
Словно лопаются. Птичьи кочевья
Тяжко вспархивают с лысых гнезд
К пустынной тверди в небесный рост,

Медленными усилиями
Темные небосклоны оцепляют крыльями,
Как злые мысли, как черные тени,
В прорывах туч колеблемые виденья,

И взмывают к месяцу стаяй жуткой,
И месяц от страха кричит, как малютка,
И они оседают на нем с налета
И каркают песнь из зеленых глоток...

DIE TÄNZERIN IN DER GEMME

Lange verschlossen, tief im runden Steine
Mit einem Trauerbaum und wenig Zweigen,
Noch dreht sie um den Hals den sanften Schleier
Und geht in leisem Tanz in stiller Feier.

Immer noch fort, wo schon die Götter starben
Über den Inseln, und draußen gezogen
Ist das Meer unter schläfrigen Wolken,
Unter den Ufern murrte die Woge.

Orpheus ging einst. Und sie sann seiner Schritte
Durch die Schluchten herunter zur stillen Ebene
Da sie lag im Schilf mit den wolligen Herden.
Aber ferne ging die Flöte des Gottes.

Über der grünen Ruhe der toten Fluren,
Die so einsam sang ihre Traurigkeit,
Grauen Gewölben, über den Weiden weit,
Wo die Tiere lagen mit tiefem Horne.

ТАНЦОВЩИЦА НА РЕЗНОМ КАМНЕ

Давно заточенная в круглом камне
Под скорбными ветками кипариса,
Обвивая шею мягкой тканью,
Она все еще движется в медленном танце,

В танце богам, хоть и вымерли боги
На островах, и отникло от суши
Море под сонными облаками,
Где у обрывов ворчали волны.

Орфей пришел и ушел. А она
Слышит шаги его из пропасти затишья,
Если прилечь в камыш с овечьим стадом.
Издали божья флейта

Пела печаль над зеленым покоем
Мертвых полей под серым сводом неба,
Такая одинокая
Среди зверья, поникшего рогами..

HORA MORTIS

Gebannt in die Trauer der endlosen Horizonte,
Wo nur ein Baum sich wand unter Schmerz,
Sanken wir, Bergleuten gleich, in das Schweigen der Grube
Unserer Qual. Und von Leere schwoh uns das Herz.

Trüb wie die Winde, im Schierling, bei Büschen und Weiden
Haben wir unsere Hände im Dunkel gesenkt,
Und dann gingen wir lässig, und freuten uns unserer Leiden,
Arme Spiegel, darin sich ein düsterer Abend fängt.

Nachtwandlern gleich, gejagt vom Entsetzen der Träume,
Die seufzend sich stoßen im Dunkel mit bleicher Hand,
Also schwankten wir in des Herbstes verschwindende Räume,
Der wie ein Riese sich hob in die Nacht und versank.

Aber im Wolkenland, im Finstern, sahn wir die Schatten
Schwarzer Reiher und hörten den traurigen Flug,
Und wir schwanden dahin in Schwermut und bitterm Ermatten
Blutleere Seele, die Lethe durch Höhlen voll Kummer trug.

HORA MORTIS

Изгнанные в печаль горизонтов без конца и без края,
Где одинокое дерево гнется под гнетом тоски,
Мы, как в рудник, погружались в безмолвную пропасть
Наших мучений. И сердце вспухало в нас пустотой.

Смутные, как ветры в белене над кустами и лугами,
Мы окунали руки свои в темноту
И уходили, медленные, и радовались нашим страданиям,
Бедные зеркала, ловившие подступавшую ночь.

Как ночные скитальцы, гонимые сновиденьями,
Бледными руками толкающимися во тьме,
Так мы носились в ускользавших просторах осени,
Исполински восставшей в ночь и пропавшей в ночь.

Но в надоблачном мраке мы увидели черные тени
Мчащихся цапель и услышали их скорбный полет,
И истаяли вслед им, тоскливые, горько-усталые,
Чтобы Лета умчала бескровные томные души в провал.

JUDAS

Die Locke der Qual springt über der Stirne
Drin wispern Winde, und viele Stimmen
Die wie Wasser vorüberschwimmen.

Doch er rennet bei Ihm gleich einem Hunde
Und er picket die Worte hervor in dem Kote.
Und er wieget sie schwer. Sie werden tote.

Ach, der Herr ging über die Felder weiß
Sanft hinab am schwebenden Abendtag
Und die Ähren sangen zum Preis,
Seine Füße waren wie Fliegen klein,
In goldener Himmel gelbem Schein.

ИУДА

Хохол его муки вздыбился надо лбом,
В котором столькие голоса
Шумят и уносятся, как реки и ветер.
Но он при Господе бежит, как пес,

И выхватывает слова Его из грязи,
И взвешивает каждое. Но они мертвы.
Ах, Господь, он сходит в поля

В зыблющемся вечере нежной стопой,
И колосья поют ему славу.
Как маленькие мухи — его ступни
В желтом свете золотых небес...

DER GARTEN

Der Mund ist feucht. Und wie bei Fischen breit
Und leuchtet rot in dem toten Garten.
Sein Fuß ist glatt und über den Wegen breit.
Winde gehen hervor aus dem faltigen Kleid.

Er umarmet den Gott, der dünn wie aus Silber
Unter ihm knickt. Und im Rücken die Finger
Legt er ihm schwarz wie haarige Krallen.
Quere Feuer, die aus den Augen fallen.

Schatten gehen und Lichter, manchmal ein Mond.
Ein Gesause der Blätter. Aus warmer Nacht
Trübes Tropfen. Und unten rufen die Hörner
Wandelnder Wächter über der gelben Stadt.

САД

Влажен рот и раскрыт, как у рыб.
Он красен в этом мертвом саду.
Бесшумна поступь и легка на пути.
Ветры веют из складок одежд.

Он обнял Бога, и гнется Бог,
Тонкий, как серебряный. За его спиной
Сплелись черные когти косматых пальцев.
Из глаз сверкает косой огонь.

Тени, светы, порой — луна.
Шорох листьев. Из теплой ночи —
Смутные капли. А внизу гудят
Трубы стражей над желтым городом.

PILATUS

Ein Lächeln schiefen Grames, das verschwindet
Hinein in seiner Stirne weißes Tor.
Er sitzt auf seinem Stuhl. Seine Hände erhoben
Brechen den Stab und fallen von oben.

Aber wie eine Blume voll grüner Helle
Leuchtet im Dunkel der Höfe der König der Juden.
Und die Stirn, die sie schattig mit Dornen beluden,
Brennt wie ein Stein in fahler Grelle.

Und der Gott steigt hinauf, von den Schultern gehoben
Riesiger Engel, er singet, ein Schwan,
Leicht und klein fährt er auf in der strahlenden Bahn
Und der Vater, im Glänze, wartet sein droben.

Aber der Richter am blauen Gebirge
Hänget im riesigen Mantel wie faltige Frucht.
Wild kommt der Abend über die hallenden Öden.
Schweigsame Wasser fallen in grüner Schlucht.

ПИЛАТ

Усмешка кривой тоски исчезает
В белых створках его лица.
Он в кресле. Поднятые его руки
Ломают жезл и падают на колени.

Но в мрачном судилище, как ясно-зеленый
Цветок, сияет Царь Иудейский,
И лоб его, венчаный темным терном,
Горит алмазом в тающем свете.

И Бог возносится, как могучий ангел,
С крыльями за плечами, и поет, как лебедь,
И летит, умаляясь, лучом небесным
К Отцу, во славе ждущему в вышине.

А в синих горах висит судья
В складках плаща, как сморщенный плод.
В гулкой пустоте сходит дикий вечер.
Реки тихо рушатся в зеленую пропасть.

DER BAUM

Sonne hat ihn gesotten,
Wind hat ihn dürr gemacht,
Kein Baum wollte ihn haben,
Überall fiel er ab.

Nur eine Eberesche
Mit roten Beeren bespickt
Wie mit feurigen Zungen,
Hat ihm Obdach gegeben.

Und da hing er mit Schweben,
Seine Füße lagen im Gras.
Die Abendsonne fuhr blutig
Durch die Rippen ihm naß.

Schlug die Ölwälder alle
Über der Landschaft herauf,
Gott in dem weißen Kleide
Tat in den Wolken sich auf.

In den blumigen Gründen
Ringelte Schlangengezücht,
In den silbernen Hälsen
Zwitscherte dünnes Gerücht.

Und sie zitterten alle
Über dem Blätterreich,
Hörend die Hände des Vaters
Im hellen Geäder leicht.

ДЕРЕВО

Солнце его спалило,
Ветер его иссушил,
И ни единое дерево
Не хотело его принять.

Только рябина в красных
Огненных язычках
Мелких ягодных крапинок
Оказала ему приют.

И повис он на ней, качаясь,
Ноги у самой травы;
Сквозило вечернее солнце
В ребрах, как алая кровь.

Черные маслины
Встали стеной вокруг,
И сам Господь весь в белом
Явился в облаках.

Кольцами извивались
Змеи в траве и цветах,
В их серебряных горлах
Тонкий струился свист.

И все трепетало дрожью
В царственно-пышной листве,
Слыша Отчие руки
В сетке прозрачных жил.

DIE MESSE

Bei dreier Kerzen mildem Lichte
Die Leiche schläft. Und hohe Mönche gehen
Um sie herum, und legen ihre Finger
Manchmal über ihr Angesicht.

Froh sind die Toten, die zur Ruhe kehren
Und strecken ihre weißen Hände aus,
Den Engeln zu, die groß und schattig gehen
Mit Flügelschlagen durch das hohe Haus.

Nur manchmal schallt ein Weinen durch die Wä
Ein tiefes Schluchzen wälzt sich in der Lust.
Man kreuzet ihre hageren Finger-Hände
Zum Frieden sanft auf die verhaarte Brust.

БОГОСЛУЖЕНИЕ

При тихом свете трех свечей
Лежит покойник. Рослые монахи
Идут вокруг, и временами пальцы
Кладут на мертвое лицо.

Блаженны мертвые, обретшие покой
И белые протягивающие руки
К тем ангелам, чей слышится полет
В высоких тенях сводчатого храма.

Лишь изредка прокатится рыданье,
Прорвется плач сквозь радостный порыв,
И снова кротко скрещиваются руки
На волосатой их груди...

HYMNE

Unendliche Wasser rollen über die Berge,
Unendliche Meere kränzen die wählende Erde,
Unendliche Nächte kommen wie dunkle Heere
Mit Stürmen herauf, die oberen Wolken zu stören.

Unendliche Orgeln brausen in tausend Röhren,
Alle Engel schreien in ihren Pfeifen,
Über die Türme hinaus, die gewaltig schweifen
In ewiger Räume verblauende Leere.

Aber die Herzen, im unteren Leben verzehret,
Bei dem schmetternden Schallen verzweifelter Flöt
Hoben wie Schatten sich auf im tödlichen Sehnen,
Jenseit lieblicher Abendröten.

ГИМН

Бесконечные волны перекатываются через горы,
Бесконечные воды окружают прочную землю.
Бесконечные ночи приходят, как темное войско,
Бурями встав и взбив высокие тучи.

Несчетные органы гремят в многотысячные трубы,
Все ангелы в небе дуют в кричащие флейты —
Там, над башнями, вонзающимися мощно
вечные пространства, в синеющие пустоты.

Только наши сердца, перемолотые дольней жизнью,
гулком звуке отчаявшихся флейт
носились, как тени, в смертной тоске
о ту сторону ласкового заката...

Der Himmel Trauerspiel

*Woran denkst du?
Und warum bist du so verloren?
Erlebst auch du der Himmel Trauerspiel?*

Небесная трагедия

О чем ты думаешь?

И почему ты выглядишь такой потерянной?

Неужели и ты переживаешь Небесную трагедию?

DER TAG

Der Tag liegt schon, auf seinem Totenbette,
Auf goldnem Teppich und der sanften Glätte
Des Purpurvlieses. Doch er reißt die Binden
Von seiner Wunde königlich. Da schwinden
Die blauen Venen. Und das rote Blut
Fließt, fließt und fließt, und füllt mit tiefer Glut
Des Westens Himmel weit, und scharlachrot
Die weiten Wälder, die des Titans Tod
Bejammern laut. Die Ströme stehen alle
Gebannt vom Grauen vor des Königs Falle,
Geronnen weiß. Muß er herunter schon
Zum ewgen Schatten! Dessen hoher Thron
Am Mittag stand im Licht, der Göttersohn,
Des ungeheurer Glanz das All gefüllt,
Die marmorweißen Tempel. Blauer Glanz
Auf allen Höfen. Da im Lichte ganz
Die breiten Treppen schwammen, und der Schein
Der weißen Delhi. Wo ein weißer Stein
Und andre Sonne brannte India.
Er warf sein Glutmeer weit, so furchtbar nah
Wie eine Hand. Und eine Wolke stand
Vor Hitze taumelnd, in dem leeren Land.
Die Wüsten brannten unermesslich breit,
Da er die Rosse der Quadriga weit
Und hoch im Blauen führte schon gen West.
Bleich wird die Schläfe, die der Schweiß schon näßt
Die Hand sucht irr herum. Die ewige Nacht
Kriecht unter seine Lider schon. Die Macht
Des Sterbens fällt ihn an. Die Sterne stehn

ДЕНЬ

Вот день возлег на погребальный одр...
На золотой ковер и мягкий блеск
Багрового руна. Вот царским жестом
Срывает он повязки смертных ран.
Бледнеют жилы. Красная течет,
Течет, течет пылающая кровь
И заливает западное небо
Над долами, где огненные рощи
Рыдают о Титане. Реки встали,
Белея в сером натиске предсмертья
Царского. Неужели и ему —
В вечную тень? Ему, чей вышний трон
Сиял сквозь синий полдень? Божеству,
Чей страшный блеск заполнял весь мир
Над мраморными храмами? Тот блеск
Синий над белыми дворами, над
Широкими ступенями, над зыбким
Белым виденьем Дели, где горит
Белый камень в огне индийских солнц?
Он расточал свой жар, он был так страшен
И близок, как рука. Над голой степью
Огнем пьянело облачко. Пустыня
Горела до бескрайних горизонтов,
Когда он правил четырех коней
Квадриги в синь и в высь и в ширь к закату.
Висок его потеет и бледнеет;
Рука бессильно шарит. Ночь, как вечность,
Всползла ему под веки. Налегло
Всей мощью умиранье. В темном небе

Am Himmel zitternd, die schon frühe gehn
Vom Meer im Monde Pyanepsion.
Der Tod tritt auf. Er löscht die Fackel stumm
Und dreht den roten Stumpf im Dunkel um.

Звезды дрожат, взошедшие над морем
Так рано в этот месяц — пианепсий,
Смерть выступает. Глухо гасит факел
И красный опрокидывает ствол
Во мрак.

DIE NACHT

I

Die niedre Mitternacht ist regengelb.
Der schwarze Strom wächst unter Wolken fort
Und an den Ufern, schwankend und verwelkt,
Die sonderbaren Häuser gehen fort.

Die alten Gassen sind in Nacht gekrümmt
Wo in den Toren rote Lampe schwimmt.
Und manchmal wird ein Mensch vorbeigefegt,
Den hinten groß sein schwarzer Schatten schlägt

Die Füße tanzend wie von Silber leicht.
Der Sturm, der feige seine Locke streicht.
Und wirbelnd wirft er schräge Blicke um.
Und seine Flügelschultern zittern stumm.

II

In niedren Gassen stehen Kinder klein,
Mit Zwiebel-Köpfen um ein Feuerlein.
Und Krüppel wohnen in der Höfe Tor
Und reichen ihre Knochenfüße vor.

Und mancher Baum wird in der Nacht entlaubt,
Der Regen fällt auf manches Trunknen Haupt.
Ein kleines Licht am Fensterrand gesteckt,
Wo jemand sterbend seine Klauen streckt.

Die Wächter wandeln sanft und tuten hell
Luft-Diebe springen über die Türen schnell.
Auf einmal fällt ein breiter Lampenschein
Vom Mond-Gehöfte in die Nacht hinein.

НОЧЬ

I

Полночь снизу желта, как дождь.
Черная река разлилась от туч.
Там, на берегах, — дома не дома.
Их размывает и глотает тьма.

Старые переулки кривятся в ночь.
Фонарь в воротах красен, как клич.
Человека сметает то тут, то там,
Но огромная тень за ним по пятам.

Пляшет буря — в серебре брызг.
Пляшет буря — кудри вразброс.
Взоры вихрем — острее ножа.
Два крыла взвились и свились, дрожа.

II

В переулках малютки — луковкой голова.
Светятся фонарики едва-едва.
Что ни двор — то калекам сбор,
И каждый обрубок вперед, как в спор.

Деревья голые, а ветер свеж.
Пропойце дождь промывает плешь.
Светится окошко — в окошке тот,
Кто ломает руки и смерти ждет.

Бродит стражник и трубит в рог.
Вор перескакивает порог.
И полосую рассекает луч
Лунных удолий земную ночь.

ARABESKE

Im Feld, das dunkelt unter fahlem Zorn
Des wettersdiwarzen Himmels, tanzet bleich
Ein Irre durch der Schatten-Träume Reich,
Wie eine Flamme in dem stummen Korn.

Er singt und summt. Und eine Distel schwing
Er stolz wie eine Rose in der Hand.
Auf seinem greisen Haupte schellt und klingt
Ein Narrenhelm statt einem Königsband.

An langen Tafeln ging ihm manches Fest,
Der eine Rübe schmäählich nun verdaut.
Indes auf seinen Schritt aus feistem Nest
Im Halmetor ein alter Hamster schaut.

Er hatte drei der Töchter. Welche nur?
Er war ein König vor geraumer Zeit.
Wie lange schon, daß er von dannen fuhr,
Zu wandern durch der Himmel Einsamkeit.

Der schwarze Sturm, der sich am Himmel t
Löscht eines düstren Abends banges Licht.
Aus abgestorbenen Eichen jagt und stürmt
Ein Rabenvolk, wie schwarzer Schneefall di

Ein böses Tier schreit in dem toten Wald,
Ein fabelhafter Löwe. Und sein Fell
Scheint gelb hervor. Ein Blitz. Und weithi
Der laute Donner durch die Wolken grell.

АРАБЕСКА

Под белым гневом грозовых небес
В потемневшем поле кружится в плясе,
Как столб огня в онемелом жите,
Безумец в царстве своих теней.

Поет, гудит и гордо, как розу,
Колышет в пальцах чертополох.
На седой голове его, как тиара,
Звякает и брякает железный колпак.

Он пировал за длинными столами,
А теперь лишь репа в его утробе.
И старый хомяк из сытного гнезда
Следит сквозь солому за буйным плясом.

Были у него три дочери. Какие?
Был он король в былые времена.
Ах, как давно он покинул королевство
И пустился в просторы пустых небес.

В небо громоздится черная буря,
Застилая узкий тусклый закат.
С вымерших дубов она вспугивает
Стаю ворон, как черный снегопад.

В мертвой чаще кричит злой зверь —
Лев из сказки. Желтеет шкура.
Молния.
И по ярким облакам — гулкий гром.

-

Der Mond erschrickt. Er kriecht in einen Baum,
Der schwarz sich hebt aus dunklen Wiesen fern.
Und vor dem Sturm einher am Himmelsraum
Entfliegt mit schnellem Flug der Abendstern.

Пуганый месяц заползает в дерево,
Над темным лугом черное вдали.
И от набегающей бури мчится
В крути небес вечерняя звезда.

O WEITER, WEITER ABEND

O weiter, weiter Abend. Da verglühn
Die langen Hügel an dem Horizont,
Wie klarer Träume Landschaft bunt besonnt.
O weiter Abend, wo die Saaten sprühen.

Des Tages Licht zurück in goldnem Schein.
Hoch oben singen Schwalben; winzig klein.

Auf allen Feldern glitzert ihre Jagd,
Im Wald des Rohres und in hellen Buchten,
Wo hohe Masten stehn. Doch in den Schluchten
Der Hügel hinten nistet schon die Nacht.

О, ДАЛЬНИЙ, ДАЛЬНИЙ ВЕЧЕР

О, дальний, дальний вечер. Выгорают
На горизонте длинные холмы,
Все в пестром солнце самых светлых снов.
О, дальний вечер, золотые восходы
Посевов света, высеянных днем.

Щебечут ласточки, едва видны в выси,
Их ловля — блеск над полем и над лугом,
Над камышом и над прибрежной светлой
Водой, где мачта к мачте — точно лес;
А за холмами в безднах уж гнездится ночь.

AUS GRÜNER WALDNACHT

Aus grüner Waldnacht ruft Gegurr der Tauben
Bald nah bald fern. Der Sonne Lichter irren
Ins Blätterdunkel. Kleine Vögel schwirren
Durch das Geranke und die Hopfentrauben.

Die großen Spinnen wohnen in dem Farne.
Voll blauen Scheines glänzt ihr Netz wie Tau.
Sie gleiten schnell auf ihrem schwanken Bau,
Und weben enger ihre weißen Garne.

Ein hohler Baum, vom Donner einst gespaltet
Vergeßner Zeit. Doch grünt noch sein Geäst.
Im Laube wohnt ein Schwan, der auf das Nest
Den schwarzen Mantel seiner Schwingen faltet.

Der alte Waldgott schläft im hohlen Baum.
Die Flöte graut von Moos, die ihm entsank.
In seiner Hand verflog der dünne Trank
Der kleinen Rehe in dem langen Traum.

В ЗЕЛЕНОМ СУМРАКЕ

В зеленом сумраке воркотня голубей
То ближе, то дальше. Солнечные лучи
Заблудились в листьях. Свиристыят
Птички в порослях вьющегося хмеля.

В папоротниках свились большие пауки.
Синее их кружево сверкает росой.
Они быстро бегают, колебля ткань,
Гуще выпрядая белые нити.

Пустое дерево с позабытых времен
Расколото молнией, но все в листве,
И в зелени лебедь сложил над гнездом
Черные складчатые крылья.

В пустом дупле седой лесовик
Дремлет с флейтою, засосанный мхом,
И во сне на вытянутой его руке
Сохнет питье для маленьких оленей.

PRINTEMPS

Ein Feldweg, der in weißen Bäumen träumt,
In Kirschenblüten, zieht fern über Feld.
Die hellen Zweige, feierlich erhellt
Zittern im Abend, wo die Wolke säumt.

Ein düstrer Berg, den Tag mit goldnem Grat,
Ganz hinten, wo ein kleiner Kirchturm blinkt.
Des Glöckchen sanft im lichten Winde klingt
Herüber goldnen Tons auf grüner Saat.

Ein Ackerer geht groß am Himmelsrand.
Davor, wie Riesen schwarz, der Stiere Paar,
Ein Dämon vor des Himmels tiefer Glut.

Und eine Mühle faßt der Sonne Haar
Und wirbelt ihren Kopf von Hand zu Hand
Auf schwarze Au, der langsam sinkt, voll Blut.

PRINTEMPS

Замечтавшись в белом цветенье вишен,
Дорога тянется в даль полей.
Светлые ветры трепещут в праздничном
Огне заката, где облачко в выси.

Темная гора очерчена золотом
Заходящего дня. На ее плече...
Церковка осыпает ласковым ветром
Золотые звоны в зеленый сев.

На краю небес вырастает пахарь,
Перед ним два черных огромных вола...
Это демон пред пышущим жерлом неба.

И черная мельница хватает солнце
За рыжие волосы, и раскруживает, и мечет
В черный дол умирать в крови.

AUTUMNUS

Der Schwäne Schneeweiß. Glanz der blauen Flut.
Des breiten Strandes Gelb, das flach verläuft.
Gelärm der Badenden und Freude laut
Der braunen schlanken Leiber, die mit Zweigen
Sich peitschen blankes Wasser auf das Haupt.

Doch aufwärts steigt der Wald in blauen Farben
Des Nachmittags. Sein breites grünes Haupt
Ist sanft gerundet in den blassen Himmel
Der zitternd austreut frühen Herbstes Licht.

Weit an dem Stromtal zieht das Hügelland
Sich fern hinab, mit bunten Wäldern voll
Und voll von Sonne, bis es hinten weit
Verschwimmend tief in blaue Schatten taucht.

AUTUMNUS¹

Белоснежность лебедей. Синь потока.
Прожелть берега, легшего плашмя.
Шум купальщиков, звонкое веселье
Загорелых гибких тел. Они ветками
Выше лбов взбивает белую пену.

А в послеполуденной синеве
Возвышается лес. Широколиственный,
Он круглится ввысь, где бледное небо
Сеет трепетный свет начальной осени.

Над речной долиною вдаль
Тянутся холмистые склоны
В пестрых рощах, сплошь солнечных, пока
Не затопят их голубые тени.

¹ Осень (лат.).

DIE DAMPFER AUF DER HAVEL

Der Dampfer weißer Leib. Die Kiele schlagen
Die Seen weit in Furchen, rot wie Blut.
Ein großes Abendrot. In seiner Glut
Zittert Musik, vom Wind davongetragen.

Nun drängt das Ufer an der Schiffe Wände
Die langsam unter dunklem Laubdach ziehn.
Kastanien schütten all ihr weißes Blühn -
Wie Silberregen aus in Kinderhände.

Und wieder weit hinaus. Wo Dämmerung legt
Den schwarzen Kranz um einen Inselwald,
Und un das Röhricht dumpf die Woge schlägt.

Im leeren Westen, der wie Mondlicht kalt,
Bleibt noch der Rauch, wie matt und kaum bewegt
Der Toten Zug in fahle Himmel wallt.

ПАРОХОДЫ НА ХАФЕЛЕ

Белое брюхо парохода. Вспоротые
Разбегаются борозды, красные, как кровь.
Большой закат. И в его жару
Трепещет музыка, донесенная ветром.

Берег теснится к пароводным бортам,
Тянущимся под темную зелень.
Каштаны осыпают в детские руки
Свой белый цвет, как серебряный дождь.

И снова ширь. Там, где сумерки черным
Венцом овенчали лесистые острова
И плещут волны в глухом камыше,

Там, где на западе, холодном, как лунный
Свет, застыла дымная полоса...
Дорога мертвых в бледное небо.

WO EBEN RAUSCHTEN NOCH DIE KARUSSELLE

Wo eben rauschten noch die Karusselle
In weißem Licht zum Lärme der Musik,
Die Wolke Dampfs beglänzt ins Dunkel stieg,
Und hoch sich schwang des Riesenrades Welle.

Wo zwischen Buden sich die Leute schoben,
Wo heisere Rufer schrien, und klang Geläut,
Und wo die Birken, wie von Schnee bestreut,
In weitem Kranze um den Platz sich hoben.

Da ward es stille nun mit einem Male.
Des Mondes rote Sichel schwamm im Schoß
Der tiefen Nacht. Die Birken wuchsen groß,
Steinbildern gleich in altem Marmorsaale.

ГДЕ ШУМЕЛИ, КРУЖАСЬ, КАРУСЕЛИ

Где шумели, кружась, карусели
В белом свете, литаврах и барабанах,
Где сверкающий дым взлетал во мраке
И вздымалось чертово колесо.

Где струилась толпа меж балаганов,
Гул гудел и кричали крикуны,
И березы, словно под снегом,
Обставали площадь большим кольцом, —

Разом стало тихо.
Красный серп поплыл в глубине
Черной ночи. И березы росли
Изваяньями в мраморных анфиладах.

DER TOD DER LIEBENDEN IM MEER

Wir werden schlafen bei den Toten drunten
Im Schattenland. Wir werden einsam wohnen
In ewgem Schläfe in den Tiefen unten
In den verborgnen Städten der Dämonen.

Die Einsamkeit wird uns die Lider schließen,
Wir hören nichts in unsrer Hallen Räumen.
Die Fische nur, die durch die Fenster schießen,
Und leisen Wind in den Korallenbäumen.

Des Meeres Seele flüstert an dem Kahn.
Des Abends schattige Winde sind die Fergen
Pfadloser Öde, wo der Ozean
Sich weithin türmt zu dunklen Wasserbergen.

In ihren Schluchten schweift ein Kormoran.
Darunter schwankt das Meer hinab zum Grunde.
Es dreht sich um. Und aus der glatten Bahn
Ragt Wrack auf Wrack bis tief im Riesenschlunde

Auf morschen Rahen sitzen die Matrosen.
Gerippe, weiß, die ein der Maelstrom zog.
Zuschauern gleich in der Arena Tosen,
So schau'n sie in den bodenlosen Trog.

Der Maelstrom wandert nahe an dem Bord
Des Bootes hin. Es schwankt. Es wehrt sich noch
Da schießt es ab. In weiße Tiefe fort.
Ein Punkt, versinkt es in des Trichters Loch.

СМЕРТЬ ЛЮБОВНИКОВ В МОРЕ

Мы будем с тобой, одинокие,
В преисподней, царстве теней
Жить и спать вечным сном между мертвыми
В потаенных демонских городах.

Нам смежит глаза одиночество,
И в покоях наших будет покой.
Только рыбки скользнут из окон в окна.
Только ветер в коралловых ветвях.

Морская душа перешептывается
С нашей лодкой. Вечерний бриз
Кажет путь в пустых бездорожьях,
Где валами дыбится океан.

Сквозь валы мчится птица корморан,
И под ней разверзается пучина.
Завивается вирой и громоздит
В глотке моря обломки на обломки.

Там, на сгнивших ряях, сидят скелеты
Моряков, захлестнутых в водоверть,
И глядят, как на бурную арену,
В глубь без дна.

Водоверть подбирается к нашей лодке.
Вот она качается, вот противится,
И уже вверх дном, и в белую глубь,
Черной точкой в сужающийся омут.

Wie eine Spinne schließt das Meer den Mund.
Und schillert weiß. Der Horizont nur bebt
Wie eines Adlers Flug, der auf dem Sund
In blauem Abend hoch und einsam schwebt.

Море, как паук, сжало жвалы.
Волны блещут белым блеском. И только
Небо напряглось, как орлиный взмах
Синих крыльев над закатной пучиной.

LICHTER GEHEN JETZT DIE TAGE

Lichter gehen jetzt die Tage
In der sanften Abendröte
Und die Hecken sind gelichtet,
Drin der Städte Türme stecken
Und die buntbedachten Häuser.

Und der Mond ist eingeschlafen
Mit dem großen weißen Kopfe
Hinter einer großen Wolke.
Und die Straßen gehen bleicher
Durch die Häuser und die Gärten.

Die Gehängten aber schwanken
Freundlich oben auf den Bergen
In der schwarzen Silhouette,
Drum die Henker liegen schlafend,
Unterm Arm die feuchten Beile.

ДНИ ПРОЗРАЧНЕЙ СХОДЯТ В ВЕЧЕР

Дни прозрачней сходят в вечер,
И нежней глядят закаты
В поределые ограды,
За которыми — толченье
Пестрых крыш меж круглых башен.

И луна заснула в небе
Круглой белой головою
За светящеюся тучкой,
И бледнеют переулки
Меж домами и садами.

Только висельники дружно
Пляшут пляску под горою,
А под черным их биеньем
Палачи лежат и дремлют,
Не отерши крови с лезвий.

DIE STÄDTE IM WALDE II

In großen Wäldern, unter Riesenbäumen
Darunter ewig blaues Dunkel ruht,
Dort schlafen Städte in verborgnen Träumen,
Den Inseln gleich, in grüner Meere Flut.

Das Moos wächst hoch auf ihren Mauerkränzen.
Ihr alter Turm ist schwarzer Rosen Horst.
Sie zittern sanft, wenn wild die Zinnen glänzen,
Und rot im Abend lodert rings der Forst.

Dann stehen hoch in fließendem Gewand,
Wie Lilien, ihre Fürsten auf den Toren
Im Wetterschein wie stiller Kerzen Brand.

Und ihre Harfe dröhnt, im Sturm verloren,
Des schwarzer Hauch schon braust von Himmels Rand
Und rauscht im dunklen Haar der Sykomoren.

ЛЕСНЫЕ ГОРОДА II

В дремучих чашах под исполинскими
Спит стволами вечно-синяя тьма
С городами, утонувшими в снах,
Как архипелаги в зеленом море.

Обомшели венцы их стен,
Башни их — гнездо черных роз,
Их зубцы блестят и трепещут,
Когда красным закатом пылает чаша.

И тогда, как тихие свечи в бурю,
В ризах, как лилейные лепестки,
Над воротами встают их князья,

Арфами звеня навстречу
Черной буре, вставшей от небосклона
И уже шумящей в космах смоковниц.

GEWÖLKE GLEICH

Gewölke gleich, das stirbt in dürrer Stille
Im götterlosen Herbst auf kahler Flur,
Zerflossen alle Träume. Und wir lagen
Bei Krügen, schal und leer, und welkem Kranz.

In Morgen-Wehmut schien es zu zerrinnen,
Was eben noch im Träume-Feuer glomm.
Ich hörte in mir dumpf den Schall der Türen,
Die schlugen hinter ihren Schatten zu.

Du ruhtest noch, verwelkt, im frühen Schlummer
Der sich von deiner Schläfe langsam hob,
Und wie ein Trauermantel kühlen Fluges
Im Dunkel sich der Stuben klein verlor.

Ein weißes Licht ging über deine Augen.
Du wachtest auf und krochst an meine Brust,
Und ich, wie eine Distel dürr und trocken,
Verborg in flache Küsse deine Stirn.

Vergiß. Und komm. Daß ich, Ischariot,
Noch einmal deines Mundes Flammen wecke,
Und singen kann. Daß ich die Lider schließe
Und wie ein Schiff auf roten Finsternissen.

Durch blasse Sterne, die versinken wollen,
In leere Weiten treibe und den Tod,
Den Vögeln gleich, die unter großem Fittich
Verbergen hoch ein böses Morgenrot.

РАЗВЕЯЛИСЬ, КАК ОБЛАКА

Развеялись, как облака в сухой
Тиши полей и осени без Бога,
Все сны. Лежали мы, не чуя сил,
И кружки пусты, и венки измяты.

Что жгло нас в сновиденьях, как огонь,
То растекалось в утреннем похмелье.
Я слышал, как во мне за дверью дверь
Захлопывалась вслед за их тенями.

А ты спала, без сил, и надо лбом
Твоим клубилась ранняя дремота,
Но скорбный взмах ее кончал полет,
Теряясь в тесной темноте каморки.

Свет лег на пробужденные глаза,
И ты вскочила и ко мне припала.
А я, иссохший, как чертополох,
Покрывл твой лоб прокладцей поцелуев.

Забудь. Приди. Чтоб я, Искарриот,
В твоих устах вновь пробудил бы пламень,
И вновь запел, и вновь, смежив глаза,
Уплыл бы, как корабль по красным мракам,

В пустую даль, где ожидала смерть
Меж бледных звезд, томящихся к закату.
Как птицы, под крылом большим и тяжким
Скрывающие в небе злой рассвет.

SEHNSUCHT NACH PARIS

Wenn durch den Abend Frankreichs, der der Weiße
Der Königsilien ihres Wappens gleicht,
Wie Honig süß, der Sonnentag, der heiße,
In honiggelbe Himmel ferne weicht,

Dann zittern von Montmartre viele Glocken,
Und grüßen ihn und seinen goldnen Glanz.
Doch auf Paris, der alten Schönen Locken,
Glühn rote Wolken wie ein Hochzeitskranz.

Halb März, halb Herbst, voll trauriger Essenzen,
Wer je den Wind in seine Lungen trank,
Wenn rot die Türme Notre Dames erglänzen,
Er ist nach dir vor wilder Sehnsucht krank.

Dein Taumelkelch, umwunden schwarz mit Rosen,
Nachtschattengift erschüttert ihm das Blut,
Und westwärts schaut er immer, wo ihn kosen
Die Winde Frankreichs mit verhaltner Glut.

Paris, Mutter der Kunst, und jeder Größe
Die wie der Sieg auf deiner Stirne schwebt
Und deiner altersgrauen Schläfe Blöße
In einen Wald von Lorbeer stolz begräbt.

Wo tief in deinem Schoß im Sarkophage
Vom Fittich seiner Adler überwacht,
Der Kaiser schläft, und leise Totenklage
Im Dome wandert durch die Mitternacht.

ТОСКА О ПАРИЖЕ

Когда по вечернему небу Франции,
Белому, как лилии ее королей,
Солнечный жар уплывает в дали,
Сладкий, как мед, и желтый, как мед,

Тогда Монмартр трепещет колоколами,
Золотому блеску звеня: «прости»,
А над серыми кудрями Парижа светятся
Свадебным венцом красные облака.

Полувесна, полуосень, полная
Грусти! Кто пил дыханье твое
В час, когда башни собора Богоматери
Светятся красным, — тот болен о тебе.

Твоя хмельная, увитая черными
Розами чаша вливает ночной
Яд в его кровь, и он смотрит в запад,
Где Франция вьет ему ласковым теплом.

Отчизна искусств и всех величий,
Обвивших победами гордый лоб,
Твои поседелые сны открыто
Гордым лавром осенены...

Там, где в лоне твоём глубоко
В саркофаге под крыльями боевых
Орлов покоится император
И полночным стоном звучит собор.

Wo wie ein Wald die alten Fahnen stehen,
Die durch Ägypten trug die Legion.
Sie rauschen manchmal noch, die Tücher wehen
Wie Küsse sanft deinen toten Sohn.

Doch morgens brennt im Osten auf der Seine
Im Häusermeere wie ein Sturm-Fanal
Im Mastenwald, im Meer der schwarzen Kähne
Die Sonne blutig, wie ein großer Gral.

Vom roten Wein gefüllt bis an die Borde,
Vom Wein der Freiheit, der das Herz beschwört,
Und auf der weiten Place de la Concorde
Aus Dantons Mund der Städte Zorn empört.

O großer Tag, da rote Donner grollten
Auf deiner Stirn, und blutig, fett und feist,
Des Königs armes Haupt im Sande rollte,
— Großes Paris, das altert und verwaist.

Noch blühn im Sommer deine Boulevards
Mit Linden voll, und zittert noch im Licht
Das Elysée, wenn auf den Champ de Mars
Sich zwischen Wagen drängt die Menge dicht.

Und Abend sinkt, wie Veilchen träumerisch,
Wie Veilchen welk. Der hohen Linden Duft
Weht von der Seine Ufern her, die frisch
Der Abendwind bewegt in lauer Luft.

Dann ziehn im Strom der bunten Boote viel
Am Park Vincennes vorbei, mit Immergrün
Den Mast umkränzt, und den gewundenen Kiel,
Wo, klein wie Sterne, rote Lampen glühn.

Aus niederen Spelunken schallt ein Lied,
Auf grauen Stirnen liegt der Lampe Licht

Где встали, как лес, знамена, с которыми
По Египту шел его легион,
И доселе нежными поцелуями
Овевают сына своего в гробу.

А поутру на востоке вспыхивает
Над судами Сены, над чащей мачт,
Над морем домов, как фонарь в буре,
Красное солнце, как великий Грааль,

По самый край наполненный алым
Вином свободы, чарой сердец,
И над широкою площадью Согласия
Город грозит Дантоновым ртом.

О день, когда красные рокотали громы
Вкруг чела твоего, и царская голова
Скатилась в песок, круглая и кровавая!
О, постаревший, осиротевший Париж!

По-прежнему летом твои бульвары
Липами цветут, и дрожат огни
Елисейских полей, когда экипажи
На Марсовом поле теснятся сквозь толпу,

И вечер плывет, грезящий, как фиалки.
Блеклый, как фиалки. И запах лип
Дышит высоко над берегом Сены
В свежем веянье вечернего ветерка.

И тогда по реке устремляется мимо
Венсенского леса пестрый поток
Лодок в зеленых венках на мачтах,
С красными фонариками на гнущем носу.

Из-под палубных дыр разносится песня.
На хмурые лбы падает свет.

In kleinen Fenstern, die mit Laub umzieht
Ein Weinspalier, das sich im Wind verflieht.

Den Fluß hinab, durch Park und Sommergarten.
Korndampfer schaukehl in den Häfen breit,
Wo Dirnen stehn. Auf ihrem Munde warten
Die Küsse, kalt, voll herber Bitterkeit.

Doch über dir, Paris, und deiner Pracht,
Die im Verblühen noch die Brüste spreizt,
Weit über dir, und der erwachten Nacht,
Die mit Laternenschein die Straßen beizt.

Weit über deinem Haus der Invaliden,
Des schwarzes Totenmal vorüberzieht,
Glänzt wie das Bernsteinrot der Hesperiden
Des Abendgottes goldnes Augenlid.

В маленьких окнах, увитых зеленью
Виноградных лоз, трепещущих на ветру.

Вниз по реке, мимо леса и парка
Пароходы с зерном теснятся в порт,
Где по длинной набережной ждут их девки
Горькими поцелуями холодных губ.

И все ж, Париж, над тобой, над твоею
Пышностью, гордой и в отцветший час,
Над тобой, над разбуженной тобою ночью,
Грызущей улицы блеском фонарей,

Высоко над твоим Инвалидным домом,
Черным памятником смертей,
Раскрывает, как янтарные створы рая,
Золотые веки вечерний бог.

LUNA

Schon hungert ihn nach Blut. In roter Tracht
Steht er, ein Henker, vor der Wolken Block
Und einer Pfauenfeder blaue Pracht
Trägt er am Dreispitz auf dem Nachtgelock.

Er springt auf einen alten Kirchen-Turm
Und ruft die Dohlen mit den Nacht-Schalmeien.
Sie springen auf den Gräbern unterm Sturm
Zu seiner Flöte weißem Totenbein.

Und das Gewürm, das einen Leib zerstört
Und eine letzte Trauermesse hält,
Es kriecht hervor, da es die Pfeife hört,
Die wie ein Sterbeschrei im Dunkel bellt.

МЕСЯЦ

Он хочет крови. В красном плаще
Он встал, палач, над плахами туч,
Синим пером, павлиньим пером
Вскинув на трезубце ночной соблазн.

Взмостясь на старую колокольню,
Он ночной свирелью скликает галок,
И галки скачут с могилы на могилу
Под белую свирель из берцовой кости.

И червь, зарывшийся в старый труп,
Чтоб воздать покойнику последний долг,
Выкарабкивается наружу, где
Мертвым криком во мраке взывает флейта.

DIE GEFANGENEN TIERE

Mit schweren Fellen behängen,
Mit riesigen Hörnern dumpf
Kommen sie langsam im Dunkel
Gekrochen auf zottigem Rumpf.

Sie reiben sich an den Stäben,
Ihr Auge ist wie ein Stein.
Und dann kehren sie um und tauchen
Wieder in Schatten hinein.

Auf einmal schreit es von fern,
Gekreisch, und lautes Gebrüll,
Entsetzen und riesiger Schrecken.
Es erstirbt und wird still.

Doch vor den Ufern springen
Reiher Sackend und schwach
Gespenstisch mit mageren Füßen
Unter der Bäume Dach

Wie Gestorbene wollen
Ins Haus der Lebendigen ein.
Aber alles ist zu, und sie müssen
Weinen im Sturme allein.

ПЛЕННЫЕ ЗВЕРИ

Придавленные рогами,
Втиснутые в меха,
Они, лохматые, складчатые,
Вползают из темноты.

Они трутся о наши прутья.
Глаза их — каменный взгляд,
А потом они поворачивают
И снова ныряют в тень.

И только изредка, издали
Слышен их визг и рев.
Страх и громадный ужас.
Замрет, и вновь тишина.

Но в самом деле приплясывают
Цапли на берегу
На тонких ногах, как призраки,
В пуху, под листвой ветвей,

Как будто хотят покойники
Обратно в живой свой дом.
Но дом на замке, и можно
Только плакать в грозу.

DIE PFLANZENESSER

Dir, deren Blut von trüber Leidenschaft
Und von dem niedren Fleisch der Tiere rein,
Euch rollt in euren Stirnen heller Saft
Durch blaue Adern wie ein leichter Wein.

Durchsichtig seid ihr, wie die Gräser zart,
Und eure Arme sind wie Frauenhaar.
Wie feine Seide weich ist euer Bart,
Und eure Augen sind wie Wasser klar.

Wie Blumen sitzet ihr den Bach entlang,
Die Füße wurzeln euch in fettem Kraut.
Ihr höret gern auf der Libellen Sang,
Wenn ihr den Wellen nach gen Abend schaut.

Euch sind der Nächte Rätsel offenbar,
Die Schlangen rascheln über euren Pfad.
Sie singen leise, wenn im dunklen Jahr
Im Abendgraun der dunkle Fittich naht.

Der Atem zittert euch von Harmonie
Darinnen ihr wie ernste Heilige wohnt,
Dem Monde gleich, in goldener Magie,
Der in der Regennacht in Wolken thront.

Die Hände vor der Brust, wie Lotos weiß,
Gefaltet wie ein altes Buddhabild,
Fangt ihr der Abendsonne roten Kreis,
Der, eine Frucht, in eure Lippen quillt.

ПЛОДОЕДЫ

Вы, чья кровь от изменных страстей,
Как от животной плоти, чиста,
Вы, струящие в жилах лбов
Сок, голубой, как светлое вино,

Вы прозрачны, вы — как легкая трава,
Ваши руки — как пряди женских кудрей,
Ваши бороды — мягкие, как тонкий шелк,
Ваши очи — ясные, как вода.

Вы сидите вдоль берега, как цветы,
Ваши ноги корнями проросли в земле,
И вам любо слушать стрекозий звон,
Глядя на волны в вечерний час.

Ночные загадки — для вас их нет.
Змеи шуршат на ваших путях
И тихо поют, когда в черный час
Вечерним крылом повеваает мрак.

В строгой святости — ваша жизнь,
Трепещет гармонией каждый вздох.
Так ночью месяц сквозь тучи и дождь
Восседает в выси золотым волхвом,

На белой, как лотос, груди скрестя
Руки, как Будды минувших дней.
Вы губами ловите закатный диск,
И он набухает в них, как красный плод.

Dann seid ihr alten Tempelvasen gleich
Aus blauem Stein, vom Opferrauch gegerbt.
Der Abendstern steigt auf am Himmel bleich,
Der seltsam eure tiefen Augen färbt.

Und während ihr die Brust wie Schläfer hebt,
Sinket ihr langsam in Meditation.
Hinter dem Vorhang eurer Lider schwebt
Der Höllenengel fahle Vision.

Ein Dämon, der im weiten Himmel schweift,
Senkt die Geheimnisse in euer Herz.
Und da euch kalt des Mondes Sichel streift,
Ziehn eure Stirnen sich in feinem Schmerz.

Тогда каждый из вас — как святой сосуд
Из синего камня, в дыму от жертв,
И всплывшей в небо вечерней звезде
Не проникнуть лучом в глубь ваших глаз.

Как во сне, вздымается ваша грудь,
В созерцанье погружаетесь вы, как в топь.
За плотной занавесью ваших век
Ангелы ада тусклый вершат полет.

Демон, клубящийся в небесах,
Роняет тайны в ваши сердца,
И в ваших лбах — лишь тонкая боль,
Когда ссекает их лунный серп.

EIN HERBST-ABEND

Du bist in einem alten Park geboren
Des Däfte, schwarz von Ulmen und Zypressen,
In deine Tage frühe Schatten warfen.

Warum sind sonst so traurig deine Wimpern
In dunkle Melancholie verloren
Wie an dem Herbstweg eines Blinden Harfen.

In Trauerweiden bist du einst gegangen,
Die vorbedeutend deinen Scheitel schlugen,
Und zittern sahst du dich in tiefen Bronnen.

Aus ihren Büschen, wenn die Schwestern riefen,
Wenn ihre hellen Stimmen fern verliefen,
Dann standest du in einen Traum versonnen.

Auf eine niedre Mauer sanft gelehnt,
Und spiegeltest die weiße Stirn so gern
In grüner Himmel müden Abendsonnen.

Wir trafen uns in Wald und bösem Sterne,
Da des Saturns gelbhaariger Fittich flog
Durch Waldes Wirrsal. Und in Waldes Ferne.

Der Weg im Ausgang stand im Donner-Licht.
Und wie verstockt von Schwüle sog das Blut
In unsrer Hand. — Vergiß der Stunde nicht.

Und zähle jede, die durch deine Hände
In leere Luft zerrinnt. Vielleicht, daß bald
Du einsam starrest in die toten Wände.

Und daß dein Rufen ungehört verhallt.

ОСЕННИЙ ВЕЧЕР

Родилась ты в старинном парке,
Где от вязов и кипарисов
Черный запах оттенял твое детство.

Зачем же твои ресницы
Теряются в темной грусти,
Как струны слепца на осенних тропах?

Ты вступила под плакучие ивы,
Не дававшие ходу, ты взглянула,
Как дрожит твое лицо там, в колодце.

Из кустов тебя кликали сестры,
Голоса их далеко звенели,
А ты стояла, опершись на ограду,

Окунувши лоб в сновиденъс,
И твой белый лоб отражался в солнце,
Поникающем с зеленого неба.

Мы встретились в лесу под недоброй
Звездой желтокрылого Сатурна
В вихре веток. И только в дальних дальях

В блеске грома виднелся выход.
Знойный кровопийца сосал нам руки.
Помни этот час, помни каждый

Проструившийся у тебя сквозь пальцы
В пустой воздух. Может быть, скоро
Обступят тебя мертвые стены,

И никто уж тебе не ответится.

DER GALGENBERG

Wir wurden auf den kahlen Berg geführt.
Wir sahen in den Lüften die Gerippe,
Die Hände auf dem Rücken festgeschnürt.
Im Winde sprang und tanzte ihre Sippe.

Wir stiegen auf den Leitern in den Kreis,
Sie grüßten uns mit einem leichten Gruße.
Die Haare klebten uns vom kalten Schweiß,
Da stieß uns fort der Henker mit dem Fuße.

Wir stürzten in das Nichts. Und da zerbrach
Mit einem Ruck der Knochen im Genicke,
Versanken wir in Träume allgemach,
Zu langem Schläfe hingen wir am Stricke.

Wir schliefen manches Jahr auf hoher Wacht.
Die Trauer schmolz uns aus im Luftgemache.
Wir wachten auf in einer Regennacht,
Da grüßten wir uns mit der Totensprache.

Wir waren kahl geworden, Jahr auf Jahr.
Kaum sproßte noch das Haar in weißen Strähnen.
Die Kiefer hingen schon, des Fleisches bar,
Wie alten Greisen, die den Tag vergähnen.

Doch jung ward in den Stürmen unser Hirn.
Wir tanzten an dem Strick mit lautem Tanz.
Statt Blumen trugen wir auf unsrer Stirn
Des Galgens Pech in einem schwarzen Kranz.

ХОЛМ ВИСЕЛЬНИКОВ

Нас взвели на лысую гору.
Мы увидели в воздухе костяки.
Веял ветер, и костяки плясали
С крепко связанными запястьями за спиной.

Мы взобрались в их круг по лестницам.
Мы услышали их мрачный привет.
И холодным потом облипли волосы,
Когда пнул нас палач в пустой провал.

И мы рухнули в ничто. От толчка
Позвоночники хрустнули в загровке.
И по виселичной веревке
Мы скользнули в долгий-предолгий сон.

Год за годом на той высокой страже
Нас сушило горе в воздушном сне.
Просыпаясь дождевыми ночами,
Мы приветствовались на мертвом языке.

Год за годом лысели наши головы,
Редко-редко билась белая прядь.
Отвисали безмясье челюсти,
Старческой зевотой зевая в день.

Но не старился в бурях мозг.
Мы плясали наш танец на веревке,
А на лбах вместо венчиков из цветов
Черным кругом ложилась трава от виселицы.

Wir wurden langsam braun von Zeit und Rost.
Der Hemdenstrick war unser Ordensband.
Wir hielten still, wenn nachts der Winterfrost
Den weißen Turban um das Haupt uns wand.

Wir sahn im März des Erdgotts Häupter steigen
Mit braunen Locken an des Landes Decke.
Den Frühlingssturm und warmer Winde Reigen.
Am Galgen schoß das Kraut im kahlen Flecke.

Wir sahn die Hügel voll mit kleinen Pflügen,
Des Landes weiten Sommer zu umfahren.
Wir tranken seinen Duft mit vollen Zügen,
Wenn er im Felde schlief mit gelben Haaren.

Wir säten Mißwachs aus. Schwarz stand das Korn,
Die Sommernächte wurden feucht und kalt.
Die Nesseln schössen wie ein Kiefernwald.
Aus nassen Äckern wand sich Dorn um Dorn.

Wir sahn die Dörfer leer von unsrem Berge.
Die schwarzen Kasten schwankten uns vorbei.
Der Erde offnes Maul ergriff die Särge,
Zermalmte in den Kiefern sie zu Brei.

Wir sahn die Pest am Rand der Wälder stehen,
Die Kutte saß ihr voll aufprallen Weichen.
Wir sahen nachts den Tod im Lande gehen,
Die Länder mähend mit den Riesenstreichen.

Wie tanzten wir in kühler Julinacht,
Da Sarg auf Sarg zur offenen Kelter fuhr.
Der gelbe Mond ging auf im Regen sacht,
Und warf der Tänzer Schatten durch die Flur.

So war es einst. Jetzt bin ich alt und grau,
Verwittert von den Stürmen und der Zeit.

Мы темнели от времени и от гнили,
В опоясках из вервий, все, как один;
Застывали, когда ночной мороз
Белой повязью кутал наши головы.

И мы видели: в марте по равнине
В хороводе погоды и непогоды
Прорастал многоглавый русоволосый
Бог земли, а в столбах цвела трава.

И мы видели: в широкое лето
Холм опахивали маленькие плуги,
Дыбились поля желтым волосом,
И мы пили наплывающий аромат.

И мы сеяли порчу. Зерно чернело,
Ночи стыли холодами и сыростью,
Зубьями вставала крапива,
В мокрых пашнях возрастал чертополох.

И мы видели: деревни пустели.
Колыхались мимо длинные черные
Ящики, их хватала земля
И размалывала челюстями в кашу.

И мы видели чуму на опушках,
В черной рясе, с бубонами в паху,
И мы видели смерть в ночных полях,
Исполинской косящую косою.

Мы плясали, когда в июле везли
Гроб за гробом к разинутым точилам;
И в дождливой прохладе желтый месяц
Тени пляшущих ронял на траву.

Все прошло. И уже я стар и сед,
Выветренный грозами и годами,

Der Brüder Schädel wäscht der Morgentau
Im Unkraut weiß, wo sie der Wind verstreut.

Schon sind die Stricke alle leer und faul.
Wann wächst am Galgenbaum noch solche Frucht?
Der Regen sickert durch das offene Maul
Der weißen Schädel in der grünen Schlucht.

Wie einsam ist es nun im Frührotschein.
In Winterkälte frier ich wie ein Kind.
Der Juli glüht mir heiß im Schläfenbein.
O rissen doch die Stricke in dem Wind.

Wie geht die Zeit. Wie bleich sind Nacht und Tag.
Des Herbstes Leid wohnt mir in weißen Brauen,
Und immer hör ich Schrei und Flügelschlag
Der Dohlen, die im Haar mir Nester bauen.

И белеют черепа моих братьев
В сорняках, обрызганные росой.

Все веревки пусто повисли.
Скоро ли в них вызреет новый плод?
Дождь
Каплет в зелень сквозь лысые дыры черепа

Как теперь я одинок на заре.
В зимней стуже я зябну, как дитя.
Жар июля сочится в меня сквозь темя,
На ветру обрывается веревка.

Длится время. Блекнут ночи и дни.
Осень болью живет в белых глазницах.
И не молкнет крик и хлопанье крыльев
Галок, выющих гнезда в моих волосьях.

DER HERBST

Viele Drachen stehen in dem Winde,
Tanzend in der weiten Lüfte Reich.
Kinder stehn im Feld in dünnen Kleidern,
Sommersprossig, und mit Stirnen bleich.

In dem Meer der goldnen Stoppeln segeln
Kleine Schiffe, weiß und leicht erbaut,
Und in Träumen seiner leichten Weite
Sinkt der Himmel wolkenüberblaut.

Weit gerückt in unbewegter Ruhe
Steht der Wald wie eine rote Stadt.
Und des Herbstes goldne Flaggen hängen
Von den höchsten Türmen schwer und matt.

ОСЕНЬ

Встали в белом воздухе драконы
И танцуют на большом ветру.
Встали в поле дети, как колосья,
Чуть одеты, лбами в вышину.

По морю соломенные лодочки
Золотые носят паруса.
По небу, подернутому облачком,
Невесомо голубеют сны.

Там, вдали, в незыблемом покое,
Словно красный город — красный лес,
И осенний, тяжкий, позолоченный
С самой главной башни свешен стяг.

DIE MÜHLEN

Die vielen Mühlen gehen und treiben schwer.
Das Wasser fällt über die Räder her
Und die moosigen Speichen knarren im Wehr.

Und die Müller sitzen tagein, tagaus
Wie Maden weiß in dem Mühlenhaus.
Und schauen oben zum Dache hinaus.

Aber die hohen Pappeln stehn ohne Wind
Vor einer Sonne herbstlich und blind,
Die matt in die Himmel geschnitten sind.

МЕЛЬНИЦЫ

Мельницы ворочаются с трудом.
С силой бьет в ступицы вода.
Замшелые спицы скрипят в запруде;

Мельники в мельне, как белые червяки,
Засевши от зари до зари,
Из-под ладоней глядят на кровли.

Но ветра нет, и прямые тополя
Вырезались в небе выцветшей полосой
Перед слепым и осенним солнцем.

DER AFFE

I

Er zittert oben hoch auf dem Kamel
In einem roten Rock auf seinem Brette.
Er klettert schnell herab auf den Befehl
Und schleift am Fuße nach die dünne Kette.

Er hüpfst auf einem Bein. Er schlägt behende
Das Tamburin und bläst auf der Schalmei.
Dann geht er ab den Kreis und streckt die Hände
Nach Pfennigen aus, und dankt wie ein Lakai.

In seinem Auge rollt ein Feuer, weiß
Kalt wie ein Frosch, und seine Stirn gerinnt
In viele Runzeln, wie ein Greis
Uralt, und wie ein neugebornes Kind.

II

Er hält der Schläfer und der Wagen Wacht
Und hockt auf einem Stein an der Chaussee.
Tief in ihm klopft das Rätsel, und die Nacht
Des Eingekerkerten, das dunkle Weh.

Es kratzt in ihm nach einer kleinen Pforte,
Er sieht sich um voll Angst und starrt herauf
Zum Kreis der Sterne, die dem dunklen Orte
Schwach leuchten, in der dumpfen Stunden Lauf.

Das dunkle Volk der flatternden Plejaden
Huscht wie ein Fledermäuse-Schwarm dahin.

ОБЕЗЬЯНА

I

Она дрожит на верблюжьем горбу
В красной куртке, на маленьком помосте.
По свистку она соскальзывает вниз.
И путается в ногах на тонкой цепочке.

Она волочит ногу. Она
Колотит в бубен и дует в дудку.
А потом обходит почтеннейшую публику
И за каждый грош выгибает спину.

В ее глазу перекатывается огонь,
Белый и холодный, как лягушка. И лоб
Сбегается в маленькие морщины,
Как у старика или у младенца.

II

Она сторожит фургон и спящих,
Взмостясь на камень возле дороги.
Глубоко в ее сердце стучит загадка —
Ночь заточника, темная боль.

Боль проскребается в ней наружу.
Она озирается и с тоской
Смотрит на тусклый круговорот
Звезд над темным миром в глухие часы.

В небе взмахом проносятся Плеяды,
Как черный рой летучих мышей.

Der Wagen zieht auf seinen, dunklen Pfaden
Stumm fort und ohne Last seit Urbeginn.

Es staunt das Tier. Da kommt mit gelbem Hut
Der Mond gerannt und stolpert durch den Grund.
Da duckt es sich, und matt verrollt sein Blut
Gebunden wieder in den Adern rund.

Тащится фургон по невидимым тропам,
Пуст и нем от начала времен.

Зверьку непонятно. Но уже из-за склона
В желтой шляпе вскарабкивается луна.
Обезьяна сгибается. И вновь ее кровь
Бледно и ровно обтекает жилы.

GINA

Noch weht um dich der Duft der großen Steppen,
Der Sommer Polens, und der Wogengang
Der Weizenfelder, wenn den Fluß entlang
Der Treidler Schultern große Flöße schleppen.

Tief, wie die schwarzen, herbstlichen Zisternen,
Die einsam stechen in das Morgenraun,
Sind deine Augen, die ins Weite schau'n
Aus engen Straßen nach den Wintersternen.

Du wurdest für ein wildes Pferd geschaffen,
Für einen Ritt durch Nächte und Gefahr,
Die Tschapka auf der Stirn mit Goldagrafen.

Darunter flatterte dein schwarzes Haar,
Und wie von Silber glänzten unsre Waffen,
Wenn durch die Mondnacht zieht der weiße Aar.

ДЖИНА

Вокруг тебя еще реют степи
Солнечной Польши, где ходят волны
Желтого жита, а вверх по рекам
Тянут бурлаки тяжелые барки.

Как осенние темные водоемы,
Одинок вонзившиеся в серое утро,
Твои глаза, из глубоких улиц
Устремленные в ширь, под зимние звезды.

Ты родилась для жестокой скачки
На диком коне сквозь грозные ночи,
В черной шапке с золотой пряжкой,

А под ней твои волосы бились в ветре,
И серебряным блеском сверкали наши сабли
В лунную ночь вслед Белому Орлу.

SAVONAROLA

Wie eine Lilie durch das Dunkel brennt,
So brennt sein weißer Kopf in Weihrauchs Lauge
Und blauer Finsternis. Sein hohles Auge
Starrt wie ein Loch aus weißem Pergament.

Verzweiflung dampft um ihn, furchtbare Qual
Des Höllentags. Wenn er die Hände weitet,
Wird er ein Kreuz, das seine Balken breitet
Auf dunklem Himmel, groß, und furchtbar fahl.

Er flüstert leise. Übertönt vom Schrein.
Ein Riese tanzt, der mit den Geißeln fegt
Das Meer der Rücken. Blutdampf steigt wie Wein.

Und sein Gesicht wird von der Wollust klein,
Vom Schauer eines Lächelns sanft bewegt,
Wie eine Spinne zieht die Beinchen ein.

САВОНАРОЛА

Как лилия сквозь тьму,
Так белая голова его горит
Сквозь мутный ладан и сквозь синий мрак.
Глаз его пуст, как дыра в пергаменте.

Отчаяние вокруг него кипит,
Как муки в судный день. Раскинув руки,
Он — словно крест с простертой перекладиной,
Бледный, большой и страшный на черном небе.

Он тихо шелчет. Его заглушает крик.
Это пляс гиганта, хлещущего море
Согбенных спин. Кровавый пар — как вино.

Сладострастье съезживает его лицо,
Дрожащее в усмешке. Так паучок
Поджимает ножку за ножкою.

TOD DES PIERROTS

Wo Herbstes Leier süß in Einsamkeit
Durch blauer Felder Sonnenschatten tönt
An rote Wolken, und die Wälder weit
Im Glänze stehn, der ihren Tod versöhnt.

Küßt ihn der Tod. Und goldner Abend träuft
Sein Blut auf weiße Stirn durch buntes Laub.
Schon schlummert er. Die wilde Rose häuft
Die Blüte seiner Brust, des Jahres Raub.

Ein Amselschlag in später Abendröte
Wie Dämmerung zart, vom Gift der Liebe krank.
Es zittert noch in seiner grünen Flöte
Der Wind, die seiner blassen Hand entsank.

Und aus dem Himmel, wo die Wolke zieht,
Die leicht, wie goldner Rauch, im Licht verrinnt,
Singt ihm ein weißer Schwan ein Totenlied,
Den langsam südwärts treibt der Abendwind.

СМЕРТЬ ПЬЕРО

Где осенняя лира одиноко
Над полями, синеющими в тени,
Сладко плачет в красные облака.
И леса блестят, не тронуты гибелью, —

Там целует его смерть. Золотой
Вечер каплет кровью на белый лоб
Сквозь узорную листву. Он в дремоте,
Он добыча осени в диких розах.

Вот поздний дрозд,
Нежный, как сумерки, больной, как любовь,
А зеленая свирель из поблекших пальцев
Выпала, и ветер дрожит в стволе.

Из небес, где тянутся облака,
Золотою дымкою тая в свете,
Белый лебедь поет ему смертную песнь,
Ветром с запада веемую к югу.

—

DIE TAUBEN

In Büschen, die wie große Feuer brennen,
Im Mittagswinde der verlassenen Heiden
Liegen sie lauschend mit den offenen Leiden,
Ob nicht der Sturm in ihre Ohren renne.

Der dort die Wälder jagt, und dort die stummen
Felder macht brausen und die Vögel schreien,
Doch ihrer Ohren Tor ist zu und bleien
Und unten nur ein Fluten dumpf und Summen.

Und ihre Seelen wollen sich empören
Es steigt in ihrem Blut wie große Meere
Darüber weißen Gänsen gleich ins Leere
Die Schiffe jagen, die die Stürme hören.

Sie harren schon der lauten Himmelsflammen
Im Wolken-Lärm und Sturm der dunklen Szene
Sie horchen auf den Ruf der Kapitäne:
Auf einmal ist es stumm und sinkt zusammen,

Wie Asche in sich sinkt, und wie ein Regen
Im Abend schräg, den ferne Wolken speien.
Sie fühlen nur der weißen Stille Schneien
Auf ihren Köpfen, die sich nicht bewegen.

So gleichend den verfallenden Altären
Sitzten de weit am Weg. Und es erweicht
Von Tränen ihr Gesicht, wenn traurig streicht
Der Nordwind aus der Stirn die weißen Haare.

ГЛУХИЕ

В кустах, горящих красным пожаром,
В лугах, забытых ветрами полдня,
Лежат они, слушая открытой болью,
Не грянет ли в уши большая буря,

От которой там гнутся леса, и плещут
Поля, и криком исходят птицы.
Но врата их слуха заперты. Скрип,
Звон и подземные глухие реки.

Но души их хотят вознестись,
В крови взмывает крутое море,
И над ним в пустоту, как белые гуси,
Летят корабли на звучанье бурь.

Они ждут, что пламенем грянет небо.
Треснут тучи, грозой ощерится темень,
И они услышат крик капитанов, —
Но нет. Все немо. Все никнет в тишь.

Как пепел в пепел. Как из плюющихся
Туч вечерний вкосую дождь.
Для них только белая тишина
Снега на лбах, уже неподвижных.

Как поверженные алтари,
Они лежат у дороги. Слезы
Увлажняют лицо, когда грустный северный
Вестер свест белые волосы со лбов.

AUS THÜRINGEN

Der weiten Buchen Tanzsaal zieht zu Tal
Auf Silbersäulen von der Waldung Kamm.
Im toten Laube glüht die Sonne fahl
Aus Regenwolken fort, auf gelbem Stamm.

Die grünen Halden ziehn, an Büschen reich,
Und Dornenhecken, Feldern im Geviert,
Ins Land hinaus, wo sich der Abend weich
Das Götterhaupt mit blassen Kränzen ziert.

ИЗ ТЮРИНГИИ

Бальный зал белых буков залег в долине
Меж серебряных колоннад на всхолмьях.
В мертвых листьях тускло пылает солнце,
Желтым стеблем вскинутое меж туч.

Кустистые зеленые склоны, терновыми
Изгородями четвертующие поля,
Протянулись вдаль, где ветер венчает
Блеклыми венками Божье чело.

AN DAS MEER

Dich grüßet noch das Land der Hesperiden
Im Untergang, mit Wäldern, rot betaut,
Wenn von den Bergen weit auf deinen Frieden
Des stillen Herbstes großes Auge schaut.

Und jede Nacht entzünden in den Steinen
Meergötter sich ein Feuer mit Gesang,
Wo Segel, die im Mondlicht fern erscheinen,
Ziehn wie ein Traum den Rand der Flut entlang.

Noch glänzet Joppe. Und noch schreiten immer
Die Frauen mit den Krügen aus dem Tor,
Wo deiner Buchten großer Rosenschimmer
Mit schwarzem Duft erfüllt der Locken Flor.

Noch rauscht der Nil hervor aus grünen Sternen,
Ein Brunnen still. Und das Geheimnis klingt
In weiter Wüstennacht in blauer Ferne,
Die bis zum Atlas mit dem Fittich schwingt.

Und Mauretania, das weitbeglänzte,
In seidenen Feldern, wie ein Goldhelm schön,
Wo einst Karthagos Flammen gelb umkränzte
Gellender Pfeifen Schrei und Meergetön.

Und aller Inseln windig bunte Stirnen
Hören noch immer deinen Sang, o Meer,
Wenn unter deines Gottes blauem Zürnen
Du brausend bäumst um Stein und Höhlen her.

К МОРЮ

Привет тебе с берега Гесперид,
Из закатных роз, обрызганных красным,
Когда с гор в твой глубокий мир
Большим глазом смотрит тихая осень,

И когда, что ни ночь, в твоих камнях
Твои боги высекают искры песен
И далекие в лунном свете паруса
Сном обводят водные крутозоры.

Еще блещет Яффа. Еще
У ворот ее — женщины с копилками.
Черный вздох их веющихся волос...
От зыбей твоих розовых заливов.

Из зеленых звезд шумит Нил.
Тих источник. Звонкая тайна
В синих далях ночных пустынь,
Распахнувшихся крыльями до Атласа,

В мавританскую шелковую степь,
Блеском краше золотого шлема,
Где когда-то крик стрел и гул пучин
В карфагенском желтом кипел пожаре.

Пестролобые острова
Еще слушают, море, твое пенье,
Когда, дыбась между гротов и скал,
Ты бушуешь гневом синего бога,

Und rauscht ihr Bergwald deinem Ton zusammen
Urewig brausend über wilden Pont,
Wenn nachts der Wetter rote Häupter flammen
Mit Feuerlocken weit im Horizont.

Manchmal ertönet noch der Hirtenflöte
Einsames Lied auf deiner Bläue fort,
Wenn, überrauht von großer Abendröte
Du leise schwimmst an ihrer Insel fort.

Dann liegen weiß von Stürmen und von Jahren
Die Wogen ruhig auf dem grünen Strand,
Seefahrern gleich, die manche Fahrt gefahren
Und kommen wieder in der Heimat Land.

Und etwas tauchen aus der Flut, der matten,
Gesichter, wesenlos vom Totenreich,
Wenn draußen weit in grauen Abendschatten
Der Mond heraufkommt mit den Hörnern bleich.

Ewiges Meer, im Land der Morgenfrühen
Gewiegt von Winden, wie ein Gott so rein,
Und wenn der Wolken große Städte ziehen
Im Abend in verwelkter Himmel Schein.

O Meer, ich grüße deine Ewigkeiten,
Das unter träumenden Gestirnen wallt,
Verlorner Wanderer, in die Nacht zu schreiten,
Ich, wie ein Horaruf, der schnell verhallt.

И тебе отвечает горный лес
Голос в голос вечному океану,
В час, как ночью красные волоса
С окоема к высям взметают грозы.

Иногда пастушья свирель
Одинок вьется меж синих далей,
Если ты, задыхаясь в пылу заката,
Вдруг отскальзываешь к ее островам.

И тогда на зеленой кромке белые
От годов и бурь спят валы,
Словно плователи, из долгих плаваний
Воротившиеся к родным берегам.

И встают из меркнувшего потока
Лики мертвых, позабывшие плоть,
Между тем как в серые сумерки
Месяц бледные вздымает рога.

Море вечное, море утреннее,
В качке ветра, чистейшее, как бог,
Над которым вечер светлыми полосами
Тянет гребни призрачных городов, —

Я приветствую, море, твою вечность
Снизу доверху, до дремлющих звезд,
Я, недолгий клич, потерянный путник,
Обреченный в ночи напаривать свой путь.

DER PARK

Blinde Scheiben sind im toten Hause,
Die sich halb verbergen in den Büschen.
Trübe Wege, wo die Winde wischen.

Jeder Pfad ist voll mit langen Klagen,
Hohe Bäume stehen mit Gesause
In des Herbstes Ausgang und Verzagen.

Fremdes Wort wird in dem Sturm vernommen,
Große Wolken sind im Haus zu sehen.
Die dort wohnen, sieht man, oft beklommen,
An dem Gittertor vorübergehen.

ПАРК

В мертвом доме окна, словно бельма,
Вполовину заросли бурьяном,
Ветер в серых мечется аллеях.

Стоном стонет каждая тропинка,
Ропщут вытянутые деревья,
Изошла отчаянием осень.

В буре — голос непонятной речи.
Кто глядит из дома — видит тучи.
Кто дышать не может в доме... бродит
У ворот, виднеясь за решеткой.

DER WALD

Ein stiller Wald. Ein blasses Königreich
Mit grünen Schluchten voll und Dorngerank.
Ein Wasser singt. Am Himmel fein und schlank,
Wie eine Kerze, brennt die Sonne bleich.

Der Abend aber geht mit dunklem Kopf
Und dunkler Mantelschleppe in dem Forst.
Aus hohen Eichen nickt mit schwarzem Schopf
Der Greife Volk aus ihrem roten Horst.

Und Goldgetier mit wunderlichem Prunk
Uralter Schnäbel krächzt im Baume grell
Und fliegt heraus, im wilden Winde schnell
Mit Schwingen groß in graue Dämmerung.

Tief in dem Wald ein See, der purpurrot
Wie eines Toten dunkles Auge glast.
In seinem wilden Schlünde tost und rast
Ein Wetter unten auf wo Flamme loht.

ЛЕС

Лесная тишь. Побледневшее царство.
Земные провалы и терновые заросли.
Поет ручей. Утонченную свечой
Догорает в небе выцветшее солнце.

В темном куколе, в темной мантии
Входит вечер в застывший лес.
С высокого дуба из красного гнезда
Черные хохлы вытягивают грифы.

Золотая птица, блестящий клюв,
Ярко шевельнувшись в древесных высях,
Вылетает в вихрь,
Распластавшись крыльями в серых сумерках.

Глубоко в лесу стекленеет озеро,
Красное, как мутный мертвецкий глаз,
И в дикой глубине, где плещет пламя,
Дышит и пышет прежняя гроза.

DER TRAUM DES ERSTEN ZWIELICHTS

Der Traum des ersten Zwielihts auf dem Tale
Des Grases Zittern, drauf die Kühle taut.
Die Wolken ziehen an dem Himmelsaale
In Farben, wie sie nie der Tag geschaut.

Die Reiligen der Nacht. Die Panzer sprühn
Das erste Licht. Auf breiten Marmortreppen
Die Hellebarden und der Helmzier Grün.
Der königliche Fall der Purpurschleppen.

Sie ziehen langsam zu dem Mond empor,
Zu Schlosse und Gemach, zu ruhen lang.
Wie einst der Duft der Rosen lag im Tor
Von Sybaris, die in den Schlaf versank.

НАД ДОЛИНОЙ – ДРЕМОТА РАННИХ СУМЕРЕК

Над долиной – дремота ранних сумерек,
Дрожь травы, прохлада росы.
Облака в небесном чертоге шествуют,
Горя красками, небывалыми днем.

Рыцари ночи. Струится с панцирей
Первый свет. Над мрамором ступеней
Блеск алебард и празелень шлемов,
Королевский шаг и мантия вслед.

Они медленно всходят к белому месяцу,
К замкам и покоям, в которых покой.
Так когда-то дышали розы в воротах
Города сибаритов, канувшего в сон.

DER HERBSTLICHE GARTEN

Der Ströme Seelen, der Winde Wesen
Gehet rein in den Abend hinunter,
In den schilfigen Buchten, wo herber und bunter
Die brennenden Wälder im Herbste verwesen.

Die Schiffe fahren im blanken Scheine,
Und die Sonne scheidet unten im Westen,
Aber die langen Weiden mit traurigen Ästen
Hängen über die Wasser und Weine.

In der sterbenden Gärten Schweigen,
In der goldenen Bäume Verderben
Gehen die Stimmen, die leise steigen
In dem fahlen Laube und fallenden Sterben.

Aus gestorbener Liebe in dämmrigen Stegen
Winket und wehet ein flatterndes Tuch,
Und es ist in den einsamen Wegen
Abendlich kühl, und ein welker Geruch.

Aber die freien Felder sind reiner
Da sie der herbstliche Regen gefegt.
Und die Birken sind in der Dämmerung kleiner,
Die ein Wind in leiser Sehnsucht bewegt.

Und die wenigen Sterne stehen
Über den Weiten in ruhigem Bilde.
Laßt uns noch einmal vorübergehen,
Denn der Abend ist rosig und milde.

ОСЕННИЙ САД

Потоки душ, воздушные плоти
Прозрачно опускаются в тихий вечер
К скалистым заливам, где жарко пышет
Пестрыми лесами тленная осень.

Плывут корабли в увядших далях,
Где солнце разрезано горизонтом.
Длинные ивы плакучими ветвями
Клонятся над вином и водою.

В безмолвни умирающих парков,
В тлении золотых деревьев
Плывут голоса, все выше и выше,
В вялой листве опадающей смерти.

Мертвая любовь на туманных тропях
Мерцает и веет трепетной тканью,
И на путях, где никого не встретишь,
Вялый запах вечерней прохлады.

Но чище открылись кругом поля.
Промытые вдаль осенними ливнями,
И, меньше ростом, вздрагивают березки,
По которым тихо томится ветер.

Над неоглядною широтою
Мирно застыли редкие звезды.
Пойдем, еще раз пройдемся:
Вечер такой розовый и такой нежный.

NOVEMBER

Blinde stehen im Weg. Ihre großen Lider
Sind wie kleine Felle heruntergehängt,
Eine Sonntagsglocke hinten, die über den Feldern
In der Turmspitze sanft sich schaukelt und schwenkt.

Manchmal ein Leierkasten irgendwo ferne.
Manchmal ein Ton, den der Wind verzehrt.
Und das Herz gibt der Trauer sich gerne,
Unter Wolken, da Sommer so ferne gekehrt.

Oben gehen noch einige Leute
Hoch und schwarz, und ihr Mantel fliegt,
Und die Pappeln sausen über die Himmel,
Braun mit den Köpfen, die Wind verbiegt.

Wer über die Höhen geht, spiegelt sich ferne,
In der winzigen Sonne, lichtlos und tot,
Und über der bergigen Schluchten Kühle
Löschet ein gelbes Abendrot.

НОЯБРЬ

Слепцы стоят на дороге. Их веки...
Как нависшие пологи. Вдалеке
Воскресный звон с островерхой колокольни
Мягко качается над полями.

То откуда-то издали звук шарманки,
То еще какой-то, размолотый ветром.
Сердце радо отдаться грусти...
Облачной, ибо солнце так далеко.

В вышине проходят разные люди...
Большие, черные, в широких пальто.
Над небесами шумят тополя,
Пригибая ветром бурые головы.

Кто идет по высям — отражается в даях,
В маленьком солнце, обесцвеченном, мертвом.
А над прохладой горных ущелий
Желтый угасает закат.

IM KURZEN ABEND

Im kurzen Abend – Voll Wind ist die Stunde,
Und die Röte so tief und winterlich klein.
Unsere Hand, die sich zagend gefunden,
Bald wird sie frieren, und einsam sein.

Und die Sterne sind hoch in verblassenden Weiten,
Wenige erst, auseinandergerückt.
Unsere Pfade sind dunkel, und Weiden breiten
Ihre Schatten darauf, in Trauer gebückt.

Schilf rauschet uns, und die Irrwische scheinen,
Die wir ein dunkles Schicksal erlost.
Behüte dein Herz, dann wird es nicht weinen,
Unter dem fallenden Jahr ohne Trost.

Was dich schmerzet, ich sag es im Bösen.
Und uns quälet ein fremdes Wort.
Unsere Hände werden im Dunkel sich lösen,
Und mein Herz wird sein, wie ein kahler Ort.

КОРОТКИЙ ВЕЧЕР

Короткий вечер. Ветренный час.
Закат — глубокий и по-зимнему маленький.
Робкие наши руки
Скоро замерзнут и станут одинокими.

Звезды в выцветших высях,
Редкие, оттесняют друг друга.
Тропа наша узкая и вся в тени
Ив, изгорбившихся от скорби.

Нам шумит камыш, и мелькают неверные
Желанья, к которым свели мы темную судьбу.
Прикрой сердечко, чтоб оно не плакало
В этом уходящем безутешном году.

Тебе больно? это я лишь со зла.
Это чужое нас мучит слово.
Расплетутся наши руки, и сердце
Станет голым со всех сторон.

DIE IRREN

Rein ist das Licht um unsere Tage
Wie ein bleicherer Sonnenschein.
Und wie reife Blumen stehn wir und ragen
In das fröhliche Licht voller Bläue hinein.

Früher saßen wir tief in dumpfen Stuben
Und das wolkige Leben rann über uns fort,
Und wir horchten immer aus unseren Gruben
Grauen Himmeln zu, in dem schläfrigen Ort.

Jemand hat uns gerufen, wir durften nicht warten,
Unsere Wege zogen durch Trübes lang.
Und die wandernden Tage, die harten,
Machten flüchtiger unseren Gang.

Hinter uns gehet noch Schall, und das dumpfe Rauschen
Wie von stillen Wassern, versunkener Welt.
Manchmal noch drehn wir die Schultern, und lauschen
Wenn ein Schrei wie ein Stein in die Ruhe uns fällt.

Sind wir doch froh, und gekleidet in schöne Gewirke,
Wir sitzen singend im ländlichen Wald.
Und er darf nicht herein in unsere Bezirke,
Der in den Zaun seine Hände noch krallt.

Nicht mehr lange danach, daß wir Bäume werden
Wie wir waren dereinst in dem früheren Sein,
Ruhig wie schlafende Träume auf dunkeler Erde,
Niemand fasset in unsere Adern hinein.

ПОМЕЩАННЫЕ

Свет в эти дни чист,
Как от поблекшего солнца.
И как вызревшие цветы, мы вскинулись в рост
В чистой синеве отрадного света.

Раньше мы ютились в глухих каморках.
Жизнь летела мимо, как облака.
И из наших сонных нор мы прислушивались
К сумрачным небесам.

Кто-то нас позвал, мы не смели медлить.
Путь наш был сквозь тоску и мрак,
И суровая бродяжья участь
Убыстряла шаг.

За спиной еще слышится тусклым плеском
Тихая заводь, подводный мир.
Иногда мы обернемся, прислушиваясь,
Если крик, как камень, ударит из тишины.

Нам хорошо. Красиво одетые,
Мы сидим и поем в зеленом лесу.
К нам не вступит
Тот, кто еще карабкается через забор.

Еще немного, и мы станем деревьями,
Как уже были в прошлом бытии,
Как сонные сны на черной земле, спокойные.
В наши жилы не вкрасться никому.

MITTE DES WINTERS

Das Jahr geht zornig aus. Und kleine Tage
Sind viel verstreut wie Hütten in den Winter.
Und Nächte, ohne Leuchte, ohne Stunden,
Und grauer Morgen Ungewisse Bilder.

Sommerzeit. Herbstzeit, alles geht vorüber
Und brauner Tod hat jede Frucht ergriffen.
Und andre kalte Stauden sind im Dunkel
Die wir nicht sahen von dem Dach der Schiffe.

Weglos ist jedes Leben. Und verworren
Ein jeder Pfad. Und keiner weiß das Ende,
Und wer da sucht, daß er Einen fände,
Der sieht ihn stumm, und schüttelnd leere Hände.

СЕРЕДИНА ЗИМЫ

Год уходит, гневный. Малютки-дни
Раскиданы, как хижины в зимней стуже.
Ночи без света, ночи без времени
И смутная прорись сереющих утр.

Лето, осень, все проходит,
Бурая смерть сжирает каждый плод.
Темнота щетинится ледяным кустарником,
Которого мы не видали с корабля.

Каждая жизнь в тупике,
И каждая тропа запуталась. И никто
Не видит конца. А ищущий Единого
Видит: он нем, и пустая рука дрожит.

FRÜHJAHR

Die Winde bringen einen schwarzen Abend.
Die Wege zittern mit den kalten Bäumen
Und in der leeren Flächen später Öde
Die Wolken rollen auf die Horizonte.

Der Wind und Sturm ist ewig in der Weite,
Nur spärlich, daß ein Sämann schon beschreitet
Das ferne Land, und schwer den Samen streuet,
Den keine Frucht in toten Sommern freuet.

Die Wälder aber müssen sich zerbrechen
Mit grauen Wipfeln in den Wind gehoben,
Die quellenlosen, in der langen Schwäche
Und nicht mehr steigt das Blut in ihren Ästen.

Der März ist traurig. Und die Tage schwanken
Voll Licht und Dunkel auf der stummen Erde.
Die Ströme aber und die Berge decket
Der Regenschild. Und alles ist verhangen.

Die Vögel aber werden nicht mehr kommen.
Leer wird das Schilf und seine Ufer bleiben,
Und große Kähne in der Sommerstille
In grüner Hügel toten Schatten treiben.

ВЕСНА

Ветры привезли черный вечер.
По обочинам встали дрогнувшие деревья.
В поздних пустынях полых просторов
Тучи катятся к небосклону.

Ветер и буря в извечных далях.
Редко, редко на дальние склоны
Вступает сеятель с тяжкой горстью
Невсхожих семян для мертвого лета.

Эти леса падут буреломом,
Серыми кронами взнесшись в ветер,
Высохшие за долгую хворость,
Без капли крови от корней до листьев.

Март тоскует. Меж тьмой и светом
Качаются дни над немой землей.
Но над реками и горами
Дождь, как щит, или дождь, как занавесь.

Птиц уже никогда не будет.
Пустой камыш и пустые дюны,
И большие лодки в летнем затишье
На зеленый берег бросят мертвые тени.

**WAS KOMMT IHR, WEIßE FALTER, SO
OFT ZU MIR?**

Was kommt ihr, weiße Falter, so oft zu mir?
Ihr toten Seelen, was flattert ihr also oft
Auf meine Hand, von euerm Flügel
Haftet dann oft ein wenig Asche.

Die ihr bei Urnen wohnt, dort wo die Träume ruhn
In ewigen Schatten gebückt, in dem dämmrigen Raum
Wie in den Gräften Fledermäuse
Die nachts entschwirren mit Gelärme.

Ich höre oft im Schlaf der Vampire Gebell
Aus trüben Mondes Waben wie Gelächter,
Und sehe tief in leeren Höhlen
Der heimatlosen Schatten Lichter.

Was ist das Leben? Eine kurze Fackel
Umgrinst von Fratzen aus dem schwarzen Dunkel
Und manche kommen schon und strecken
Die magren Hände nach der Flamme.

Was ist das Leben? Kleines Schiff in Schluchten
Vergeßner Meere. Starrer Himmel Grauen.
Oder wie nachts auf kahlen Feldern
Verlornes Mondlicht wandert und verschwindet.

Weh dem, der jemals einen sterben sah,
Da unsichtbar in Herbstes kühler Stille
Der Tod trat an des Kranken feuchtes Bette
Und einen scheiden hieß, da seine Gurgel

ВЫ, ДУШИ МЕРТВЫХ, БЕЛЫЕ БАБОЧКИ

Вы, души мертвых, белые бабочки,
Что манит вас, зачем вы слетаетесь
К моей руке и с ваших крыльев
Сеете легкий белый пепел?

Жилицы урн, где спят сновидения,
Свернувшись в вечных тенях и сумерках,
Как нетопыри в земных ущельях,
Ждущие брызнуть со свистом в ночь.

Мне часто снится мутный медовый свет
Луны в ухмылке, вой вампиров
И неоглядные пустоты
Со светлячками бездомных теней.

Что наша жизнь? Короткий факел,
Обгрызанный черною темнотою,
И кто-то тянется и тянет
К красному свету худые руки.

Что наша жизнь? Кораблик в безднах
Пучин забытых. Страшная твердь небес.
Или как ночью в голом поле
Мечется лунный забытый лучик.

Горе тому, кто видел умирающих...
Как смерть из тихой осенней свежести
Звала больного попрощаться,
И как из глотки, точно из скважины

Wie einer rostigen Orgel Frost und Pfeifen
Die letzte Luft mit Rasseln stieß von dannen.
Weh dem, der sterben sah. Er trägt für immer
Die weiße Blume bleiernem Entsetzens.

Wer schließt uns auf die Länder nach dem Tode,
Und wer das Tor der ungeheuren Rune.
Was sehn die Sterbenden, daß sie so schrecklich
Verkehren ihrer Augen blinde Weiße.

Морозно-ржавых труб органа,
Свистел последний воздух легких.
Горе, кто видел умирающих. В нем
Белым цветком навек свинцовый ужас.

Кто после смерти запер нас на землях?
Кто — те врата с чудовищным заклятьем?
Что видят умирающие, так страшно
Вращая белыми глазами?

DIE SELBSTMÖRDER

In Bäumen irrend, wo die Äste knacken,
Erschrecken sie bei jedem feuchten Schritte,
Zerhöhlt und morsch. Und ihrer Stirnen Mitte
In Schrecken wie ein weißes Feuer flackert.

Schon ist ihr Leben flach, das wie aus Pfannen
Dampft in die graue Luft, und macht sie leerer.
Sie sehn sich schielend um. Und ihre Augen querer
In Wasserbläue rinnen ganz zusammen.

Ihr Ohr hört vieles schon von dumpfem Raunen,
Wie Schatten stehn sie auf den dunklen Wegen,
Und Stimmen kommen ihnen schwach entgegen
Wachsend in jedem Teich und jedem Baume.

Und Hände streifen ihrer Nacken Schwere,
Die peitschen vorwärts ihre steifen Rücken.
Sie gehen schwankend), wie auf schmalen Brücken,
Und wagen nicht zu fassen mehr as Leere.

Im Abendraum, ein dunkler Schneefall tröpfelt
Und wie von Tränen wird ihr Bart bereifet,
Und Dorn und Stachel wollen sie ergreifen,
Und lachen leise mit den Knister-Köpfen.

Wie Fische hängen sie in ihrer Schlinge.
Der Mitleids-Mond bricht aus mit großem Scheinen.
Sie strampeln mit den langen Knochenbeinen
Im Dunkel sind die Fetzen toter Dinge.

САМОУБИЙЦЫ

Они бродят меж деревьев, треща сучьями,
И боятся наступить в слишком мокрое,
И гнилое, и трухлявое. Лбы их
В страхе кажутся белыми огнями.

Жизнь их, плоская, как на жарком противне,
Всходит паром в воздух, и воздух
Все прозрачней. Они идут с оглядкой,
И глаза их встречаются в водоемах.

Им яснее многое в глухих шепотах.
Вставши тенью на темных перекрестках,
Они слышат слабые голоса,
А из омутов и из-под деревьев — погромче.

Чьи-то руки упираются им в затылок,
Чьи-то плети подгоняют в прямые спины.
Они медленно идут, как по жердочке,
И боятся схватиться за пустоту.

Вечер брызнет тяжелым снегом,
Он, как слезы, осядет на их бороды.
Их оцепят чертополох и терновник,
И репейник будет тихо смеяться.

Словно рыбы, висят они в петлях,
И луна льет им яркое сочувствие.
Их костлявые ноги бьются оземь
В темное — лоскутья столького мертвого.

RUSSLAND

Mit weißem Haar, in den verrufenen Orten,
Noch, hinter Werchojansk, in öden Steppen,
Da schmachten sie, die ihre Ketten schleppen
Tagaus-tagein, die düsteren Kohorten.

In Bergwerksnacht, wo ihre Beile klingen
Wie von Zyklopen. Doch ihr Mund ist stumm.
Und mit den Peitschen gehn die Wärter um.
Klatsch. Daß klaffend ihre Schultern springen.

Der Mond schwenkt seine große Nachtlaterne
Auf ihren Weg, wenn sie zur Hürde wanken,
Sie fallen schwer in Schlaf. Und sehen ferne.

Die Nacht voll Feuer in den Traumgedanken,
Und auf der Stange, rot, gleich einem Sterne,
Aus Aufruhrs Meer das Haupt des Zaren schwanken.

РОССИЯ

За Верхоянском, в проклятых даях,
В снежной пустыне, беловолосые,
Они томятся, хмурые легионы,
День за днем влача свои цепи.

Как циклопы, гремят они железом
В рудных шахтах. Их губы немые.
Кругом — надсмотрщики с длинными бичами
Всхлест — и плечи вздрагивают от удара.

Луна качается, как дорожный
Фонарь, светя им на путь в бараки.
Они рушатся в сон. И в ночных виденьях

Видится им даль, польхающая огнем,
И красной звездой над морем бунта
На вскинutom шесте — царская голова.

DIE WANDERER

Endloser Zug, wie eine schwarze Mauer,
Die durch die Himmel läuft, durch Wüstenei
Der winterlichen Städte in der Trauer
Verschneiter Himmel, und dem Einerlei.

Der Riesenflächen, die sich fern verlieren
In endlos weißes Weiß am fernen Saum.
Die Stürme wehn, die wie durch Kammern führen
Sie weit von Himmelsraum zu Himmelsraum.

Die Länder sind verödet, leer von Stimmen,
Vom Winter wie mit weißem Moos vereist.
Die Raben, die in grauen Höhen schwimmen,
Ziehn auf dem Zug, der endlos weiterreist.

Wie eine ungeheure schwarze Schlange
Ist durch die leeren Himmel er gespannt.
Er wälzt sich fort, wo fern im Untergange
Die rote Sonne dampft in trübem Brand.

Die Meilensteine fliegen auf den Wegen
Den Wandrern zu, vorbei ins Himmelsgrau,
Die wie Maschinen schnell sich fortbewegen,
Wie um die Winden läuft ein schwarzes Tau.

Das weiße Haar umtost von Winterwinden,
Ziehn sie hinab und ziehn. Der krumme Stumpf
Der Weiden, die von Lasten Schnees erblinden,
Begleitet sie mit bitterem Triumph.

СТРАННИКИ

Бесконечным строем, как черной стеной.
Сквозь небо, сквозь пустыни промерзших
Городов под саваном полосованных
Снегом небес, сквозь великую одинокость

Равнин, теряющих все края
В белой белизне дальних окоемов.
Где веют бури... поводыри,
Из неба в небо, как из комнаты в комнату.

Земли безлюдны и безголосы,
Белым зимним замшелые льдом.
Вороны, черные в серых высях,
Бесконечной тягой струятся вдаль.

Их вереница в пустом пространстве
Исполинской черной вьется змеей.
Пережат за пережатом, туда, где в западе
Мутным пожаром дымит закат.

Верстовые камни мчатся навстречу
И мимо, мимо, в пасмурной полутьме,
Мимо странников, быстро, как неживые,
Льющихся черным талым ручьем.

Белые волосы рвутся в ветре,
Падая за спину. Кривые пни
В лугах сквозь тяжкие бельма снега
Взглядом следят их горькое торжество.

Der Abend steht am Rand, die schwarze Fahne
Trägt seine Faust. Er senkt sie vor dem Zug,
Die Wanderer ziehn hinab zum Ozeane
Der Nacht, zu dunkler Himmel bösem Flug.

Durch Gräber, Höhlen, zu den Riesentalen,
Wo weiß von Mitternacht die Meere gehn,
Und wie ein Stein ruht schwarz das Haupt der Qualen,
Die schnell wie Wolkenschatten drüberwehn.

Вечер, вставший на горизонте,
С черным знаменем в сжатом кулаке,
Отдает им честь, открывает путь
В океаны ночи, под злые тучи,

Сквозь могилы, ямы, к безмерным долам,
Где белые в полночи кружат моря,
И черной глыбою висится голова
Мучений, быстрых, как облачные тени.

**AUF EINMAL ABER KOMMT
EIN GROßES STERBEN**

Auf einmal aber kommt ein großes Sterben.
Die Wälder rauschen wie ein Feuermeer
Und geben alle ihre Blätter her
Die in dem leeren Luftreich blind verderben.

Die Tiere schreien in dem kalten Neste.
Die Raben steigen in die Abendröte.
Und plötzlich darret trocken das Geäste.

Die Schiffer aber fahren trüb im Ungewissen,
Auf grauem Strom die großen Kähne treibend
In schiefen Regens matten Finsternissen.

Durch leerer Brücken trüben Schall, und Städte
Die hohl wie Gräber auseinander fallen,
Und weite Öden, winterlich verwehte.

Kurz ist das Licht, das Stürme jetzt verdecken.
Und immer knarren laut die Wetterfahnen
Die rostig in den niedern Wolken stecken.

Und viele Kranke müssen jetzt verenden,
Die furchtsam hüpfen in den leeren Zimmern,
Zerdrückt im Leeren von den hohen Wänden.

Die Bettler aber, die die Lieder grölen,
Sitzen im Land herum, mit langen Händen,
Und weisen ihre roten Augenhöhlen.

НАСТУПИТ ЧАС, И ГРЯНЕТ ВЕЛИКИЙ МОР

Наступит час, и грянет великий мор,
Леса зашумят, как огненные моря,
И осыплют листья,
В слепом полете сохнувшие в пустоте.

Звери кричат из холодных нор.
Стаи ворон взлетают в закат.
Резким треском пересыхают сучья.

Лишь корабельщики в неизвестность
Правят в серые струи большие лодки
Сквозь темноты косых дождей,

Сквозь гнутый гул мостов, города
Из городов, как гробики из гробиков,
И все пустоты, провеянные зимою.

День невелик, в бурях перерыв,
Но все трещат петушки из жести,
Торчком ржавея в нависших тучах.

И много смертников ждут конца
И в страхе мечутся в порожних комнатах,
Сдавлены пустотою высоких стен.

Только нищие поют песни,
Полукругом усевшись, длинноладонные,
И кажут пальцами в красные глазницы.

* * *

Und die Hörner des Sommers verstummen im Tode der Fluren,
In das Dunkel flog Wolke auf Wolke dahin:
Aber am Rande schrumpften die Wälder verloren,
Wie Gefolge der Särge in Trauer verummmt.

Laut sang der Sturm im Schrecken der bleichenden Felder,
Er fuhr in die Pappeln und bog einen weißen Turm.
Und wie der Kehrlicht des Windes lag in der Leere
Drunten ein Dorf, aus grauen Dächern gehäuft.

Aber hinaus bis unten am Grauen des Himmels
Waren aus Korn des Herbstes Zelte gebaut,
Unzählige Städte, doch leer und vergessen.
Und niemand ging in den Gassen herum.

Und es sank der Schatten der Nacht. Nur die Raben noch irrten
Unter den drückenden Wolken im Regen hin,
Einsam im Wind, wie im Dunkel der Schläfen
Schwarze Gedanken in trostloser Stunde fliehn.

* * *

Оттремело лето над мертвыми нивами.
Облако за облаком поволоклось в темь.
У обочин ежился, как потерянный,
Скорбною вереницею за гробом, лес.

Зычно пела буря на страх поблекшему лугу.
Гнулись башни и бежали тополя.
Мусор закружился в смерче и рухнул
В пустоту деревнею, грудой грязных крыш.

Но снизу ввысь до серого небесного ужаса
Осенние колосья сплелись в кущи и шатры,
Города за городами, пустые, брошенные,
С перевившимися переулками, а в них — ни души.

И нахлынула ночь. Лишь металась вороны
Под давящими тучами в бичах дождя,
На сквозном ветру, как черные мчатся мысли
Из-под темных лбов в безутешные часы.

DIE NACHT

Auf Schlangenhälsen die feurigen Sterne
Hängen herunter auf schwankende Türme,
Die Dächer geißelt. Und Feuer springet,
Wie ein Gespenst durch die Gasse der Stürme.

Fenster schlagen mit Macht. Und Mauern, die alten,
Reißen die Tore auf in zahnlosem Munde.
Aber die Brücken fallen über dem Schlünde
Und der Tod stehet draußen, der Alte.

Aber die Menschen rennen, ohne zu wissen
Blind und schreiend, mit Schwertern und Lanzen.
Unten hallet es dumpf, und die Glocken tanzen,
Schlagend laut auf, von den Winden gerissen.

Die Plätze sind rot und tot. Und riesige Monde
Steigen über die Dächer mit steifen Beinen
Den fiebernden Schläfern tief in die Kammer zu scheinen,
Und die Stirne wird fahl wie frierendes Leinen.

НОЧЬ

На змеиных шеях звездный огонь
Тянется обвить шатающиеся башни.
Крыши дыбом под бичами. И пламя
В закоулках бури скачет, как бес.

Окна нараспашку. Стены и те
Разевают беззубые свои ворота.
Мосты рушатся через рвы,
И Смерть-старуха стоит у входа.

Люди мечутся, хрипло крича,
Наобум с мечами и копьями,
А внизу гудит, и колокола
В ветре пляшут гулкий пляс все пронзительней

Площадь — кровь и смерть. А по крышам
Бродят Луны, огромные, в салогах,
И просовываются в окна к горячечным,
И мертвеют их лбы, как замерзший холст.

DER KRIEG

Hingeworfen weit in das brennende Land
Über Schluchten und Hügel die Leiber gemäht
In verlassener Felder Furchen gesät
Unter regnenden Himmeln und dunkelndem Brand.

Fernen Abends über den Winden kalt,
Der leuchtet in ihr zerschlagenes Haus,
Sie zittern noch einmal und strecken sich aus,
Ihre Augen werden sonderbar alt.

Die Nebel in frierende Bäume zerstreut,
In herbstlichen Wäldern irren die Seelen allein
Tief in die Wildnis und kühles Dunkel hinein,
Sich zu verbergen vor Lebenden weit.

Aber riesig schreitet über dem Untergang
Blutiger Tage groß wie ein Schatten der Tod,
Und feurig tönert aus fernen Ebenen rot
Noch der Sterbenden Schreien und Lobgesang.

ВОЙНА

По горящему краю раскиданные вдаль
По холмам и оврагам мертвые тела
Севами в борозды заброшенных нив
Под черным огнем и льющим дождем.

Когда ветер лют и дальний закат
Пробивается светом в разбитый дом,
Они протягиваются и они дрожат.
Их взглядам тысячи и тысячи лет.

Когда в стынущих сучьях висит туман,
Их души выходят в осенний лес,
В дальнюю глушь, в холодную тьму.
Только бы дальше, дальше от живых.

Но сквозь закаты кровавых дней
Великанским шагом, как тень, как смерть,
Растет и гремит им с равнин в огне
Новых умирающих вопль и «ура».

HEROISCHE LANDSCHAFT

Mit Türmen schwankend im roten Bangen
Stiegen die Städte mit Dächern und Hörnerschall
Mit den Straßen hinauf, die gen Himmel sprangen.
Aber das Licht lag schwerlicht über der Stufen Fall.

Alle Ufer hinunter, und Brücken erhoben
Hatten riesige Tore voll Dunkel gebaut.
Dampf schlugen die Ruder im tönenden Bogen,
Aber die Wächter sprangen mit Waffen laut.

Und die Frauen voll Weiße in Wolken der Städte,
Ihre Stirnen waren wie Schilde so rein.
Und die Zinken so groß, um die Schultern gedrehte,
Riefen geschwungen ihr goldenes Schrein.

Ihre Locken standen wie feurige Meere
Gegen den Abend und lagen in schwarzer Pracht.
Aber im Herz voll Qual und voll Schwere
Schwanden sie groß und fern in der Nacht.

Trauer wuchs übervoll. Und die Ufer verschwunden
Waren mit dunkeln Buchten gesunken schon.
Schilf war rauschend ins Ufer gewunden.
Aber der Strom war noch dunkel voll Loh'n.

Sterbend im Abend, die Segel, sie sprangen
Flatternde wie ängstliche Vögel im Rauch
Taub in der Nacht. Doch noch golden gegangen,
Liefen die Wasser unter der Meer-Schiffe Bauch.

ГЕРОИЧЕСКИЙ ПЕЙЗАЖ

Красными страхами расшатывая башни,
Острыми крышами под трубный рев
Лезли города по улицам в небо,
Серный свет оставляя на ступенях.

Со всех берегов вздымаясь мостами,
Воздвигали ворота, в которых — тьма.
В гулкие своды глухо били весла,
Вскакивала стража, гремели мечи.

И женщины, белые в городском дыме,
Чьи белые лбы — незапятнанные гербы,
Меж зубьев стен поворачивая плечи,
Вскидывали ввысь золотой вопль.

Их кудри были навстречу вечеру,
Как огненное море и черная парча.
Но сердце, полное терзанья и муки,
В них глубоко погружалось в ночь.

Горе взбухало. Берега уходили
В темные заливы. Камыш
Шумел, вращая в последнюю землю.
Но река и огненная была черна.

Умирая в закате, паруса взвивались
В дыму, как крылья пугливых птиц,
В глухую ночь. Но долго под киями
Струилось золото на морских путях.

Und sie fuhren hinaus. Und vergaßen der Jahre,
Unter den hallenden Meeren im Glanz.
Und rund um die Winter, wo sie gefahren,
Trieben die Schiffe in brechendem Tanz.

Они плыли прочь. Забывались годы,
Сверкавшие моря гремели в борта,
И в зимах, куда они заплывали,
Корабли их кружили крушащий пляс.

DIE MÄRKTE

Schleifender Füße sind tausend auf ihnen getreten.
Hohe Karossen rollten wie Donner so hohl.
Immer lagen sie bleich nur und schüchtern. Und flehten
Um die übrigen Rüben und grünlichen Kohl.

Die in dem Schauen so vieler der Sommer ergreiset,
Im ritzenden Froste der bitteren Winter zernagt,
Vom winzigen Brosam des Frühwinds trübe gespeiset,
Wenn märzlich das Jahr mit blauem Sturme getagt.

Ewig nur hängende Särge krochen darüber.
Ihre Stirnen waren von Fackeln oft rot.
Tränen, die großen, schlugen voll Hitze hernieder,
Und sie schwanden in sie, die so trocken wie Brot.

Viele Gesänge sie hörten und silberne Tänze,
Aus hellen Palästen oft schallte ein Saitenspiel,
Im Grunde der braunen Gemächer sahen sie glänzen
Fröhlicher Zeiten Ernte und Mähler viel.

Oben im Grauen oft sahn sie die Vögel kehren
Unruhig um – wie Spreu durch die Himmel vorbei.
Die, ach, trieben hinaus mit den Wolken, den schweren,
Über die schwellenden Herbste mit scharfem Geschrei.

Ihrer dachte doch niemand. Die kümmerlich aßen
Nur der Dächer Unrat mit hungrigem Mund.
Wer sich nachts dort erbrach, die in Finsternis saßen,
Und sie lagen beschmutzt auf dem schneeigen Grund.

БАЗАРЫ

Тысячи ног вступали на них и шаркали,
С громом катились по ним пустые возы.
Они лежали, бледные, робкие, и молили
Побольше репы и зеленоватых кочней.

Они поседели, видя столькие лета,
Они изрубцованы стужами горьких зим.
Их скупко кормили мелкими крошками весенние ветры
Когда синеею бурей в год врывается март.

Над ними проползали только висячие гробы.
Красные факелы не раз озаряли их лбы.
Падали крупные слезы, полные жара,
И угасали в земле, пересохшей, как хлеб.

Они слышали песни, видели серебристые пляски.
Из светлых дворцов доносились переборы струн.
В окна подвалов в хорошее время года
Они видели трапезы, съедавшие любой урожай.

В сером небе над ними возвращались откуда-то птиц
Как мякина в небе. Непокоен был мимолет.
А потом, увы, с клубящимися облаками
Сквозь набухшую осень с криком летели назад.

О них не думали. Какие-то собирали
Голодным клювом на крышах случайную дрянь,
Сидели всю ночь, их рвало, и они вытягивались,
Длинные и грязные, на заиндеветшей земле.

Zur Mitternacht dann – die Mäuse schoben die Knochen
Über sie sanft. Die Raben schleuderten Mist.
Mit knickenden Beinen die Spinnen krochen
Zärtlich über ihr zitterndes Angesicht.

So sperrten sie immer empor ihre riesigen Lippen.
Und schrien nach einem Heiland der tollen Zeit,
Und hörten den Wind am Tage – im Abend ein Regentrippe
Weißer Sterne Geräusche – durch Dunkel der Räume verschn

Мыши заботливо стаскивали к ним косточки,
Вороны роняли белесый помет.
Кокетливыми ножками пробегали паучихи,
Чуть касаясь птичьих дрожащих глаз.

И они вытягивали вновь исполинские губы,
И они зывали о мессии безумных веков, —
А слышали ветер днем, дождливую россыпь вечером:
И шелесты белых звезд сквозь снежную тьму простран

LETZTE WACHE

Wie dunkel sind deine Schläfen.
Und deine Hände so schwer.
Bist du schon weit von dannen,
Und hörst mich nicht mehr.

Unter dem Sackenden Lichte
Bist du so traurig und alt,
Und deine Lippen sind grausam
In ewiger Starre gekrallt.

Morgen schon ist hier das Schweigen
Und vielleicht in der Luft
Noch das Rascheln von Kränzen
Und ein verwesender Duft.

Aber die Nächte werden
Leerer nun, Jahr um Jahr.
Hier wo dein Haupt lag, und leise
Immer dein Atem war.

ПОСЛЕДНЕЕ БДЕНЬЕ

Сны твои все темнее,
Руки все тяжелей.
Ты меня не слышишь,
Ты уже далеко.

Видно в брезжущем свете
Старость твою и боль,
Видно, как вечная судорога
Губы твои свела.

Утром — только молчанье,
И на вчерашних цветах
Лишь лепестки лепечут
И дышит легкая гниль.

Лишь ночи, ночи так пусты,
Пусты, за годом год,
Где твоя голова лежала
И тихо дышал твой вздох.

ПРИМЕЧАНИЯ

Данное издание стихотворений Георга Гейма в целом повторяет корпус книги Избранных сочинений поэта (*Heut G. Dichtungen. Leipzig, 1922*). Эта книга была подготовлена и издана известным литературным критиком, активным деятелем экспрессионистского движения Куртом Пинтусом (1889–1972) и Эрвином Лёвенсоном (1888–1963), другом поэта, к десятилетию гибели Гейма. В нее, кроме трех поэтических книг — «Вечный день», «*Umbra vitae*» и «Небесная трагедия», — входил еще сборник новелл Гейма «Вор» («*Der Dieb*»), впервые увидевший свет в 1914 г.

Стоит сказать несколько слов о том, как организован данный комментарий. Дело в том, что большинство образов Гейма, хотя и производят впечатление «первозданности», почти всегда чужие. Причем эти образы поэт черпал не только из античной и библейской мифологии или в творчестве великих предшественников — у И.-В. Гёте, немецких романтиков, Ш. Бодлера, А. Рембо, Дж. Китса, но и в стихах своих современников — Р.-М. Рильке, С. Георге, Р. Демеля, Э. Верхарна, или же в произведениях авторов, ныне забытых, таких, например, как Г. Реннер. Важным источником поэзии Гейма была живопись и журнальная графика той эпохи. Кроме того, образы многих стихотворений навеяны философскими книгами Ф. Ницше и А. Шопенгауэра или же романами, популярными в начале 1900-х гг. Среди источников поэта стоит называть и прессу: известно, что поэт хранил вырезки из газет, а некоторые из его стихотворений даже перефразируют газетные сообщения. К сожалению, ограниченный объем комментария не позволяет перечислить большую часть источников, поэтому мы ограничиваемся лишь указанием на наиболее существенные

и очевидные из них. Примечания к стихотворениям из различных книг поэта порой группируются — таким образом подчеркивается взаимная близость или тематические переключки этих стихотворений.

В тексте комментария приняты следующие сокращения:

- ГГ = Георг Гейм;
- ВД = «Вечный день»;
- UV = «Umbra vitae»;
- НТ = «Небесная трагедия».

Купюры в цитируемых текстах обозначаются отточием в угловых скобках. Письма и дневниковые записи поэта цитируются по изд.: *Heym G. Dichtungen und Schriften. Bd. 3. Tagebücher. Träume. Briefe. München, 1986.*

ВЕЧНЫЙ ДЕНЬ

ВД открывается сонетом **Берлин I** [с. 33]; опубликованный в ноябрьском номере берлинского журнала «Der Demokrat» за 1910 г., он привлек внимание молодого лейпцигского издателя Эрнста Ровольта (1887—1960), который попросил ГГ прислать для ознакомления свои произведения и вскоре предложил поэту договор на издание книги стихов.

Следующий в ВД за «Берлином I» сонет **Берлин II** [с. 35] также посвящен городу, в котором поэт провел большую часть своей жизни. Словом *Weltstadt* в то время называли «город с миллионным населением» (к 1900 г. в Берлине проживало около 2 млн. человек и по числу населения и занимаемой им территории он был третьим крупнейшим европейским городом после Парижа и Лондона), «мировую столицу», т. е. не просто главный город государства, но сосредоточение экономической, политической, научной и культурной жизни нации, а кроме того, большой индустриальный город с развитой транспортной инфраструктурой: «С успехом опережая своих конкурентов (Париж и Лондон. — А. М.) по части искусства и науки, Берлин в последние десятилетия совершил мощный прорыв также в сфере торговли и индустрии, а значит, его обозначение как „мировой столицы“ совершенно оправданно», — сообщалось о Берлине читателям популярного путеводителя «Бе-

декер» в 1900 г. Применительно к прусской столице эпитет «мировая» начали употреблять в середине XIX в., а распространился он после того, как писатель Карл Гуцков (1811—1878) опубликовал книгу своих эссе «Берлин — панорама мировой столицы» (1873). Экспрессионисты (и ГГ здесь не исключение) вполне в духе европейской поэтической традиции соотносили большие города с адом, Вавилоном, «матерью блудницам и мерзостям земным» (Откр. 17, 5), Содомом и Гоморрой. Поэтому во втором сонете книги (как и в первом стихотворении, где поэт придал Шпрее — реке, на которой стоит Берлин, — черты реки Царства мертвых) город наделяется инфернальными чертами.

Немецкое заглавие стихотворения *Дачный праздник* [с. 37] — *Laubenfest* — отсылает к картине художника Ганса Балушека (1860—1923) «Праздник лета в дачной колонии» (1909), а также к названию популярного в те годы журнала «*Gartenlaube*» (т. е. «Садовая беседка»), неприятного чтения для мещан. Известно, что матери ГГ не нравилась поэзия сына и она сетовала на то, что Георг пишет стихи, не похожие на опусы, публикующиеся в «Садовой беседке». В стихотворении поэт сводит обывательский праздник в дачном поселке к бессмысленному кружению вокруг *Mai-baum* — «майского», или *троицкого*, дерева, т. е. украшенной венками и лентами деревянной мачты, устанавливавшейся во время Праздника весны. Из книг по истории, которые ГГ с интересом читал (об этом см. ниже), поэт мог знать о том, что во времена Французской революции «майское дерево» стало распространенным революционным символом — Деревом Свободы, которое, правда, нередко путали с виселицей. Неслучайно поэтому строка *Zu eines Geigers hölzernem Gestreich* (первый терцет) вызывает ассоциации с образом смерти, часто изображаемой на средневековых гравюрах в виде скелета, играющего на скрипке.

В стихотворении *Поезда* [с. 39], поэт обращается к распространенной в XIX в. теме железной дороги. Но в отличие от многих предшественников, которые видели в железной машине олицетворение технического прогресса и духа современности, ГГ изображает паровоз как персонификацию демонических сил.

Сонет Берлин III [с. 41], скорее всего, написан под впечатлением от стихотворения Генриха Гейне (1797–1856) «Силезские ткачи» и бодлеровского «Вина тряпичников» («Le vin des chiffonniers»). *Marseillaise* – *Марсельеза* – песня, сочиненная в 1792 г., во времена Французской революции, Руже де Лилем и принесенная в Париж марсельскими волонтерами; национальный гимн Франции.

Стихотворения *Арестанты I* и *Арестанты II* [с. 45, с. 47] отражают, отчасти, впечатления поэта от посещения прусских тюрем во время юридической практики в 1909–1910 гг. Кроме того, оба стихотворения связаны с творчеством Винсента Ван Гога (1853–1890), в картинах и рисунках которого ГГ находил соответствие своим стихам. В одном из писем поэт писал о Ван Гоге так: «Я нахожу, что он, возможно, соответствует мне даже больше, чем Ходлер. Ведь он видит все цвета такими, какими вижу их я. Читая его письма, я часто говорил сам себе: Черт возьми! Именно так ты бы сделал стихотворение <...>» (письмо Й. Вольфсону от 02.09.1910). Последний катрен первого стихотворения, начинающийся со слов *Und ein paar Bäume*, повторяет строки из письма Ван Гога брату, в котором художник описывает деревья в окрестности Сен-Реми, а источником другого стихотворения послужила картина художника «Тюремный двор» («La ronde de prisonniers», 1890).

Два знаменитых стихотворения – *Бог города* [с. 49] и *Демоны городов* [с. 55] – вошли почти во все антологии экспрессионистской поэзии. Гигантские фигуры возвышающихся над городом, бродящих по улицам или разрушающих постройки чертей были распространенным сюжетом в журнальной карикатуристике и графике эпохи *fin de siècle* (рисунки Макса Слефогта (1868–1832), Фелисьена Ропса (1833–1898), Альфреда Кубина (1887–1959), Генриха Клея (1863–1945) и др.). Поэт, возможно, знал и о новелле австрийского прозаика Роберта Заудека (1880–1935) с названием «Демон Берлин» (1908).

Пятистопный ямб, типичный для ГГ, в этих стихотворениях подчеркивает однообразие и механистичность массовой жизни в больших городах. (В стихотворении «Демоны городов» появляется также слово *Ritornell* – *ритурнель*, т. е.

многократно повторяющийся один и тот же припев, исполняющийся в начале и конце каждой строфы песни.) С другой стороны, городское существование изображается поэтом как своего рода демоническая одержимость: в стихотворении «Бог города» ГГ напоминает о страшном архаическом ритуале — *Korymbanten-Tanz* — *танце корибантов* — спутников и служителей великой матери богов Реи-Кибелы, культ которой в Древней Греции носил экстатический характер. Богиня требовала от своих служителей полного подчинения ей, забвения в экстазе; впадая в экстаз, жрецы Кибелы наносили друг другу кровавые раны или осклапывали себя. Позже богиня стала почитаться как защитница городов и покровительница их благосостояния. Любимый ГГ философ Фридрих Ницше (1844—1900) в своих произведениях нередко называл корибантами обывателей, людей толпы. *Baal* — *Ваал* — в западносемитской мифологии одно из наиболее употребляемых прозвищ богов отдельных городов. Наибольшим распространением пользовался культ Баала — бога бури, грома и молний. Известны изображения Баала в виде быка или воина, восседающего на облаке и поражающего землю молнией-копьем. А в третьей строфе «Демонов городов» возникает образ козлоногого спутника Диониса *Пана*, божества стихийных сил природы. В предании о смерти Великого Пана, изложенном Плутархом, этот бог выступает символом уходящего античного мира. Его вид, как считалось в древности, наводит на людей беспричинный страх, а христианская традиция причисляла его к бесовскому миру. *Пан* — нередкий персонаж в стихотворениях Артюра Рембо (1854—1891) — французского поэта-символиста, с которым современники часто сравнивали ГГ. Как и в «городских» стихах Рембо из книг «Лето в аду» («*Une saison en enfer*») и «Озарения» («*Les Illuminations*»), у ГГ в «Богe города» и «Демонах городов» встречаются многочисленные реминисценции на Апокалипсис. Так, строка <...> *Ein Meer von Feuer jagt // Durch eine Straße* <...> в «Богe города» напоминает библейское описание падения Вавилона (ср. Откр. 18; мотив, который особенно часто встречается у Рембо). О конце света и Втором пришествии Христа в Библии возвещает лунное затмение (ср. в «Демонах городов»: *Einer*

steht auf. Dem weißen Monde hängt // Er eine schwarze Larve vor <...>). Строкам *Schreit eine Wöchnerin in ihren Wehn <...> Um den herum die großen Teufel stehn* и *In ihrem Rücken klaffen // Des Schrecks Froschfinger* соответствуют главы и разделы 12, 1—6 и 16, 13 в Откровении Иоанна Богослова.

Образы отвергнутых большого города в стихотворении **Окраина** [с. 51] снова заставляют вспомнить о поэзии Шарля Бодлера (1821—1867). Сам Гейм считал это стихотворение одним из своих лучших произведений. *Cornagnole* (*Карманьола*) — песня и танец времен Французской революции. *Arkan* (*Аркан*) — в алхимии — волшебный эликсир.

Весьма популярным в литературе XIX в. был сюжет о слепом, отторгнутом от света солнца, но узревающим внутренний свет духовным оком. Французские символисты актуализировали и иной смысловой пласт этого образа, сделав слепого аллегорией беспечных поисков истины. В русле этой символистской традиции — стихотворение ГГ **Слепой** [с. 59].

Считается, что стихотворения **Утопленница** [с. 61] и **Офелия** [с. 135] являются откликом на стихотворение А. Рембо «Офелия». Можно отметить, однако, что начиная со второй половины XIX в. шекспировская героиня была одним из самых тиражируемых женских образов в изобразительном искусстве. *Малах* в «Офелии» — бог солнца и войны, почитавшийся в Финикии и Карфагене, ему приносились человеческие жертвы (обычно на костре), часто дети; олицетворение жестокой силы, требующей человеческих жертв.

Если **Спящий в лесу** [с. 65] написан под впечатлением от одноименного сонета А. Рембо («*Dormir du val*»), то источником следующего за ним стихотворения **И ты мертва?..** [с. 69] послужило, скорее всего, стихотворение немецкого поэта Стефана Георге (1868—1933) «*Trauervolle nacht!*» («Печальнейшая ночь!») из чрезвычайно популярной у читателей того времени книги «*Год души*» («*Das Jahr der Seele*», 1897).

Существует мнение, что заглавие и образы для следующего стихотворения **После битвы** [с. 73] ГГ позаимствовал у австрийского графика А. Кубина, один из рисунков которого назывался точно так же. Существует мнение, что *Аврора* в последней строфе — это богиня утренней зари в римской мифологии.

В конце июня 1910 г. Гейм пишет целый ряд стихотворений, посвященных Великой французской революции. Один за другим появляются сонеты «Бастилия», Луи Капет [с. 77], «Дантон», Робеспьер [с. 81]. В качестве источников для них поэт зачастую использовал популярные издания, отнюдь не претендовавшие на серьезное осмысление темы, такие как «Ужасы Французской революции. Этюд» некоего доктора Гурнеманца. Среди книг о революции, которые штудировал ГГ, была и известная «История Французской революции» Ф. А. Минье. При этом если в стихотворении о *Луи Капете* (под этим династическим именем был судим и казнен по приговору Конвента французский король Людовик XVI, 1755–1793) поэт отступает от исторической правды и экзекуция, какой ее изображает в стихотворении ГГ, больше напоминает казнь королевы Марии Антуанетты, нежели гильотинирование короля, проходившее, по свидетельствам очевидцев, почти в абсолютном безмолвии, то в сонете о революционере Максимилиене *Робеспьере* (1758–1794) — он подписал смертный приговор королю, но сам потом погиб под ножом гильотины (Робеспьер был казнен 28 июля 1794 г.) — поэт почти натуралистически подчеркивает широко известную деталь: во время ареста, 26 июня 1784 г., жандарм Мерда выстрелом из ружья раздробил Робеспьеру челюсть (ср: <...> *Der Mund kaut weißen Schleim. / Er zieht ihn schluckend durch die Backen ein*).

Маренго [с. 79] — это селение в Ломбардии, у которого 14 июня 1800 г., во время войны против второй антифранцузской коалиции, армия Наполеона Бонапарта разбила австрийские войска, после чего французы заняли Северную Италию. Сражение у *Маренго*, правда, произошло не 2, а 25 *прериала*. (*Prairial* — девятый месяц французского республиканского календаря, 20–21 мая — 18–19 июня).

В стихотворении **Стикс** [с. 83] заметно влияние на творчество ГГ философии Артура Шопенгауэра (1788–1860). Шопенгауэр был одним из самых любимых авторов поэта, а некоторые из своих стихов поэт записал на экземпляре книги «Мир как воля и представление», которую он не раз перечитывал. Одна из центральных идей шопенгауэровской философии мирового пессимизма: что жизнь человека по-

добна маятнику, раскачивающемуся «между страданием и праздностью», чуть ли не буквально проиллюстрирована во второй части стихотворения, где поэт изображает ужас погружения в застой обыденной жизни. *Styx* (*Стикс*) и *Phlegeton* (*Флегетон*) — в греческой мифологии — реки, окружающие *Orkan* (*Орк*), Царство мертвых. Употребленное (в конце второй строфы) переводчиком слово *samum* означает знойный, сухой ветер, несущий песок и пыль.

Немецкое название следующего стихотворения, *Тучи* [с. 87] очевидно перекликается с началом Апокалипсиса (нем.: «*Er kommt mit der Wolken <...>*», Откр. 1, 7). Как и следующие стихотворения книги, *Склеп* [с. 91] и *Мертвецкий край* [с. 93], «*Тучи*» можно рассматривать как развернутую парафразу знаменитого бодлеровского сонета «*Крышка*» («*Le couvercle*») с его неутешительным выводом о том, что небо — это «крышка <...> гигантского котла // Где человечество горит, как гряда праха». На немецкий язык этот сонет первым перевел С. Георге. Под *der Vöte* в первой строфе стихотворения имеется в виду *душеводец* бог Гермес, низводивший, согласно античным представлениям, души умерших в Царство мертвых (*Орк*, *Анд*).

Прообразом легендарного Летучего Голландца [с. 99] послужил португальский мореплаватель Васко да Гама, который, несмотря на протесты команды своего судна, в 1497 г. пытался обогнуть мыс Доброй Надежды. Со временем образ великого португальского мореплавателя приобрел демонические черты, и он постепенно превратился в капитана некоего торгового корабля, голландца по происхождению, который за богохульство был осужден вечно носиться по морям и океанам, нигде не бросая якорь. Встреча с кораблем Голландца предвещала гибель. С начала XIX в. мотив Летучего Голландца получает широкое распространение в европейской литературе. С нескончаемыми скитаниями злополучного капитана начали соотносить судьбу человека вообще: однажды изгнанный из рая, он должен странствовать, не зная своей цели. В 1841 г. Рихард Вагнер написал принесшую ему славу оперу на сюжет о Голландце, где проклятье главного героя может быть искуплено только любовью. В 1898 г. все немецкие газеты обо-

шла сенсационная история бременского торгового судна «Матадор», экипаж которого во время перехода через южную часть Тихого океана увидел — при том, что море было спокойно, — большое парусное судно, бьющееся со штормом. Внезапно корабль изменил свой курс и очутился прямо перед немецким судном; матросы «Матадора» ожидали столкновения, но загадочный корабль вновь изменил курс и растворился в темноте.

С Эрнстом Бальке (1887–1912), которому посвящено стихотворение *Успокоение* [с. 109], ГГ связывали самые близкие отношения, начиная с 1904 г. Бальке был его лучшим другом. Поэт очень дорожил своей дружбой с Эрнстом и ценил его мнение (Бальке был первым читателем большинства произведений поэта), а однажды ГГ записал в дневнике: «Он (Эрнст. — А. М.) — единственный человек, кто догадывается о том, что за внешней скорлупой моего детского существа скрывается возвышенное» (запись от 15.05.1905). Бальке, с 1907 г. изучавший в университете романскую и английскую филологию, первым познакомил Гейма с поэзией Китса, Бодлера, Рембо и Верхарна. Бальке погиб вместе с ГГ, катаясь на коньках на реке Хафель 16 января 1912 г.

Разумеется, энигматическое стихотворение, названное «Успокоение» и посвященное лучшему другу, вместе с которым ГГ погиб, не могло не стать предметом спекуляций в берлинской прессе. «Успокоение» во многом способствовало тому, что о поэте заговорили как о ясновидце, предсказавшем свою ужасную гибель. На самом деле в этом стихотворении ГГ варьирует мифологический сюжет о поэте, спускающемся в загробный мир ради обретения высшей творческой силы — новой жизни, бессмертия. Поэтому здесь возникают образы *Пифии* (*Pythia*) — жрицы-пророчицы в храме Аполлона в Дельфах, которая восседала над расщелиной скалы, откуда поднимались одурманивающие испарения; под влиянием этих испарений жрица произносила бессвязные слова, которые истолковывались жрецами как пророчества, и *пчел* — традиционного символа поэтического слова, поэта и поэзии. (Согласно дельфийской традиции именно пчелы построили храм Аполлона в Дельфах.)

12 октября 1492 г. Христофор Колумб на трех каравеллах («Санта-Мария», «Пинта» и «Нинья») достиг острова Сан-Сальватор в Багамском архипелаге. Этот день стал официальной датой открытия Америки, но для поэта, вынесшего дату 12 октября 1492 г. в подзаголовок стихотворения Колумб [с. 111], он знаменует начало неминуемой катастрофы: вторжение европейцев погубит нетронутый экзотически-красивый мир Сальватора. *Bugsprriet* (*бугшприт*) — горизонтальный или наклонный брус, выставленный вперед с носа парусного судна; служит для выдвижения вперед посовых парусов, для улучшения маневренных качеств судна.

Зима, снег, стужа, холод, лед, мороз как метафоры смерти, остановившейся, застывшей жизни — один из традиционных образов в европейской культуре. Поэты немецкого экспрессионизма активно использовали этот мотив, и Гейм не является здесь исключением: зима для него является воплощением *Endzeit* — конца времени, пустоты. Этот мотив поэт варьирует во многих своих стихотворениях, например в стихотворении *Зима* [с. 115], включенном им в книгу ВД, или в стихотворении с таким же заглавием [с. 231], вошедшем в посмертную книгу UV, а также в стихотворении *Середина зимы* [с. 373] из НТ.

К традиционным поэтическим мотивам относится и осень — любимое время года французских символистов и декадентов. С 1904 по 1911 г. Гейм написал 20 стихотворений и поэтических фрагментов, в заглавие которых входит слово «осень». Некоторые из них были включены затем в его посмертные книги UV и НТ, например *Осенний вечер* [с. 329], *Осенний сад* [с. 365], *Ноябрь* [с. 367], *Осень* [с. 337], *Autumnus* [с. 299], «Дни прозрачной сходят в вечер...» [с. 309], «Отпремело лето над мертвыми нивами...» [с. 393]. Они содержат одни и те же традиционные для подобного рода произведений поэтические образы: увядание природы, дождь, одиночество, печаль, тоска (*Trübsinn*). В отличие от этих стихотворений, *Осень* [с. 119] в ВД отражает геймовское увлечение философией Ф. Ницше. Изображенное здесь вакхическое неистовство понимается не только как олицетворение осени, но и как красочный закат язы-

чества. Примечательно, что песни козлоногих *фавнов* (*Faune*), спутников Диониса, названы здесь *пеанами* (*Paian*), т. е. славословиями к Аполлону, а рядом с персонажами из греческой мифологии, например *дриадами* (*Dryaden*), нимфами-покровительницами деревьев, соседствуют летучие *эльфы* — образы из германской мифологии. Так складывается синкретическая картина язычества. *Thyrsus* — *тирсы* — увитые плющом сосновые ветви, атрибут спутников Диониса.

Совсем не случайно за «Осенью» в ВД следует стихотворение *Крестный ход* [с. 123]: поэту важно показать, что на смену веселым божкам из свиты Диониса приходит новый бог — Христос, погружающий мир в сон (ср. последнюю строфу стихотворения). *Mariens Wunden* (*Маришны раны*) в седьмой строфе — это кровавые раны, изображавшиеся со времен Средневековья на теле Богоматери (так наглядно показывались ее душевные муки).

В октябре 1910 г. Гейм написал несколько стихотворений, озаглавленных «День», в которых показал (вполне в духе учения Ницше) «дикую» сторону античности. Одно из таких стихотворений [с. 127] поэт включил в книгу ВД. Источником для стихотворения послужила мифическая история о том, как после взятия *Трои* на *Иде* (*Ida* — горная цепь в Малой Азии, место брака Зевса и Геры, а кроме того, центр культа богини Кибелы и также место, где свершился суд Париса) зажгли костер; его увидели на заморской горе и зажгли другой костер, и так, от горы к горе, известие о победе дошло до *Халкиды* (*Chalkis*) и до столичного *Аргоса* (*Argos*). *Пальмира* (*Palmyra*) — город в Сирии, к северу от *Дамаска* (*Damaskus*), его расцвет пришелся на III в. до н. э. *Геллеспонт* (*Hellespont*) — древнегреческое название Дарданелл, пролива между Европой и Азией, *Осса* (*Ossa*) — гора в Греции, на берегу Эгейского моря. Халкида — город южнее Оссы, на берегу пролива, направления течения которого меняются шесть раз в день. Еще южнее расположен *Марафон* (*Marathon*), место знаменитого сражения, а еще южнее — *Элида* (*Elis*), столица олимпийских игр. Похожее стихотворение — *День* [с. 283] открывает книгу НТ. В этом стихотворении, в восьмой строке, под *Titans Tod* поэт подразумевает закат солнца, т. к.

Titan — *Tuman* — это обычное название солнца в латинской поэзии. *Quadriga* — римская четырехколесная колесница, *Pyanepsion* — *Пианепсий* — месяц афинского календаря, октябрь—ноябрь.

В бумагах поэта сохранилось несколько вариантов стихотворения *Смерть влюбленных* [с. 131], вошедшего в ВД. Как видно из названия, оно было навеяно одноименным стихотворением Бодлера («*La mort des amants*»). *Kormoran* (Корморан) — другое название большого баклана — водоплавающей птицы с иссиня-черным оперением. (Ранний вариант этого стихотворения, озаглавленный *Смерть любовников в море* [с. 305], был включен друзьями поэта в книгу НТ.)

Образы стихотворения *Госпиталь* [с. 141], как считается, перекликаются с рисунком «*Чума*» (1903) немецкого графика Макса Клингера (1857—1920), вошедшим в его графический цикл «*О смерти*» (1898—1910). Во второй части стихотворения, в четвертой строфе: <...> *ein Mann im Stuhl / Und droht den Kranken mit dem Eisenstab* скрыта аллюзия на Антихриста (ср. Откр. 3, 26—27).

Источником стихотворения *Спящие* [с. 147], по-видимому, стала картина «*Ночь*» (1898) выдающегося швейцарского художника Фердинанда Ходлера (1853—1918; ср. первую строфу стихотворения). В ноябре 1910 г. в журнале «*Der Demokrat*» один из знакомых поэта, искусствовед Вильгельм Гутман, сравнил живопись Ходлера с поэзией Гейма на том основании, что в стихах Гейма, так же как и на полотнах Ходлера, образы располагаются не последовательно (*nacheinander*), а оказываются как бы соположены друг другу в пространстве (*nebeneinander*). Через несколько дней после того, как журнал с этой статьей оказался у него в руках, ГГ написал своих «*Спящих*». Впервые стихотворение было опубликовано в экспрессионистском журнале «*Die Aktion*» с посвящением другу Гейма, *Якобу ван Годдису* (1887—1942?), известному поэту, автору знаменитого стихотворения «*Конец света*» (1910), которое иногда называют начальной точкой экспрессионистской литературы. Судьба ван Годдиса была трагичной. В 1912 г. он попал в клинику для душевнобольных, откуда сбежал; до 1914 г.

поэт скитался по Европе, в 1914 г. был помещен в частную психиатрическую лечебницу, где провел большую часть своей жизни. Как и другие умалишенные, в годы нацизма ван Годдис был депортирован в концентрационный лагерь и уничтожен фашистами. Считается, что гибель Гейма спровоцировала у ван Годдиса первый приступ тяжелой нервной болезни: ван Годдис связал гибель своего друга с их общим интересом к оккультизму и почувствовал себя виноватым в его гибели.

Под *выдуманной возлюбленной*, которой посвящены **Черные видения** [с. 151], Гейм, очевидно, подразумевает Смерть. Во втором стихотворении этого цикла поэт следует античным представлениям, по которым души мертвых в облике *пчел, птиц или летучих мышей* ведут беспокойную жизнь в Аиде. *Der Tore Amethyst* — в Апокалипсисе — аметист — двенадцатый камень в основании врат Небесного Иерусалима (Откр. 21, 20).

UMBRA VITAE

22 января 1912 г., когда тело поэта еще не было погребено, издатель направил его семье письмо, где в ультимативной форме заявил свои права на неопубликованные произведения и черновики ГГ, пригрозив его родителям судебной тяжбой в случае, если рукописи будут уничтожены. В итоге уже к 12 февраля в руках издателя оказались 10 тетрадей со стихами, фрагментами и набросками, и он предложил друзьям ГГ отобрать из всего корпуса оставшихся текстов около пятидесяти лучших стихотворений для посмертной публикации. Так началась работа по подготовке посмертного сборника, который было решено назвать «*Umbra vitae*» (лат. «тень жизни») — так, как сам поэт намеревался назвать свою вторую книгу.

В итоге в первую посмертную книгу стихов ГГ вошло 43 стихотворения. Все они были созданы в период с начала 1911 г. по январь 1912-го (включенное в UV стихотворение *Слепые женщины* [с. 229] было написано в феврале 1911 г., стихотворение *Богослужение* [с. 277] поэт записал за несколько дней до смерти). Поспешность, с которой Ровольт (а он не мог не учитывать благоприятной конъюнк-

туры на рынке: слухи вокруг смерти поэта пробудили интерес к его творчеству) хотел издать второй сборник, сказалась на качестве публикации. Многие стихотворения были сокращены, потому что редакторы книги не могли разобрать почерка ГГ. Составители разрушали целостные авторские циклы, изымая из них для публикации в книге отдельные, наиболее удачные, на их взгляд, стихотворения. Названия многих стихов были изменены — они казались не соответствующими настроению и тональности стихов. Так, открывающее книгу стихотворение *Umbra vitae* [с. 163] не имело заглавия в рукописях поэта, а заглавие «*Umbra vitae*» носило совершенно другое стихотворение. Первая строфа, в которой говорится о *кометах с огненными ключами*, отсылает к распространенным у многих народов поверьям о том, что появление в небе кометы предвещает несчастье. В 1910 г. в Европе наблюдалась ярчайшая комета Галлея, ее появление в небе сопровождалось огромным количеством публикаций в прессе, зачастую спекулятивного характера. ГГ, который живо интересовался астрологией и оккультизмом, был, скорее всего, знаком с многими из них. В 1911 г. к Земле подошли сразу три кометы, которые можно было наблюдать невооруженным взглядом. — о них поэт также упоминает в своих стихах: комета Брукса — в январе (ср.: <...> *die Nacht erschüttert* <...> *ein bläulicher Komet* <...> в стихотворении «Черные видения II», написанном в январе 1911 г.); в августе — комета Энке, что отразилось в стихотворении *Глухие II* [с. 243], датированном 29 августа (*Kometen, die mit trüben Schrei zerstioben* <...>); и в октябре — комета Файе—Мёллера.

Знаменитое стихотворение *Война* [с. 167] принято считать квинтэссенцией всего творчества поэта и доказательством его пророческого дара: долгое время утверждали, что в этом стихотворении ГГ предсказал Первую мировую войну. На самом деле, как установили исследователи, «Война» является своеобразным откликом на т. н. «марокканский кризис» в сентябре 1911 г., когда сообщения о противостоянии немецкого крейсера «Пантера» и французских войск у берегов Марокко, а также о военных приготовлениях Франции вызвали в Германии панику, в результате которой

последовал обвал на берлинской бирже. Толчком к написанию стихотворения послужила одна из статей в газете «*Berliner Tageblatt*», озаглавленная «Подстрекатель» и начинавшаяся словами: «Нельзя будить Великого Папа, когда он спит <...> он может восстать ото сна и начать сеять вокруг себя необъяснимый страх <...>». Именно эти слова поэт воспроизвел в первой строке стихотворения. Впрочем, та же строка — *Aufgestanden ist er, welcher lange schlief* <...> — отсылает и к Апокалипсису (ср. Откр. 17, 8). В одной из глав «Мира как воли и представления» А. Шопенгауэр красочно описывает индуистского бога Шиву — высшее существо, олицетворяющее созидательные и разрушающие силы в мироздании; Шиве отведена роль уничтожителя мира и богов, а его свиту составляют злые духи и оборотни, живущие на кладбищах и питающиеся человеческим мясом. Шопенгауэр сообщал, что Шиву обычно изображают с ожерельем из черепов на шее (ср. *Drum von tausend Schädeln laute Kette hängt* <...>). Пятая строфа «Войны» перекликается с известным стихотворением поэта эпохи барокко А. Грифиуса (1616—1664) «Слезы отчизны», посвященном Тридцатилетней войне (1618—1648). Перевернутый три раза гаснущий или погасший факел (последняя строка предпоследней строфы: *Der in wilde Himmel dreimal seine Fackel dreht* <...>) — символизировал в античные времена смерть. Можно добавить, что в изобразительном искусстве рубежа XIX—XX вв. были распространены аллегорические изображения войны в виде гигантской фигуры — достаточно вспомнить знаменитую картину художника Ф. фон Штука «Война» (1894) или известный рисунок А. Кубина с таким же названием (1904). Другое стихотворение с названием **Война** вошло в книгу НТ [с. 397].

Большое стихотворение **Морг** [с. 171] на сюжет, обычный в изобразительном искусстве и поэзии эпохи *fin de siècle*, ГТ планировал выпустить отдельной книжкой с иллюстрациями своего друга, мюнхенского художника Э. М. Энгерта. *Икарнды* — сьпювья Икара. В строке *Ein jeder klornte wie ein Goliath* — аллюзия на библейскую историю: великан филистимлянин Голиаф, повергнутый Давидом, был с ног до головы закован в медную броню, так что казалось, будто он сделан из металла.

В стихотворениях **Мореплаватели** [с. 179] и **Плавающими кораблями...** [с. 191] снова заметно влияние французского символизма. В них можно обнаружить скрытые цитаты из знаменитого стихотворения Рембо «Пьяный корабль». Известно, что ГГ пыгался переводить «Пьяный корабль», и, как свидетельствовали друзья поэта, геймовское (не сохранившееся) переложение было лучшим переводом Рембо на немецкий язык. В предпоследней строфе стихотворения «Плавающими кораблями...» — намек на ветхозаветную историю о потопе (ср. Быт. 8).

Особую роль в поздних стихотворениях ГГ играет образ луны и лунарная символика. В традиционном мифологическом противопоставлении луны и солнца луна обычно наделяется отрицательным значением: она соотносится со смертью и с миром мертвых (в средневековой иконографии ад, мир тьмы изображали с помощью убывающего месяца). Луна — это место, куда в верованиях многих народов попадают после смерти умершие. Луна связана с магическими ритуалами, считается, что она покровительствует оккультным наукам. Так, авторское название стихотворения **Месяц** [с. 185] — «Luna» — отсылает к римской богине ночного света. Луна имела несколько святилищ, одно вместе с богом солнца. С этой богиней связывались различные теории в астрологии и демонологии, и ее образ поэт использует для того, чтобы (как и в стихотворении «День») показать «темную» сторону греческой культуры, ее дионисийские черты. *Akanthus* — *акант* — у греков — образец для рисунков коринфских капителей храмовых и иных колонн. *Partherfürst* (*парфянский князь*) — Парфия, государство, находившееся на юго-востоке от Каспийского моря и владевшее Ираном с 225 г. до н. э. по 224 г. н. э. Соперник Рима на Востоке. *Sardes* — *Сарды* — город в Малой Азии, столица лидийского царя Креза, знаменитого своими богатствами. *Pontos* (*Понт*) — Черное море. *Ararat* (*Арагат*) — вершина Армянского нагорья. *Sirius* (*Сирiuс*) — летняя звезда, по которой в Египте отсчитывали годы. *Ninive* — *Ниневия* — древний город в Ассирии, славившийся своей клинописной библиотекой; разрушен мидянами в 612 г. до н. э. *Aldebaran* (*Альдебаран*) — самая яркая звезда

в созвездии Тельца, красного цвета. (Ср. также стихотворение **Месяц** в НТ [с. 321].)

О зловещей силе, которой, по народным поверьям, обладает лунный свет, идет речь в стихотворениях **Остроголовый, веющий желтым...** [с. 189] и **Сомнамбулы** [с. 217]. Необычное сравнение человека со *стеклянным шаром* в первом из названных стихотворений восходит к книге А. Шопенгауэра «Мир как воля и представление» (ср. также стихотворение «Нас зазывали двory...» в НТ).

Важную роль в поздней поэзии ГГ играет образ ночи — традиционной метафоры смерти (ср. стихотворения **Ночь** [с. 215], **Ночь III** [с. 233]; в книге НТ — **Ночь I—II** [с. 287], **Ночь** [с. 395] — в последнем отразились впечатления поэта от землетрясения, которое случилось 16 ноября 1911 г., когда поэт был в Мюнхене. Можно отметить, что слово *die Nacht* (ночь) — одно из самых часто употребляемых существительных в поэтическом словаре ГГ.

В отличие от стихотворений 1910 г., вошедших в книгу «Вечный день», где описывается гибель городов, в стихах 1911 г. (**Морские города** [с. 195], **Замки** [с. 197], **Города** [с. 199], **Город мук** [с. 201], **Проклятье городов V** [с. 213]), включенных в UV, поэт изображает города разрушенные, отсутствующие или населенные тенями мертвых. Эпиграф стихотворения «Город мук» — *Ты, любовь, что рушишься на тварей* — известный стих из хора в «Антигоне» Софокла. Еще одно стихотворение на эту же тему — **Город** [с. 219] — напоминает о «Парижской оргии» (*L'Orgie parisienne*) А. Рембо.

Название сонета **КАТА** [с. 225] в переводе с греческого означает «вниз», словом *katabasis* в Гомеровой «Одиссее» называется спуск героя в Аид. Упоминание о *пурпурном драконе* (*Purpurdraehen*) в первой строфе отсылает к Откровению Иоанна Богослова (Откр. 12, 3—4). *Tetrarch*, т. е. *четверовластник* — титул правителей Иудеи при Христе. Месяц, правящий медленную упряжку (*Mond <...> lenkt das fahle Viergespann*) — это богиня Селена, олицетворение луны, на четырехколесной бычьей колеснице.

Образ *Фауна* — римского бога полей, лесов, пастбищ и животных — был одним из самых распространенных в поэзии французского символизма и искусстве немецкого югенд-

шпиля. Впрочем, сонет, озаглавленный друзьями поэта **Умирающий фавн** [с. 227], не имел названия в рукописи. **Венок из сельдерея** (*der Kranz von Lattich*) был в античные времена наградой на некоторых состязаниях. *Thrakien* — Фракия — дикая окраина Греции.

<...> *dunklen Gottes Pentagramm* -- в стихотворении **Слепые женщины** [с. 229] — это пятиконечная звезда, знак Сатаны, который, как считается, дьявол ставит уколом своего рога.

Сравнение типовых построек в быстрорастущих берлинских рабочих кварталах с грибами в стихотворении **Новые дома** [с. 235] (ср. *Wie Pilze gewachsen* <...>) поэт мог почерпнуть из прессы: такая метафора была чрезвычайно распространена в газетах и журналах того времени.

Самсон [с. 241] — герой ветхозаветных преданий, наделенный невиданной физической силой. С ее помощью он одолевал своих врагов — филистимлян, под игом которых находился Израиль. Избранный на служение богу «от чрева матери», назорей, он не должен был стричь волосы, в которых и был источник его силы. Возлюбленная Самсона — Далила — была подкуплена его врагами и выведала у Самсона тайну его необычайной мощи. Однажды ночью филистимляне остригли «семь кос с головы» спящего Самсона, ослепили его, заковали в цепи и заставили вращать мельничные жернова в темнице. Чтобы насладиться унижением Самсона, филистимляне привели его на праздник в храм Дагона и заставили забавлять собравшихся. Самсон попросил отрока-поводыря подвести его к центральным столбам храма, чтобы опереться на них. Вознеся богу молитву, Самсон, вновь обретший силу, сдвинул с места два средних столба храма и с возгласом «Да умрет душа моя с филистимлянами» обрушил все здание на собравшихся, убив в миг своей смерти больше врагов, чем за всю жизнь (Судей, 13–16).

В основе стихотворения **Адская вечеря** [с. 247] — расхожее представление о «черной мессе» — ритуале поклонения дьяволу вместо бога. Считается, что обряд черной мессы переиначивает обряд мессы католической: распятие висит вверх ногами, молитвы читаются задом наперед, вместо святой воды используются помои и т. д. Этот обряд якобы

сопровождается жертвоприношениями животных и причудливыми сексуальными актами. *Chrysolith* — *хризолит* — драгоценный камень зеленого цвета, седьмой из двенадцати камней в основании Небесного Иерусалима (Откр. 21, 20). <...> *Wenn in den Bergen fern das Einhorn schreit* — *единорог* в христианской традиции — символ чистоты и девственности, служил эмблемой слова Божия. Изображается в виде белого коня с одним рогом, выходящим из лба. Ненасытный и дикий, он может быть приручен только невинной девой. *Mehltau* (*мучница*) — болезнь растений: белый налет на листьях, стеблях и плодах, от которого растения начинают загнивать и погибать.

Голо Ганги, которому посвящено стихотворение *Моя душа* [с. 255], — псевдоним Эрвина Лёвенсона, друга ГГ. Он принимал участие в составлении и издании посмертных сборников поэта и написал одну из первых биографий ГГ — «*Georg Heym, oder vom Geist des Schicksals*». В годы нацизма Лёвенсон спас рукописи Гейма от уничтожения, вывезя их в Палестину. Он же был одним из инициаторов издания полного собрания сочинений поэта.

С известнейшего стихотворения «*Длинные твои ресницы...*» [с. 257], написанного летом 1911 г., намечается заметный отход от типичной для ГГ в 1910-м — начале 1911 г. поэтической манеры: он почти отказывается от пятистопного ямба, точной рифмы и отчетливой образности, доминировавших до этого в его поэтике. Им на смену приходит большее разнообразие размеров и неточная рифма. В рукописи стихотворение посвящено *Хильдегарде Крон* (1892—1941?) — подруге поэта. ГГ познакомился с ней летом 1911 г. на Ванзее. Близкие отношения Крон и ГГ продолжались, вопреки родительской воле обоих, вплоть до смерти поэта. Георг и Хильдегарда вели ежедневную тайную переписку. Через отца ГГ родители Хильдегарды Крон, посчитавшие стихотворение «непристойным», безуспешно пытались воспрепятствовать его публикации. Жизнь Хильдегарды Крон после смерти Гейма сложилась неудачно: она вышла замуж за французского подданного, была несчастлива в браке и развелась. В годы нацизма ухаживала за тяжелобольной матерью и поэтому отказалась от возможности покинуть Герма-

нию. Наполовину еврейка, Крон погибла в концентрационном лагере. Знаменитая первая строфа этого стихотворения восходит к сонету III. Бодлера «Кошка», а образ падающего листа (в последней строфе) как метафоры человеческой жизни у Гомера, восходящий к средневековым мистикам, часто встречается у Ф. Гёльдерлина (1770—1843) (ср., например, в начале второй книги любимого произведения ГГ — романа «Гиперион, или Отшельник в Греции»: «Ist der Mensch <...> nicht wie ein abgefallen Blatt, das seinen Stamm nicht wiederfindet und nun unhergescheucht wird von den Winden, bis er der Sand begröbt?»). Хильдегарде посвящено еще одно стихотворение ГГ, вошедшее в книгу НГ под заголовком **Осенний вечер** [с. 329].

Название стихотворения **Hora mortis** [с. 267] переводится с латинского как «смертный час». *Die Lethe* — *Летта* — река в Царстве мертвых, испив воду из которой души умерших забывают свою былую жизнь.

Толчком для написания стихотворений на новозаветный сюжет о последних днях Иисуса Христа — **Иуда** [с. 269], **Сад** [с. 271], **Пилат** [с. 273] и **Дерево** [с. 275] — стала поездка ГГ в Мюнхен в ноябре 1911 г. и впечатления от посещения Пинакотеки, где в те дни проходила выставка картин Эль Грско. Среди выставленных полотен были в основном поздние работы художника, такие как «Христос, несущий крест» и «Христос на масляничной горе». Поэт обратил свое внимание и на картины постоянной экспозиции, в особенности на рембрандтовский цикл Страстей Христовых — «Положение во гроб», «Вознесение Христа» и «Воскрешение».

Любопытно, что интерес поэта в этих поздних стихотворениях сосредоточен на фигуре «главного грешника человечества» и что *Иуда* в мифологической традиции «лунарный» персонаж — это возвращает нас к центральному образу поздних стихов ГГ.

НЕБЕСНАЯ ТРАГЕДИЯ

Вторая посмертная книга стихотворений ГГ была составлена К. Пингусом и Э. Лёвенсоном из неопубликованных стихотворений поэта, написанных им с 1910-го по 1912 гг.

Впервые она увидела свет в составе однотомного собрания сочинений поэта. Как и в случае с UV, составители достаточно свободно обращались с рукописными источниками: меняли названия геймовских стихотворений, произвольно сокращали их, разрушали цельные авторские циклы и т. п.

Свое название этот сборник из 50 стихотворений получил по строке из черновика ГГ, обращенной, по всей видимости, к Хильдегарде Крон и вынесенной в эпиграф книги.

Очевидный источник стихотворения *Арабеска* [с. 289] — шекспировская пьеса о короле Лире.

Образ *дерева, расколотого молнией*, в третьей строфе стихотворения «О дальний, дальний вечер...» [с. 293] снова перекликается с письмом Ван Гога брату, которое поэт уже однажды цитировал в стихотворении «Арестанты» (см. соотв. ком.) Рисунками Ван Гога навеяно и следующее стихотворение книги — *Printemps* [с. 297] (*фр.* «весна»).

Нетрудно заметить, что сонет *Пароходы на Хафеле* [с. 301] перекликается с вошедшим в ВД стихотворением о поездах. *Havel* — судоходный приток Эльбы, недалеко от Берлина.

Под *Лесными городами* [с. 311], очевидно, имеются в виду тропические леса Центральной и Южной Америки и лагерянные в этих лесах руины древних индейских городов, обнаруженные на рубеже XIX—XX вв. О раскопках, которые велись в амазонских джунглях, неоднократно писали немецкие газеты того времени.

Стихотворение «Развеялись, как облака...» [с. 313] изначально входило в четырехчастный цикл «Ад» и называлось «Das Erwachen». Эпиграфом к циклу поэт предположил строки из драмы Христиана Дитриха Граббе «Герцог Теодор Готландский». Х. Д. Граббе (1801—1836) — одна из самых ярких и противоречивых фигур немецкой литературы XIX в. В своей драматургии он порывал с канонами классицизма и романтизма. Предвосхитил массовые сцены в натурализме и экспрессионизме и технику монтажа 1920-х гг. Его творчество, как и его бурная несчастливая судьба способствовали его культуре в среде немецких экспрессио-

нистов. ГГ причислял его к числу своих героев «с разорванным сердцем» (ср. запись в дневнике поэта от 20.07.1909).

Одним из самых любимых произведений ГГ была пьеса Габбе «Наполеон, или Сто дней» (1831). Как и многих его предшественников и современников, поэта привлекала фигура прославленного французского императора, ему ГГ посвятил стихотворение *Тоска о Париже* [с. 315]. Именно Наполеона, похороненного в *Доме Инвалидов (Haus der Invaliden)*, ГГ имеет в виду, когда в шестой строфе говорит о *покоящемся императоре. Die Königsilien* — это белые лилии, символ королевского дома Бурбонов. *Der Graal* — *Грааль* — в западноевропейских средневековых легендах — таинственный сосуд, ради приближения к которому рыцари совершают свои подвиги. Обычно считалось, что это чаша, в которую Иосиф Аримафейский, снявший с креста тело распятого Христа, собрал его кровь. Строки *Und auf der weiten Place de la Concorde // Aus Dantons Mund der Städte Zorn empört <...> Des Königs armes Haupt im Sande rollte* — возвращают читателя к временам Французской революции, когда на *площади Согласия* была установлена гильотина. Здесь был казнен по распоряжению Робеспьера и король Людовик XVI, и Дантон (1759–1794) — выдающийся революционный деятель. *Champs de Mars* — *Марсово поле* — место проведения военных парадов (с 1790) и выставок; в 1867 г. на площади была возведена Эйфелева башня. *Park Vincennes* — *Венсеннский лес*, занимающий огромное пространство, — любимое место отдыха парижан. Раньше — излюбленное место королевской охоты. При Людовике XI расположенный здесь замок Венсенн был превращен в тюрьму для государственных преступников.

Под *Плодоедами* [с. 325] имеются в виду индийские аскеты. Стихотворение представляет собой сатирический отклик на распространившееся в Европе начала XX в. увлечение восточными, в первую очередь индийскими, эзотерическими учениями и медициной.

Среди источников геймовского стихотворения *Холм висельников* [с. 331] исследователи творчества поэта называют «Балладу повешенных» Франсуа Вийона (ок. 1431—

ок. 1463), картины Брейгеля и «Бал повешенных» А. Рембо.

Обезьяна в Средние века считалась образом дьявола. Существовало мнение, что она проявляет особую склонность к меланхолии. В двухчастном стихотворении *Обезьяна* [с. 341] поэт следует таким представлениям, изображая, как животное предаётся грусти при убывании луны (ср. со второй по четвертую строфы второй части стихотворения). *Plejaden* – *Плеяды* – в греческой мифологии – семь дочерей титана Атланта и океаниды Плейоны; их преследовал охотник Орион, пока они не превратились в голубок. Зевс вознес их в виде созвездия на небо.

Джироламо Савонарола (1452–1498) – доминиканский монах, флорентийский проповедник, экстатический обличитель нравов церкви и мирян. Был сожжен на костре как еретик. В Германии считался предшественником реформации и чтился. *Савонарола*, которому ГГ посвятил один из сонетов [с. 347], был красочно описан Дмитрием Мережковским (1866–1941) в романе «Воскресшие боги (Леонардо да Винчи)»; роман русского писателя пользовался сенсационной популярностью в Европе начала XX в. и неоднократно перечитывался ГГ.

Стихотворение *Смерть Пьеро* [с. 349] в рукописи имеет заголовок «Смерть пастуха». Стоит вспомнить, что *Пьеро* – персонаж итальянской комедии масок и карнаваловых празднеств – и *лебедь*, поющий на пороге смерти свою последнюю песню, были излюбленными образами в поэзии французских символистов.

О поэзии Фридриха Гёльдерлина, оказавшей, как и творчество Ш. Бодлера и А. Рембо, на ГГ значительное влияние, напоминает стихотворение *К морю* [с. 355]. *Das Land der Hesperiden* – берег *Гесперид* (в греческой мифологии райский сад на крайнем западе мира) обычно помещался у Гибралтарского пролива, у океана. *Йорре* – *Яффа* – портовый город в Финикии, на берегу Средиземного моря. *Der Atlas (Атлас)* – горы в Северной Африке; считалось, что это окаменевший титан Атлас, подпиравший небо у сада Гесперид. *Karthagos Flammen* – *карфагенский пожар*; Карфаген был разрушен в 146 г. до н. э. Еще одно стихо-

творение в НТ — «Вы, души мертвых, белые бабочки...» [с. 377], — в подражание Гёльдерлину, было написано распатанной Алкеевой строфой, а повторяющийся в четвертой и пятой строфах стихотворения вопрос *Was ist das Leben?* отсылает к гёльдерлиновскому гимну «*Was ist der Menschen Leben?*»

Стихотворение **Россия** [с. 383] не имело заглавия в черновиках. ГГ имел представление о России в первую очередь по книгам: он много читал популярных в те годы Достоевского и Мережковского, а также по газетным сводкам о революционных событиях в России 1904—1907 гг. Примечательно, что одна из новелл ГГ — «Багров» — посвящена убийству Столыпина, сообщения о котором обошли немецкие газеты в 1910 г. *Верхоянск* долгое время считался самым холодным местом на земле.

А. Маркин

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ ГЕОРГА ГЕЙМА. <i>Н. С. Павлова</i>	5
ОТ ПЕРЕВОДЧИКА. <i>М. Л. Гаспаров</i>	29

DER EWIGE TAG ВЕЧНЫЙ ДЕНЬ

BERLIN I	32
БЕРЛИН I	33
BERLIN II	34
БЕРЛИН II	35
LAUBENFEST	36
ДАЧНЫЙ ПРАЗДНИК	37
DIE ZÜGE	38
ПОЕЗДА	39
BERLIN III	40
БЕРЛИН III	41
DER HUNGER	42
ГОЛОД	43
DIE GEFANGENEN I	44
АРЕСТАНТЫ I	45
DIE GEFANGENEN II	46
АРЕСТАНТЫ II	47
DER GOTT DER STADT	48
БОГ ГОРОДА	49
DIE VORSTADT	50
ОКРАИНА	51

DIE DÄMONEN DER STÄDTE	54
ДЕМОНЫ ГОРОДОВ	55
DER BLINDE	58
СЛЕПОЙ	59
DIE TOTE IM WASSER	60
УТОПЛЕННИЦА	61
DER SCHLÄFER IM WALDE	64
СПЯЩИЙ В ЛЕСУ	65
«BIST DU NUN TOT?..»	68
«И ТЫ МЕРТВА?..»	69
NACH DER SCHLACHT	72
ПОСЛЕ БИТВЫ	73
DER BAUM	74
ДЕРЕВО	75
LOUIS CAPET	76
ЛУИ КАПЕТ	77
MARENGO	78
МАРЕНГО	79
ROBESPIERRE	80
РОБЕСПЬЕР	81
STYX	82
СТИКС	83
WOLKEN	86
ТУЧИ	87
GRUFT	90
СКЛЕП	91
DIE HEIMAT DER TOTEN	92
МЕРТВЕЦКИЙ КРАЙ	93
DER FLIEGENDE HOLLÄNDER	98
ЛЕТУЧИЙ ГОЛЛАНДЕЦ	99
APRIL	104
АПРЕЛЬ	105
SONNWEINDTAG	106
САМЫЙ ДЛИННЫЙ ДЕНЬ	107

DIE RUHIGEN	108
УСПОКОЕНИЕ	109
COLUMBUS	110
КОЛУМБ	111
GEGEN NORDEN	112
НА СЕВЕРЕ	113
DER WINTER	114
ЗИМА	115
DER ABEND	116
ВЕЧЕР	117
HERBST	118
ОСЕНЬ	119
FRONLEICHNAMSPROZESSION	122
КРЕСТНЫЙ ХОД	123
DER TAG	126
ДЕНЬ	127
DER TOD DER LIEBENDEN	130
СМЕРТЬ ВЛЮБЛЕННЫХ	131
OPHELIA	134
ОФЕЛИЯ	135
DIE PROFESSOREN	138
УЧЕНЫЕ	139
DAS FIEBRSPITAL	140
ГОСПИТАЛЬ	141
DIE SCHLÄFER	146
СПЯЩИЕ	147
SCHWARZE VISIONEN	150
ЧЕРНЫЕ ВИДЕНИЯ	151
UMBRA VITAE	
UMBRA VITAE	
UMBRA VITAE	162
UMBRA VITAE	163

DER KRIEG	166
ВОЙНА	167
DIE MORGUE	170
МОРГ	171
DIE SEEFÄHRER	178
МОРЕПЛАВАТЕЛИ	179
DER GARTEN DER IRREN	180
СУМАСШЕДШИЙ САД	181
ALLE LANDSCHAFTEN HABEN	182
ВСЮДУ, КУДА НИ ВЗГЛЯНЕШЬ	183
MOND	184
МЕСЯЦ	185
«SPITZKÖPFIG KOMMT ER...»	188
«ОСТРОГОЛОВЫЙ, ВЕЮЩИЙ ЖЕЛТЫМ...»	189
MIT DEN FAHRENDEN SCHIFFEN	190
ПЛАВУЧИМИ КОРАБЛЯМИ	191
DIE MEERSTÄDTE	194
МОРСКИЕ ГОРОДА	195
DIE SCHLÖSSER	196
ЗАМКИ	197
DIE STÄDTE	198
ГОРОДА	199
DIE STADT DER QUAL	200
ГОРОД МУК	201
DIE IRREN I, II UND III / VARIATION	204
ПОМЕШАННЫЕ I, II И III / ВАРИАЦИЯ	205
VERFLUCHUNG DER STÄDTE V	212
ПРОКЛЯТЬЕ ГОРОДОВ V	213
DIE NACHT	214
НОЧЬ	215
DIE SOMNAMBULEN	216
СОМНАМБУЛЫ	217
DIE STADT	218
ГОРОД	219

HALBER SCHLAF	220
ПОЛУСОН	221
FRÖHLICHKEIT	222
ВЕСЕЛЬЕ	223
KATA	224
КАТА	225
DER STERBENDE FAUN	226
УМИРАЮЩИЙ ФАВН	227
DIE BLINDEN FRAUEN	228
СЛЕПЫЕ ЖЕНЩИНЫ	229
DER WINTER	230
ЗИМА	231
NACHT III	232
НОЧЬ III	233
DIE NEUEN HÄUSER	234
НОВЫЕ ДОМА	235
«DIE HÖFE LUDEN UNS EIN...»	236
«НАС ЗАЗЫВАЛИ ДВОРЫ...»	237
ALLERSEELEN	238
ВСЕХ УСОПШИХ	239
SIMSON	240
САМСОН	241
DIE TAUBEN II	242
ГЛУХИЕ II	243
DAS INFERNALISCHE ABENDMÄHL	246
АДСКАЯ ВЕЧЕРЯ	247
MEINE SEELE	254
МОЯ ДУША	255
«DEINE WIMPERN, DIE LANGEN...»	256
«ДЛИННЫЕ ТВОИ РЕСНИЦЫ...»	257
DIE NEBELSTADTE	260
ОБЛАЧНЫЕ ГОРОДА	261
DIE VÖGEL	262
ПТИЦЫ	263

DIE TÄNZERIN IN DER GEMME	264
ТАНЦОВЩИЦА НА РЕЗНОМ КАМНЕ	265
HORA MORTIS	266
HORA MORTIS	267
JUDAS	268
ИУДА	269
DER GARTEN	270
САД	271
PILATUS	272
ПИЛАТ	273
DER BAUM	274
ДЕРЕВО	275
DIE MESSE	276
БОГОСЛУЖЕНИЕ	277
HYMNE	278
ГИМН	279

**DER HIMMEL TRAUERSPIEL
НЕБЕСНАЯ ТРАГЕДИЯ**

DER TAG	282
ДЕНЬ	283
DIE NACHT	286
НОЧЬ	287
ARABESKE	288
АРАБЕСКА	289
O WEITER, WEITER ABEND	292
О, ДАЛЬНИЙ, ДАЛЬНИЙ ВЕЧЕР	293
AUS GRÜNER WALDNACHT	294
В ЗЕЛЕНОМ СУМРАКЕ	295
PRINTEMPS	296
PRINTEMPS	297
AUTUMNUS	298
AUTUMNUS	299

DIE DAMPFER AUF DER HAVEL	300
ПАРОХОДЫ НА ХАФЕЛЕ	301
WO EBEN RAUSCHTEN NOCH DIE KARUSSELLE	302
ГДЕ ШУМЕЛИ, КРУЖАТЬСЯ, КАРУСЕЛИ	303
DER TOD DER LIEBENDEN IM MEER	304
СМЕРТЬ ЛЮБОВНИКОВ В МОРЕ	305
LICHTER GEHEN JETZT DIE TAGE	308
ДНИ ПРОЗРАЧНЕЙ СХОДЯТ В ВЕЧЕР	309
DIE STÄDTE IM WALDE II	310
ЛЕСНЫЕ ГОРОДА	311
GEWÖLKE GLEICH	312
РАЗВЕЯЛИСЬ, КАК ОБЛАКА	313
SEHNSUCHT NACH PARIS	314
ТОСКА О ПАРИЖЕ	315
LUNA	320
МЕСЯЦ	321
DIE GEFANGENEN TIERE	322
ПЛЕННЫЕ ЗВЕРИ	323
DIE PFLANZENESSER	324
ПЛОДОЕДЫ	325
Ein HERBST-ABEND	328
ОСЕННИЙ ВЕЧЕР	329
DER GALGENBERG	330
ХОЛМ ВИСЕЛЬНИКОВ	331
DER HERBST	336
ОСЕНЬ	337
DIE MÜHLEN	338
МЕЛЬНИЦЫ	339
DER AFFE	340
ОБЕЗЬЯНА	341
GINA	344
ДЖИНА	345
SAVONAROLA	346
САВОНАРОЛА	347

TOD DES PIERROTS	348
СМЕРТЬ ПЬЕРО	349
DIE TAUBEN	350
ГЛУХИЕ	351
AUS THÜRINGEN	352
ИЗ ТЮРИНГИИ	353
AN DAS MEER	354
К МОЮ	355
DER PARK	358
ПАРК	359
DER WALD	360
ЛЕС	361
DER TRAUM DES ERSTEN ZWIELICHTS	362
НАД ДОЛИНОЙ — ДРЕМОТА РАННИХ СУМЕРЕК	363
DER HERBSTLICHE GARTEN	364
ОСЕННИЙ САД	365
NOVEMBER	366
НОЯБРЬ	367
IM KURZEN ABEND	368
КОРОТКИЙ ВЕЧЕР	369
DIE IRREN	370
ПОМЕШАННЫЕ	371
MITTE DES WINTERS	372
СЕРЕДИНА ЗИМЫ	373
FRÜHJAHR	374
ВЕСНА	375
WAS KOMMT IHR, WEIßE FALTER	376
ВЫ, ДУШИ МЕРТВЫХ, БЕЛЫЕ БАБОЧКИ	377
DIE SELBSTMÖRDER	380
САМОУБИЙЦЫ	381
RUSSLAND	382
РОССИЯ	383
DIE WANDERER	384
СТРАННИКИ	385

AUF EINMAL ABER KOMMT EIN GROßES STERBEN	388
НАСТУПИТ ЧАС, И ГРЯНЕТ ВЕЛИКИЙ МОР	389
«UND DIE HÖRNER DES SOMMERS VERSTUMMTEN...»	392
«ОТГРЕМЕЛО ЛЕТО НАД МЕРТВЫМИ НИВАМИ...»	393
DIE NACHT	394
НОЧЬ	395
DER KRIEG	396
ВОЙНА	397
HEROISCHE LANDSCHAFT	398
ГЕРОИЧЕСКИЙ ПЕЙЗАЖ	399
DIE MÄRKTE	402
БАЗАРЫ	403
LETZTE WACHE	406
ПОСЛЕДНЕЕ БДЕНЬЕ	407
 ПРИМЕЧАНИЯ. <i>А. Маркин</i>	 408

Литературно-художественное издание

ГЕОРГ ГЕЙМ
НЕБЕСНАЯ ТРАГЕДИЯ

Ответственная за выпуск Наталия Соколовская
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Раткевич
Корректоры Ольга Золотола, Ольга Крылова
Верстка Александра Сахастени

Директор издательства Максим Крютченко

Подписано в печать 18.02.2005.
Формат издания 76×100 1/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Петербург». Тираж 5000 экз.
Усл. печ. л. 19,74. Изд. № 1275. Заказ № 4140.

Издательство «Азбука-классика».
196105, Санкт-Петербург, а/я 192. www.azbooka.ru

Отпечатано в ОАО ордена Трудового Красного Знамени
«Чеховский полиграфический комбинат»
142300 г. Чехов Московской области
Т/ф (501) 443-92-17, т/ф (272) 6-25-36
E-mail: chpk_marketing@chehov.ru

ВСЕХ УСОПШИХ

День уходит, приходит вечер.
Горит звезда в ночной высоте.
Трава колышется. И все дороги
В сумерках сводятся к одному.

Многие путники уже за перевалом.
Тени их виднеются вдали.
Они несут на шатких шестах
Длинные факелы, веющие пламенем.

Стены. Могилы. Редкие деревья.
Ворота, в них опечаленный лавр.
Много народу мостится по крестам,
Прикрывая огни от дождливой мороси.

Лесной багрец исхудал, как палец.
Когда в облаках смеркается свет,
На нем повисает вечер. От этого
Ближе близость и дальше даль.

Но вечен и неумолчен ветер.
По темным полям, от осени бурым,
Он бегло чертит темные образы
И быстро шепчет темные слова.

В настоящую книгу немецкого поэта-экспрессиониста Георга Гейма включены стихотворения из сборников «Вечный день», «Umbra vitae», «Небесная трагедия». Только первый сборник («Вечный день») вышел при жизни поэта и сразу сделал его ключевой фигурой немецкого экспрессионизма. Г. Гейм — прежде всего поэт-урбанист. Его фантастические футуристические городские пейзажи завораживают читателя своей образностью. В его поэзии звучат предчувствия мощных потрясений и войн. Трагическая гибель молодого поэта в водах реки Хафель наложила особый «посмертный» отпечаток на восприятие его творчества. Настоящее издание — билингва. Стихи Г. Гейма даны в переводе М. Гаспарова. Издание предваряет статья Н. Павловой, а завершают его комментарии А. Маркина.

Георг
ГЕЙМ
1887 — 1912

В оформлении обложки
использована картина
Дж. Ф. Уотса
«Всепроницающий».
1887—1893

www.azbooka.ru

ISBN 5-352-01275-1

9 785352 012758